

Писательские экскурсии

сборник рассказов

16+

**Ольга Лукина
Полина Лиан
Ольга Гузова
Айса Унгарлинова
Элла Чак
Диана Славова
Ольга Чернышева
Светлана Русакова
Алеся Турбан
Надежда Бурковская
Ирина Ломакина
Анастасия Данилова
Жанна Ди
Ольга Шуравина
Софья Гуревич
Инна Фохт
Маргарита Григорьева
Ирина Трушина**

Писательские экскурсии

Аннотация

Прошедший год нас многому научил, даже путешествовать виртуально! В ваших руках билет на необычную экскурсию. В мир кино, картин, скульптур и воспоминаний. Достаточно перевернуть страницу, и вот вы оказываетесь в другом городе, стране или даже времени. Знакомьтесь с героями, их переживаниями и испытываете гамму эмоций. Устраивайтесь поудобней! Желаем вам прекрасного отдыха с книгой.

Содержание

Предисловие	7
Часть 1. Воспоминания	10
Брат	12
Глоток экзотики или выходные на краю света	15
Липовый аромат	25
Рассказ актера	29
Светлые воспоминания	32
Драгоценная находка	36
Взрослая дочь	41
Полковнику никто не пишет	44
Снежная дева	49
Легенда о призраке	55
Виртуальность	58
Дополнительный стимул	77
Часть 2. Сила музыки	90
Петерменнхен	92
Большое маленькое счастье	97
Сила любви	106
«Money, money, money...»	139
Наперекор судьбе	144
В заброшенной подземке	148
Мани-мани	155
Самоизоляция в Ярославле	159

Часть 3. Открытия	193
Дождь	195
Что скрывает картина	198
Карманные часы	203
Загадка Моны Лизы	224
Луизе Буржуа. Маман	233
Снежный образ	248

**Жанна Ди, Надежда
Бурковская, Диана
Славова, Алеся Турбан,
Анастасия Данилова, Инна
Фохт, Ирина Трушина,
Ольга Гузова, Ирина
Ломакина, Полина Лиан,
Айса Унгарлинова, Элла
Чак, Ольга Чернышева,
Софья Гуревич, Маргарита
Григорьева, Ольга
Шуравина, Ольга Лукина,
Светлана Русакова
Писательские экскурсии**

Она, как коробок или сундук, наполнена впечатлениями и воспоминаниями. От одних веет теплом, от других – грустью. Одни толкают нас вперед, другие якорят и не дают увидеть то, что прячется за выстроенным забором.

Мы приглашаем вас на необычную экскурсию по выставке историй, написанных в рамках марафона. Здесь вы улыбнетесь с одними героями, испугаетесь с другими. Встретите знакомых персонажей и откроете новых. Возможно, найдете ответы на незадаанные вопросы. Свои. В глубине.

Вас ждет микс жанров от мистики до реализма, приправленный чудесными стихами. Короткие зарисовки сменяют те, что подлиннее, и каждая проведет вас по тем местам, где, возможно, вы никогда не бывали.

Соавторы сборника вдохновлялись музыкой, кино, картинами и скульптурами. В одних историях вас ждут яркие описания или упоминания элементов искусства, в других нам помог воссоздать картину сам художник.

Мы хотим пожелать вам приятного чтения. Ваши гиды по чудесным местам с помощью писательского слова:

– команда организаторов марафона, Жанна Ди, Ольга Гузова, Ирина Ломакина, Анастасия Данилова.

– соавторы: Инна Фохт, Полина Лиан, Алесь Турбан, Айс Унгарлинова, Ирина Трушина, Элла Чак, Диана Славова, Ольга Чернышева, Софья Гуревич, Маргарита Григорьева, Ольга Шуравина, Надежда Бурковская, Ольга Лукина, Светлана Русакова.

Мы все будем рады видеть у нас в соц. сетях. Под каждым рассказом указан ник автора в Инстаграм.

Отдельное спасибо иллюстратору: Виктории Чулковой (ник в интстаграм @lagom.mama.art).

Часть 1. Воспоминания

Добро пожаловать в наш первый зал. Здесь представлены истории о воспоминаниях. Представьте, что вы устроились с друзьями у камина и делитесь впечатлениями о поездке, находке или... о чем еще узнаете из рассказов.

Брат

Инна Фохт (ник в инстаграм @innafocht80)

Как хочу я вернуться
Лет на двадцать назад.
Хоть на миг окунуться
В наше прошлое, брат.

Пусть мы были беднее
И глупее мы были,
Но зато веселее
И свободнее жили.

Мы рубили с плеча,
Строили и ломали.
Юность так горяча!
Мы всё правду искали,

Как Данила Багров.
Помнишь, как фанатели
Многие с его слов?
И, конечно, хотели,

Как и он, защищать.

Но, как он, не умели...
И хоть раз побывать
Мы на съёмках хотели.

Приглашай режиссёр!
Гриммируйте гримёры!
Хоть малейшую роль,
Для массовки актёром!

Даже тенью готов
Под сапог я кирзовый,
Где Серёжа Бодров
Вновь живой и здоровый!

Мне б на всех посмотреть,
Прикоснуться к легендам!
Мне б с Бутусовым спеть
Или с Лёвой дуэтом!

Быть всегда молодым
И почти всегда пьяным!
Рока русского дым
Не развеять с годами!..

Пусть ничто не вернуть,
Идеалы сменились,

Но весь жизненный путь
Мы не зря проходили.

Жизнь любила порой,
А порою чудила,
Но она нас с тобой
Многому научила.

Оглянись же назад.
Ведь вчерашняя глупость
Превращается, брат,
В настоящую мудрость...

Лишь слова от Данила
Также громко звучат:
В чём же, всё-таки, сила?
Расскажи-ка мне, брат!

Глоток экзотики или выходные на краю света

Полина Лиан (ник в инстаграм @polina__lian)

Вероника и представить не могла, что окажется на краю света. Променять домашний уют на спонтанную поездку в неизвестном направлении? Это было так не похоже на нее! Она считала, что нет лучшего места на земле, чем родной дом и превратила свое жилище во вселенную уюта, света и креатива. Гостиная в стиле бохо со свечным камином и окнами в пол, откуда открывался вид на фешенебельный Крестовский остров. Просторная кухня с нотками готики в интерьере: дубовый стол, канделябры, стулья с высокими спинками и сложными узорами. Балкон, превращенный в оранжерею. Спальня, в которой все продумано для комфортно-го сна: ортопедические матрасы, подушки, звукоизоляция. И наконец, главная изюминка. Белая ажурная лестница, ведущая на крышу с роскошным садом. Среди плетеных кресел и мягких пуфиков стояли горшки с яркими цветами и экзотическими растениями.

Вероника обожала свой дом и гостей. В ее квартире всегда царил атмосфера праздника, собирались друзья, проводились творческие вечера. Каждый, кто оказывался здесь

впервые, мечтал снова вернуться. Но кто бы мог подумать, что легкомысленное радио-шоу заставит женщину покинуть любимый дом и отправиться в далекое путешествие за океан. В тот день Вероника попала в двухчасовую пробку. Чтобы убить время, она включила радио и решила принять участие в игре «угадай мелодию». Соперник оказался сильным, но и Вероника прославилась в своих кругах как меломан. К концу игры счеты сравнялись: каждый участник угадал по девять мелодий. Зазвучали ноты последней решающей композиции.

– Это песня «Lo vas a olvidar» Били Айлиш! – выкрикнула наша героиня с азартом, опередив соперника. Она узнала редкую композицию, которую совсем недавно исполнил ее знакомый музыкант на творческом вечере.

– Вероника, приз твой! – бойко произнес ведущий.

Победителю предлагался тур с сюрпризом. Это означало, что он не знал, в какой стране проведет выходные, пока не окажется в аэропорту. После путешествия у участников шоу брали интервью. Кто-то заполнял эфир ахами и охами, буквально задыхаясь от восторга. Но другие рассыпались в жалобах и едких замечаниях, потому что мечтали о романтической Венеции, а в итоге оказывались в злочных районах Дели, где испытывали культурный шок и становились жертвами ловких воров.

– Итак, сегодня в нашей студии участница проекта «Тур с сюрпризом». Вероника Айварова. Расскажи, где ты

проснулась в эту субботу?

Наша героиня столько раз слышала приятный мягкий голос Артура Модрича в эфире и представляла в своем воображении мужчину с экзотической внешностью, потому что на этом радио крутили фолк, инди и латино. Она ожидала увидеть смуглого брюнета с густыми волосами, собранными в хвост, в ядерной желтой футболке, которая бы прикрывала часть его бесчисленных татуировок. Но в студии сидел обыкновенный славянин в неприметном сером свитере со скучающим взглядом. Веронике хотелось зажечь в его глазах огонек своей историей.

– Я проснулась в Гаване. Утром меня разбудили петухи. Удивительно, но люди здесь разводят кур. Я жила в районе Ведадо, почти в центре столицы. Привычный шум города, машины, сирены, все это смешивается с таким уютным ку-кареканьем петухов.

– Говорят, Гавана – это город контрастов, – предположил Артур и прищурил глаза, словно пытаясь заглянуть прямо в душу своей гостьи.

– Да, абсолютно. В Гаване я видела дорогие дома в колониальном стиле: яркие фасады, ажурные решетки, колонны, окна с деревянными ставнями в форме жалюзи. Но тут же мне бросались в глаза обшарпанные городские трущобы. Всего в нескольких метрах от главных достопримечательностей, Капитолия и Театра, я видела гирлянды разноцветного белья. Знаете, кубинцы не стесняются сушить свои трусы

и майки в парадной части города.

– На чем ты передвигалась? – задал Артур следующий по списку вопрос.

Вероника откинулась назад и мечтательно вздохнула, рассказывая о самом узнаваемом символе Кубы, о знаменитых американских авто. С восторгом она вспоминала, как эти нарядные старушки с грандиозным шумом носились по дорогам Гаваны и купались в лучах фотовспышек. Ведущий начал оживляться и во время рекламной паузы посмотрел красочные фотографии, сделанные Вероникой. Часть из них он выложил на страницу радиостанции в социальной сети. Пока экзотичные кадры набирали лайки, сыпались вопросы от слушателей.

– Видела ли ты океан, спрашивает Паша из Москвы, – прочитал сообщение Артур.

Прилетев в Гавану, Вероника была уверена, что окажется на белоснежном пляже с пальмами. Но к ее удивлению, в самой столице пляжей как таковых не было.

– Ну если уж быть откровенной, то в Гаване не океан, а Мексиканский залив. Конечно, мне хотелось посмотреть на волны, и я отправилась на главную городскую набережную, Малекон. Знаете, я обожаю ходить босиком, но после полудня асфальт здесь нагревается так, что пятки могут обуглиться. Я думала, что на Малеконе хорошо ближе к вечеру, но набережная никак не освещена, фонарей совсем нет, солнце садится с другой стороны города, закат над водой не увидеть. В общем тут я испытала легкое разочарование. Но оно быстро улетучилось, как только официант принес мохито с местным ромом. О, это очень вкусно и очень

крепко, – заключила Вероника.

– У меня уже потекли слюнки, – засмеялся ведущий и продолжил читать вопросы от слушателей. – Анна из Казани спрашивает про местных людей. Какие они?

Улыбка с лица Вероники исчезла. Она провела всего три дня на Кубе, но за это время к ней подошли десятки назойливых попрошаек. Только она вышла из аэропорта, как у нее украли телефон. Замаскироваться под местного не представлялось возможным. Белая кожа выдавала заморское происхождение и местные атаковали нашу героиню на каждом углу. Они подходили под предлогом познакомиться, но все разговоры заканчивались одинаково: в лучшем случае предложением купить у них ром, сигары или браслеты. А в худшем – просто дать денег. Одна женщина под села к Веронике в кафе и все время, что та пила чай, повторяла как молитву свою просьбу о помощи. В туристических местах Вероника отмахивалась от несчастных бедняков как от мух.

Но были и приятные встречи. Вероника рассказала, как взяла в аренду машину, чтобы уехать за город и посмотреть окрестности. Всего в паре сотен километров от столицы она обнаружила, что на трассе почти нет машин, зато время от времени появлялись люди на лошадях и с телегами.

– У меня возникло ощущение, что я вернулась в девятнадцатый век. Никаких машин, никаких пробок, никакого стресса. Но насчет стресса я ошиблась, потому что чуть не убила человека. На трассу неожиданно выбежал мужчина

лет пятидесяти. Я перестроилась в другую полосу, чтобы его объехать. Но он махал руками и бежал прямо на машину. Еще чуть-чуть, и он бы оказался у меня на лобовом стекле.

– Я слышал, что на Кубе это частое явление. Люди работают в полях, далеко от дома. В конце рабочего дня они выходят на трассу, чтобы поймать машину и автостопом добраться домой, – оживился ведущий. Ему нравились авантюры, и он наконец, стал проявлять искреннее любопытство к истории Вероники.

– Да, именно так и оказалось. Но по началу я думала, что этот мужчина – самоубийца. Люди настолько отчаянны, что буквально бросаются под колеса.

– Не страшно ли тебе было ехать с незнакомцем?

– Скорее я была счастлива, потому что не раздавила его, – рассмеялась Вероника. – Всю дорогу мой попутчик пытался меня развеселить. Пел песни на испанском, рассказывал про свою семью, вспоминал анекдоты про Чегевару. Но когда мы оказались у его дома, мне захотелось расплакаться. Рауль живет очень бедно. Его дом похож на землянку, в которой кроме кровати и посуды ничего нет. Дверь всегда открыта, потому что воров никто не боится. Красть нечего. Мой попутчик в знак благодарности отдал мне все, что у него было – вязанку ароматных бананов и диск кубинской музыки. А еще он привел меня на табачную плантацию и показал, как растет и сушится табак.

Вероника закрыла глаза и заново ощутила резкий дурма-

нящий запах помещения, в котором сушились табачные листья. Вокруг нее бегали дети и смотрели на белую женщину, словно на героиню из сказки. Встреча на плантации стала глотком экзотики как для них, так и для нее. В памяти отпечатался образ Рауля, простого мужчины-работяги в голубой рубашке. Если б он не запрыгнул тогда на капот, наша героиня так бы так и улетела с Кубы, не узнав, что помимо назойливых попрошайек, в этой стране есть хорошие люди с распахнутой настежь душой.

– Я знаю, что ты не говоришь по-испански, сложно ли без знания языка на острове свободы? – Приятный голос ведущего вернул героиню в реальность.

– Как оказалось, даже лифт не вызвать без него, – кивнула Вероника. – Я жила в доме с механическим лифтом. Чтобы его вызвать, мне приходилось громко выкрикивать номер своего этажа. Uno, dos, tres... Лифт приезжал, в нем на табуретке сидел улыбчивый мулат и довозил до квартиры.

– Какие еще слова на испанском ты выучила?

– Hola, Buenos días и cucaracha. Кукарача – это таракан на испанском. Я видела тут гигантских черных тараканов, это мой самый большой кошмар. Признаюсь, мне было настолько страшно увидеть их снова, что ночью я спала со включенным светом.

Вероника вздрогнула. Помимо тараканов, однажды вечером она обнаружила на полу своего номера черный шевелящийся ковер. Полчища муравьев оккупировали ванну, их

армия стремительно расползалась по номеру. Она могла бы рассказать, как схватила чемодан и выскочила из помещения, как несчастные насекомые хрустели под ее ногами, как она потом приходила в себя в ближайшем кафе, где пила свежавыжатый сок из гуавы и заедала шок сладким бататом. Но время эфира подошло к концу.

– А знаешь ли ты, что значит «Lo vas a olvidar»? Это название песни, которую ты угадала на нашем шоу.

– Да, знаю, это значит «забудешь ли ты все это?».

– Именно так. Что ж, спасибо тебе за откровенный рассказ. Что бы ты сказала в заключении? Забудешь ли эту поездку?

– Nupca! – ответила Вероника.

Эта женщина жила интересной жизнью, но почему-то никогда не путешествовала. Она по-прежнему считала свой дом лучшим местом на земле, но впервые ощутила, что уже не так сильно привязана к нему. Ведь иногда даже с самыми дорогими вещами, как и с самыми близкими людьми, нужно разлучиться на время, чтобы потом с особой радостью встретиться вновь. Послевкусие от пребывания на Кубе длилось еще несколько недель и пробуждало новую страсть – страсть к поездкам. Земля представилась Веронике огромным домом, и она мечтала блуждать по нему, открывать новые двери, а после возвращаться в родные стены с чемоданом новых впечатлений.

Липовый аромат

Алеся Турбан (ник в инстаграм @alesiaturban)

Мы приехали с мамой в Княжицы в начале июля, в самое время цветения лип. Нынче это агрогородок, а когда-то – просто большая деревня. Мамина родина и место моих детских воспоминаний.

Шли по широкой заасфальтированной улице. Я помню, когда она была гравийной. Идёшь в сандалиях, а камни то и дело норовят пробраться внутрь обуви и больно уколоть пятку или палец. По обе стороны деревянные дома и высокие, разномастные заборы. И липы. Много лип. А аромат стоит такой, что кружится голова. Давно я не вдыхала такой смеси свежего воздуха с тонкими нотками скошенной травы, луговым разнотравьем и сладостью липового благоухания.

Деревенский шум ненавязчиво заполняет всё вокруг. По большей части мирное кудактанье кур, перебиваемое резкими, неожиданными выкриками горластых петухов. Мычание коров и редкие жалобы коз. Идёшь и наслаждаешься этим фейерверком ароматов и звуков, тёплым июльским солнцем на безоблачном небе. Иногда в нос ударяет резкий запах навоза, заставляя ускорить шаг, дабы поскорее снова окунуться в липовый аромат.

А вот и настоящая достопримечательность Княжиц – за-

брошенный, полуразрушенный доминиканский костёл святого Антония. Даже мама помнит его только в таком виде. После войны он ещё больше пострадал. А ведь построен в середине восемнадцатого века.

Костёл возвышается обшарпанными грязными стенами почти до самого неба, обнажая свои мощные плечи с кровавыми ранами из оббитого рыжего кирпича. Таращится пустыми окнами с остатками прогнившей в щепки древесины рам. Эти стены хранят царапины пуль после немецких обстрелов. Если постараться, можно увидеть и остатки фресок на потолках и стенах, но внутрь заходить опасно – неизвестно, понравится ли это старым руинам.

Около костела задерживаемся ненадолго. Он завораживает своими размерами и пугает отрешённостью, седой молчаливой старостью, хранящей чужие тайны и свидетельства судеб. Печально вздыхает, зажатый со всех сторон кривобокими курятниками, так неуместно портящими его величие.

А дальше снова деревянные дома, сараи и липы.

И вдруг привычный шум деревенской улицы испаривает знакомая мелодия. Кто-то включил магнитофон, выставив его на отлив окна. Куры с петухами замирают, коров больше не слышно и только мелодичный голос Анны Герман разносится тонкой шалью по округе. Мама замедляет шаг и вскоре останавливается. На её глаза наворачиваются слёзы.

Мы садимся на лавочку, спрятанную тут же, у куста шиповника, и молча слушаем песню. Я не осмеливаюсь нару-

шать тишину глупыми вопросами. А потом мама начинает рассказывать.

Это случилось за несколько лет до моего рождения. Она вернулась из шумного города в родную деревню и встретила его. Вот так неожиданно: в городе столько людей, а любовь нашла в родной деревне. И главное, знакомы-то были с детства, вместе катались с высоких снежных горок, ходили в лес и гоняли коров. А вот прошло время, выросли, изменились и посмотрели друг на друга иными глазами.

В тот самый год как раз вышла новая песня Анны Герман. Про эти сады пели на каждом углу – настолько мелодия западала в душу.

И их любовь расцветала вместе с садами из песни.

Они встречались, целовались и шептали признания. Кажалось, что таких чувств не бывает в жизни, только в кино. Строили планы и мечтали о долгой, счастливой жизни.

Вскоре ему пришлось уехать. Обещал не надолго. Но не вернулся.

Как в песне: его увела другая. Но не женщина, смерть.

Он погиб.

Мама смолкла и затихла. Я физически ощущала, как сильно заныло сердце в её груди. У меня самой противно защипало в горле, отдавая на языке металлическим привкусом. Я не стала расспрашивать о подробностях. Мы просто встали и пошли назад, к началу деревни, на автобусную остановку.

Летний тёплый ветер шуршал липовой листвой, унося

сладкий аромат далеко за пределы деревни. Где-то кудахтали куры и мычали коровы. Но всё это заглушала плотная пелена тоски, которая исходила из маминого сердца и накрывала с головой и её, и меня.

Я посмотрела на мрачный доминиканский костёл и подумала: истории судеб хранятся не только в нём.

Рассказ актёра

Алеся Турбан (ник в инстаграм @alesiaturban)

Съёмки фильма «Любовь и голуби» помню, как сейчас. Хорошая картина получилась. Не спорю.

Хотя я видел моменты, которые можно было б и улучшить. Пытался объяснить режиссёру, что для полного успеха фильму не хватает пары сцен на тему голубиной любви, верности до гроба. Уделить этому больше времени. Чтобы показать на контрасте две линии, двух главных героев. А он не слушал – отмахивался. Чуть ли не до рукоприкладства доходило: махал руками и ругался. А ещё образованный человек! Не кто-нибудь, сам Меньшов.

Я ж помочь хотел. Я в этом деле профи – столько любовных историй видел на своём веку. Так сказать, прицельно рассматривал. Бывало, сяду на лавочку и наблюдаю за парочками. Ох, до чего люди иной раз наивные. Вот сидит он и признаётся в любви, а у самого руки не там, где нужно. Не в глаза ей смотрит, не в глаза. А она, дурочка, верит. И ждёт его. Пару раз посижу рядом, посмотрю, как там у них всё завязывается, а самому скучно – всё наперёд ясно. И правда, позже вижу её на этой же самой скамейке зарёванную, одинокую, брошенную. А ведь всё и так было сразу видно.

Я и говорю режиссёру. А он не слушает. Ну что за человек?

А я бы мог подсказать. Я много всяких секретов знаю. Хорошо изучил человеческую сущность.

С Михайловым у нас сразу хорошие отношения сложились. С актёром, который Василия играл. Главная роль, между прочим, у него.

А сцены, где я крупным планом, видали? А? Какая статья! Осанка, позы! Гениально! Меньшов так и говорил:

– Ты просто рождён для кинематографа.

Ну да ладно. Фильм всё равно получился хорошим, сыскал мировую славу. Я после него не одну голубушку приводил напоказ. Спрячемся под самой крышей, она смотрит, какой я красавчик на экране и сияет, как медная статуэтка. Все на этот момент велись. Хоть любую бери... Чего скрывать, я и пользовался. По молодости. Простительно.

Жаль, не вписали меня в титры. Сколько не искал – нету. Хотя, что уж там греха таить, главная роль в фильме моя. Моя! И никак иначе. Помните эту сцену, где мы с Василием разговариваем, фокусы показываем? То-то! Как мастерски я сыграл! Любой актёр позавидует. Такая буря эмоций, такие чувства! А какие речи я ему говорил! Шедеврально! А финальная сцена? Я себя показал во всей красе – затмил даже роль Василия.

Помню, меня сразу выбрали на главную роль. А я ещё мялся. Думал – идти или нет. Всё-таки сценарий мне по-

казался простоватым. А правки мои режиссёр ни в какую не желал вносить. Ну я уже рассказывал.

А вообще, я вам скажу – больше в съёмках участвовать не буду. Сразу после фильма решил уйти. Зачем время терять, жизнь и так коротка. Пока снимали фильм, столько насмотрелся. Как же люди бестолково, бесцельно тратят свои жизни, своё свободное время, как разменивают на пустяки. А ведь у них жизнь длиннее раза в четыре-пять. Подумать только – пять моих жизней! И возможностей куда как больше!

Я б на их месте!

Эх. Да ладно. Я всего лишь голубь. Пусть и талантливый, уникальные, единственный в своём роде...

Светлые воспоминания

Айса Унгарлинова (ник в инстаграм @aysa_story)

За маленьким покосившимся столом на кухне сидели двое. На полу повсюду валялись пустые бутылки. Выцветшая дырявая клеёнка свисала с одного края и грозила вот-вот соскочить на заляпанный липкими пятнами линолеум.

– Ты мне вот что скажи, дядь Миш, – медленно заговорил молодой мужчина, на лице которого пролегли ранние морщинки. – Почему я такой невезучий? Ничего не складывается в жизни.

Рядом сидящий старик покачал седой головой, закурил и потонул в сизых облаках сигаретного дыма.

– Я же певцом хотел стать – не поступил. На актёра тоже не взяли, – заплетающимся языком говорил молодой, – мне всего тридцать. Или уже тридцать. А я никто. Все говорят, что я не довожу дела до конца. Поступил в колледж – бросил. Устроился на работу – не справился, уволили. А всё почему? Да потому что я слабовольный, бесхарактерный.

Старик непоколебимо молчал.

– Сколько я слышу «Славка, ты неудачник». Оно и, правда, наверное. Сплошной облом по жизни. Ничего хорошего не могу вспомнить, – молодой отчаянно нахмурил брови. – Хотя нет, есть одно светлое воспоминание. Помнишь,

я в кино снимался? Конечно, «снимался» – это громко сказано, но всё же. Я тогда совсем салага был. В школьном хоре пел. Помню, как-то музыкалка говорит – учим песню «Гудбай, Америка». Классное время тогда было. Не надо ни за что отвечать. Учи уроки и всё. Так вот собрали нас в актовом зале и говорят «пойте». Мы и запели. А в зале люди бегали, суетились, снимали, прикинь? Засветился я в культовом фильме «Брат 2». Пару секунд всего лишь, но зато, какие воспоминания.

Водка вызвала в Славке прилив откровенности и желание излить угнетающие либо доставляющие тихую радость мысли. В окно глядело голубое небо с разорванными облаками. Голодные мухи стучали крылышками о стекло, наполняя тишину надоедливим жужжанием.

Мысли о прошлом, словно заколдованные, не выпускали из объятий Славку. Старик изредка кидал на него мрачные взгляды, но по-прежнему молчал.

Из открытой форточкой донёсся хриплый лай собак. Славка вздрогнул, возвращаясь в реальность. Затёкшая нога дёрнулась, зацепив стоящую под столом бутылку. Со звонким грохотом она упала и покатила к коридору.

– Ну что ж по последней и пойдём? – внезапно заговорил старик, уставившись на собеседника тусклым равнодушным взглядом.

– Куда? – удивился Славка, разливая остаток водки по грязным стаканам.

– Как куда? Со мной. Я так понял, своей жизнью ты недоволен, – дядя Миша схватил стопку и мгновенно осушил её. – Ну что? Идём?

– Погоди, – Славка почувствовал, что реальность ускользает от него, и уронил голову на стол.

Когда он очнулся, дядя Миша исчез. Из коридора кричала соседка. Не дождавшись ответа, она прошла на кухню.

– Что же ты, Славка, опять за своё, – вздохнула пожилая женщина, поправляя волосы, выбившиеся из-под косынки. – Я обещала твоей покойной матушке приглядывать за тобой. А ты, поганец, совсем совесть потерял. Разве можно так на свою жизнь наплевать?

– Так я это, – поспешил оправдаться Славка, – дядь Миша приходил. Вот мы с ним за встречу и пригубили немного.

– Какой дядь Миша?

– Как какой? Мамин брат.

– Да что ж твориться-то? Совсем крыша съехала что ль? Он же помер в прошлом году, – тучная соседка присела на стул и заглянула в мутные глаза Славки. – Не пей, родимый. К тебе уж покойники приходят. Нехорошо это.

Глаза хозяина дома лихорадочно загорелись, ввалившиеся щёки побледнели. Лоб разрезала складка, выдающая его внутреннюю борьбу. Казалось, противоречивые мысли терзают Славку, заставляя иначе смотреть на мир.

– Слав, что с тобой? – испугалась соседка.

– Всё нормально. Ты иди, тёть Кать. Я справлюсь.

– Зови, если что. Не молчи. И призраков прочь от себя гони, – крикнула соседка, захлопывая дверь.

Славка смотрел в окно, вспоминая случившееся. Сверху сквозь деревья лился ослепительный солнечный свет.

– Ну что, решился? – голос дяди Миши заставил обернуться к столу.

Лицо Славки исказилось судорогой. Казалось, язык раздулся и мешал говорить. Бледный и помятый он смотрел на видение и чувствовал, как по телу разливается дрожь. Трясущиеся руки отплясывали чечётку по столу.

Дядя Миша встал и протянул сморщенную руку.

– Ты иди. А мне ещё рано, – наконец Славка вышел из оцепенения. – У меня дела есть... Может, снова позовут в кино сниматься.

– Кино – это хорошо, – сказал дядя Миша и растворился в воздухе.

Славка вытер пот со лба и вылил остаток водки в раковину.

Драгоценная находка

Айса Унгарлинова (ник в инстаграм @aysa_story)

Борька отодвинул прогнившую доску, и в заборе образовалась щель. Он быстро проскочил во двор и впустил деда. Иван Сергеевич скорчился от боли в пояснице, но ступил на разросшийся бурьяном травяной ковёр.

– Сюда, дед, сюда.

Борька подбежал к заброшенному дому с облупившейся штукатуркой и оттянул от заколоченного окна лист фанеры.

Внук помог Ивану Сергеевичу пролезть в не застеклённый проём и следом забрался сам. Фонарик вспыхнул и осветил старческое лицо с нависшими седыми бровями и резкими морщинами.

– Это здесь, дед. То, о чём я тебе говорил, – Борька взглянул в бесстрастные, подслеповатые глаза старика. – Вчера вечером военные привезли сюда вещи, коробки всякие. Я думаю, чего это они складывают в заброшенном доме. Подожду, пока они разгрузятся и уедут, и пробрался сюда. Я тут кое-что нашёл. Тебе понравится.

– Эт что ж они даже охрану не оставили? – дед уставился в темноту, где под лучом фонарика выростали предметы.

– Нет, представляешь. Думаю, эти вещи им не нужны. Этому бараклу лет пятьдесят, если не больше. Смотри, –

Борька направил фонарик на стены, заставленные телевизорами, компьютерами и прочей техникой. Огромные махины принтеров и копировальных машин громоздились друг на друге. Угол, заваленный ящиками разных размеров, прятался в темноте.

– Вот здесь я нашёл его, – Борька открыл коробку, стоящую поодаль от основной кучи.

Он пошуровал внутри рукой и вытащил круглый плеер, из которого торчали провода наушников.

– Это не всё, – внук разворошил ещё одну коробку и выудил оттуда диск. – Би-2, твои любимцы.

Довольная улыбка расплзлась по лицу Борьки. Потухшие глаза Ивана Сергеевича вспыхнули.

– Как же так? Би-2? – дед, не веря ушам, выхватил диск, чтобы поближе рассмотреть картинку.

Улыбка шевелила длинные обвисшие усы деда.

– Полковнику никто не пише-е-ет

Полковника никто не ждѐ-ѐ-ѐт, – дребезжащим голосом пропел старик, вспомнив себя в кожаной косухе на концерте любимой группы.

– Придѐм домой, зарядим его и проверим, работает ли. Там в соседней комнате ещё разный хлам сложен. Но ничего интересного, я уже смотрел, – Борька открыл коробку, полную дисков, и посмотрел на деда. – Что ещё слушали в твоей молодости? Можем что-нибудь взять. Тут есть «Ария», «Алиса».

Уложив в рюкзак находки, Борька с Иваном Сергеевичем собрались уходить. Внезапно с улицы донеслись неизвестные голоса. Щёлкнул дверной замок, и послышались шаги.

– Дед, за мной, – Борька выключил фонарик, взял старика за руку и потащил в темноту.

Посреди соседней комнаты громоздилась куча старого металлолома. Холодильники возвышались над головами и создавали удобное место для укрытия. Борька усадил деда на пол между забором из стиральных машин и глухой стеной. Сам расположился рядом.

– Как думаешь, сколько дадут за плеер на чёрном рынке? – раздался хриплый мужской голос.

– Да чёрт его знает. А ты точно видел его здесь? – спросил другой.

– Да, в коробках. Надо было сразу взять.

Двое мужчин в военной форме потрошили ящики и бросали содержимое на пол.

– Где же он? – в голосе хриплого звучало недовольство.

– Может, в другой комнате?

Борька вздрогнул и сжал в руке ладонь деда. Из глубины тела поднимался страх, заставлявший трястись каждую клеточку. Дед вздохнул и покачал головой, как бы отбиваясь от тревожных мыслей. Густая тьма, выползавшая из углов, казалось, плотнее нависла над их головами. Воздух, пропитанный пылью, сыростью и запахом гниения, давил и сгущал атмосферу дома. Воцарилась тяжёлая, будто выжидающая

тишина. Люди в соседней комнате перестали потрошить коробки. Звук приближающихся шагов вызвал у Борьки обильное потоотделение. Луч фонаря нервно обшаривал стены.

– Да тут нет, – сказал хриплый.

– А если его кто-то забрал? – спросил молодой.

– Кто?

– Кто-кто? Тот, кто с тобой разгружал. Ты же не один тут был.

– Вот гады. Пошли отсюда.

Борька выдохнул, когда военные закрыли за собой дверь.

– Пронесло, – прошептал он и включил фонарик. – Как думаешь, дед, почему нам запрещено пользоваться компьютерами? Зачем нас лишили интернета? Я знаю о нём только с твоих слов. Что у нас за жизнь такая? Сплошная скука.

– Ох, Борис, сильным мира сего было выгодно, чтобы люди ничего не знали и, соответственно, молчали. Отобрали телефоны, вырубил интернет, запугали военными. Вот и живём так уже лет двадцать. Как раз перед твоим рождением и прошла эта реформа, – Иван Сергеевич нахмурился, казалось, мысли разворошили гнездо неприятных воспоминаний.

Борька помог деду подняться и осветил проход в соседнюю комнату.

Город тонул в сумраке быстро спускавшегося вечера. Промозглая сырость ложилась на плечи путников, заставляя зябко поёживаться.

– Дед, ты смотри, никому не говори про этот дом, – сказал Борька, отодвигая трухлявую доску в заборе.

– Я ещё из ума не выжил, – возмутился Иван Сергеевич.

Перед глазами старика отчётливо всплывали картинки, где власти запрещали пользоваться развлекательной техникой и принуждали сдавать её в специальные пункты.

«Лишь бы плеер работал, и диск не испортился, – думал старик, проверяя не исчезли ли драгоценные находки. – Вот бы ещё компьютер оттуда вынести. Эх».

Борька шёл и краем глаза поглядывал на счастливого деда, а в голове звучали слова из песни:

«Полковнику никто не пишет

Полковника никто не ждёт...»

Взрослая дочь

Инна Фохт (ник в инстаграм @innafocht80)

Ночь сегодня длиннее казалась.
Я лежала одна в темноте.
Всё прислушивалась, всё старалась
Я услышать, не скрипнула ль дверь.

И уже утром солнце всходило,
А тебя в твоей комнате нет.
Наконец-то! Ты воротилась,
Лишь восток осветил тёплый свет.

Я на слух знаю лёгкую поступь
Твоих стройных и маленьких ног.
Тихо-тихо крадёшься на ощупь,
Чтоб отец вдруг услышать не смог.

Знаешь точно, что я на диване
Дождаться в гостиной легла.
Ведь впервые ночное свидание
У тебя. Ты его так ждала.

Трепетало, волнуясь, сердечко

И бросало то в холод, то в жар.
Так любви этой первой, беспечной
Ты себя преподносишь, как дар.

Я тебя понимаю, родная.
Ведь недавно и я была юной.
Но покоя и сна я не знаю
В эти ночи тревожные лунные.

Подошла ты ко мне осторожно,
Легла рядом, стацив одеяло.
Как ледышка! Ну разве так можно?!
Где же ты до утра пропадала?!

Мысли крутятся, словно торнадо,
И наружу прорваться хотят...
– Не ругайся, мамуля, не надо.
Знаю, ты понимаешь меня.

Я такая счастливая, мама!
Кажется, что парю над землёй!
Жаль, что тёмная ночь слишком рано
Поменялась местами с зарёй...

Что сказать тебе, милая дочка?
Разве нужно сейчас говорить?

Я поглажу тебя по головке.
Я хочу просто рядом побыть.

Я пытаюсь прогнать все тревоги
И живущую в сердце печаль.
Пожелаю тебе те дороги,
Что ведут только в добрую даль.

Пусть горит в тебе светлое пламя.
И не станет любовь горьким ядом.
Пусть наполнится жизнь цветами,
Будет вешним чарующим садом!

Будет много счастливых мгновений.
Лишь добра для тебя я хочу...
Спишь давно на моих ты коленях,
А я глажу тебя по плечу.

Ты во сне улыбаешься нежно.
Позабылась тревожная ночь.
Нам нельзя изменить неизбежность,
Моя милая взрослая дочь.

Полковнику никто не пишет

Ольга Гузова (ник в инстаграм @mardashkova)

– Кранты! Это ж надо было такой день загубить!

Худошавый мужчина лет сорока присел под навес сара-
рая, от которого ещё пахло свежей смолой, устало вздохнул
и снял часы.

– Неужели отцовские? – друзья склонились над ним и со-
чувственно покачали головой.

База отдыха представляла собой обычный жилой дом
с нелепой пристройкой с комнатами для сна, навес с видом
на горную реку и пару обветшалых сараев, из которых доно-
сился птичий гомон.

Чуть ли не со слезами на глазах, мужик словно оправдал-
ся:

– Как я забыл, что стекло треснуло? В воду в них полез...
У Лёхи и Андрюхи похожие были... Они их где-то вместе по-
купали. Где этот сраный УАЗик? Приехал бы вовремя, не по-
лез бы я в воду и не утопил бы часы.

Все пожали плечами, по очереди покрутили реликвию
в руках и вернули хозяину.

С бескрайних лугов ветер принёс на подворье сладкий
аромат цветов, которые в родных местах пахнут совершен-
но иначе. Задорный петушиный крик, мычание привязанной

к забору коровы, заглушали причитания путешественника.

– Может, квасу? – перед компанией возник пожилой здоровяк, который, судя по ведрам с кулешом, как раз шёл в те кривые сараи.

– Да что мне квас? Водку неси! – худосочный отмахнулся то ли от навязчивой заботы, то ли от мух, и спрятал хронометр в карман.

Работник махнул девчонкам на кухне, чтобы те накрыли столы. Телефонной связи в этих местах никогда не было, а перевал ночью засыпало, поэтому путешественники почти смирились заночевать у подножия горы, так и не дождавшись автомобиля, на котором планировали вернуться в город.

Через час обильные угощения и горячительные напитки сделали своё дело. На опаленные носы, щеки и шершавые руки никто не обращал внимания. Физическая боль в каждой клеточке тела заглушалась бурным обсуждением покорения Белухи. Каждый поворот, каждый шаг в сцепке смаковали и восстанавливали в памяти.

И только растяпа – пловец снова и снова доставал часы, проверяя не ожили ли стрелки, и вздыхал.

– Дай я гляну. Тысячу лет в руках не держал таких, – через плечо туристу заглянул тот самый помощник, но уже без кулеша, – им хуже точно не будет.

Гость недоверчиво протянул часы, налил себе ещё рюмку и чокнулся с таким же пьяным соседом.

Не прошло и десяти минут, как работник вернулся к столу и вручил советский хронометр, стрелки которого чётко отмеряли уходящие секунды.

– Ну не фигу себе! – гикнул хозяин часов. – Мужики, смотрите!

– Вот это работа! – вторили подвыпившие путешественники. – Таких часов давно не делают, а тут мастер нашёлся!

Хозяин подворья гордо расправил плечи, словно у него любой свинопас ювелирных дел мастер.

– Саня, – турист с неподдельным удивлением и благодарностью протянул руку помощнику. – Прикинь, мой брат служил в Чечне. У них полковник один, Борисом звали, тоже умел все на свете ремонтировать: хоть часы, хоть пушку.

Здоровяк встрепенулся, пытаясь усмирить дрожащие руки:

– А фамилия какая у него?

– Максимов. А что?

Работник почесал затылок:

– Лёха?

Щуплый турист подхватился и заорал:

– Лёха, да... Неужели ты – тот самый полковник?

Работник кивнул и засаленными рукавами принялся вытирать слёзы, которые скатывались со щёк крупными горошинами: – Так как там Лёха? Борис, блаженно улыбаясь, смотрел на щуплого мужика, который до боли был похож на брата: – Лёха-то как? А Андрей? Вы ж соседи долж-

ны быть. Пашка с ними ещё корешился.

Борис, оставшись без ответа, обернулся на стол, где мгновение назад весело гудела компания. Повисла тишина. Только мошкара суетилась у лампы, а палочки от комаров продолжали дымить.

Борис с блаженной улыбкой уставился на гостей, ожидая долгожданного ответа: – А мне ни разу письма не написали. Я их помню, вижу как тебя. Лёшка твой патлатый вечно, не успевали стричь, Пашка вечно животом мучился, – он махнул рукой, понимая, что это уже лишние подробности. – Пьют на день пограничника? Им можно, они заслужили.

У долговязого затряслись руки. Он силился что-то сказать, но волнение и водка сбивали с толку.

Лёхин брат выпрямился, чтобы разглядеть прозрачные глаза серого великана, который час назад кормил гусей и тогда совсем не вязался с образом боевого военного.

– Ты их командир? Ты – полковник? – захрипел длинный и сжал кулаки. – Так почему ты тогда не с ними был?

Хозяин постоялого двора как ошпаренный подскочил к навесу, приобнял полковника и толкнул от стола:

– Бать, у реки пацаны тебя какие-то ищут! Беги скорей, пока не ушли!

Полковник прислушался и рванул за огород, хлопнув калиткой.

– Это что за клоун? – Турист не унимался, а его друзья неодобрительно шептались.

– Тих, тих... мужики. Кодированный он у нас, белку ни один раз ловил. Прибился пару лет назад, не помнит кто он и откуда. Придумывает бредни всякие, а тут имена, наверное, за столом услышал и приплёл, чтобы на водку ему дали.

У долговязого тряслись руки. Он силился что-то сказать, но волнение и водка сбивали с толку.

В эту минуту дребезжа и грюкая, в ворота заехал старенький УАЗ. Хозяин постоянного двора с облегчением вздохнул и в два счёта забросал снаряжение подвыпивших путешественников в советскую «буханку».

– От брата всего три письма успели получить, – долговязый уставился в одну точку. – В последнем и написал про часового мастера... Их БТР сгорел как коробка с фейерверками. Одно слово «бронированный»... ладно, поехали мы. Не хочу видеть ни тебя, ни алкаша этого.

– Эээй, – Борис спустился с высокого берега, прошёл вдоль воды и протянул. – Пацаныыыы.

Видимо, не дождались его Лёха, Андрей и Пашка. Он присел на влажный песок и грустно посмотрел на заходящее солнце.

Наверное, празднуют день пограничника, напиваясь в стельку.

Но почему ни строчки ему не напишут?

Снежная дева

Айса Унгарлинова (ник в инстаграм @aysa_story)

Невзирая на морозную погоду, в Первомайском сквере Новосибирска собралось много людей. Горожане целыми семьями пришли любоваться громадными снежными скульптурами.

Игорь стоял за ограждением и смотрел на свою ненаглядную. Ещё несколько дней назад созданная им фигура была лишь кучей снега. А теперь перед ним возвышалась прекрасная дева. Она смотрела вниз, в самую толщу льда. Взгляд, пронизанный болью и тоской, вызывал странное ощущение тревоги и волнения.

Белые волосы красивой волной ниспадали на плечи и терялись в таком же белом одеянии, слегка искрящемся на слабом сибирском солнце. Она стояла, сложив руки на груди, будто удерживая сердце.

– Мам, она плачет? – девочка шести лет внимательно рассматривала скульптуру, хмурия брови.

– Наверное. Пойдём дальше. Глянь, какие огромные лица. Вот это да, – женщина, раскрыв рот от изумления, таращилась на следующую абстрактную снежную фигуру.

Девочка шмыгнула носом и поплелась за матерью, выпуская пар в морозный воздух.

Игорь всё ещё стоял перед скульптурой. Он услышал слова девочки и начал изучать лицо своего творения, пытаясь найти слезинку, которую не создавал.

– Ого! Как настоящая. Вот это черты лица. Мощно. Респект автору, – восхитился один из мимо проходящих парней.

– Пряма Снежная королева. Сейчас оживёт и заморозит всех нас, – засмеялся другой, и шумная компания удалилась к следующим скульптурам.

«Как настоящая», – повторил про себя Игорь, вспоминая лицо любимой.

Всякий раз, когда закрывал глаза, он видел Неллю. Живую, улыбающуюся, счастливую. Но восстанавливая в памяти её образ, будь, то на бумаге либо из глины, создавал лицо печальное до невозможности.

Прошёл год, как не стало Нелли. Чудовищная авария забрала жизнь любимого человека. Новенький седан, за рулём которого сидела девушка, улетел в кювет. Игорь почти не пострадал. Пассажирское сиденье странным образом удержало его, защитило от травм. Полгода жизни в тумане и блуждание в потёмках собственного одиночества привели к тому, что Игорь решил посвятить себя творчеству. Он писал картины по ночам, когда мгла разливалась по земле, рассыпая золото лунного и звёздного света. Создавая скульптуры, он давал волю рыданиям и не стыдился своих слёз. Добавлял куски глины, наращивая конечности, а по щекам сколь-

зили горькие слёзы. Его работы вызывали грусть и уныние, но вместе с тем имели завораживающий вид.

В снежную деву Игорь вложил самого себя, свою душу, любовь и то, что давало возможность жить – медальон в форме сердца с фотографией Нелли. Теперь это сердце хранилось в левой части груди безжизненной холодной скульптуры.

Игорь возвращался домой, когда на город опустился вечер. Ветер пробегал по земле, поднимал снег и кидал шлепки холодной жижи в лицо.

Горячий чай и пресная булка – вот и всё, что нашлось на ужин неприхотливого художника. Покончив с трапезой, он забрался на диван в тепло колючего шерстяного одеяла. Тяжесть надвигающегося сна наполнила каждую клеточку, и Игорь провалился в глубокое забытие.

Чёрное покрывало ночи незаметно накрыло город. Струйка лунного света лилась из окна и пробегала вдоль комнаты. Странный сдавленный звук, полный страдания и страха, разбудил Игоря. Он вытащил ноги из тёплых объятий одеяла. Взгляд уловил мелькнувший край тени. Смутный образ Нелли хаотично перемещался по комнате. Игорь потёр глаза в надежде, что видение исчезнет, но тень лишь приблизилась, устремив туманный взор на постель.

– Нелля, – прошептал он, но призрачный образ растворился во тьме.

Игорь закрыл глаза. Слёзы просачивались сквозь ресницы

и тихо катились по бледным вискам.

На следующий день Игорь вновь отправился в сквер.

«Что случилось?» – сердце учащённо забилося – на привычном месте скульптуры не оказалось.

Ещё вчера здесь стояла его Нелли, а теперь – пустота, холодная, пугающая.

«Её сломали. Неужели снесли? – в голове зароились неведомые мысли. – Кто посмел? Где организаторы? Где охрана?»

Клокотавшее в груди бешенство нарастало. На лбу резко обозначилась складка нетерпеливого гнева. Озлобленный невероятным потрясением, он бегал по скверу, пытаясь найти виновных. Камер видеонаблюдения не оказалось, организаторы лишь разводили руками, выражая глубокое сожаление.

Выяснять отношения и ругаться не было сил. Игорь, подталкиваемый холодным ветром, побрёл домой.

Невидящий взгляд художника застрял на экране телевизора. Часы пробили полночь, когда начала шевелиться темнота. Из мрака вырастал призрачный силуэт. На нём чётко вырисовывалось лицо Нелли. Глаза, освещённые голубым экраном, выделялись глубокой синевой. На груди сверкал медальон, вложенный Игорем в скульптуру.

– Нелля, это ты? – еле слышно спросил он.

– Да. Ты оживил меня, – её голос звучал глухим загробным эхом.

Глаза, обведённые тёмными кругами, вспыхнули огнём.

А от рук, протянутых к Игорю, повеяло холодом. Его зубы едва слышно застучали, и тяжесть поползла по ногам вверх. Казалось, перед Неллей шевелится и пульсирует воздух.

– Жить? Разве это возможно? – наконец, заговорил Игорь.

– Конечно. Ты ведь этого желал. Подарил мне сердце и сам запустил его.

Нелля сделала шаг и притронулась ледяной рукой к щеке парня.

– Согрей меня. Мне холодно. Мне нужно твоё тепло, – руки скользили по телу Игоря, застужая колючими морозными прикосновениями. Будто иголки они впивались в кожу и превращали её в лёд.

– Нет, – он оттолкнул снежную деву в сторону, а сам отскочил к стене.

Ожесточённо сжатые губы Нелли дрогнули, а затем раскрылись, выпустив страшный хохот. Её ноздри раздувались от злости, а глаза пылали ярким пламенем.

– Ты не моя Нелля, – прошептал Игорь, отступая к окну.

Девушка приближалась, её бледные, отдающие синевой руки почти касались живой, такой желанной плоти.

– Ты же любишь меня. Так помоги своей Нелле. Отдай тепло, чтобы я жила, – она схватила Игоря за плечи, а затем прильнула к нему всем телом.

Холод сковал онемевшие конечности. Ледяные цепи обвили жертву, не давая возможности пошевелиться. Кожа теряла первоначальный цвет, обретая голубоватый оттенок.

Нелля же наоборот, розовела, на щеках появлялся румянец.

– Не-е-ет, – прохрипел Игорь и, собрав последние силы, сорвал медальон с груди ожившей скульптуры.

Снежная дева побелела, застыла и рассыпалась на пол кучей снега. Медальон неприятно холодил руку. Игорь разжал ладонь: кусок льда в виде сердца медленно превращался в воду.

Легенда о призраке

Ирина Трушина (ник в инстаграм @irinatru.writer)

Вы были когда-нибудь в Черногории? О тамошних замках ходит много удивительных, а порой и страшных легенд. Об одной из них я и хочу вам рассказать.

– Мы все погибнем!

– Дорогая принцесса, успокойтесь. Он вас любил, только поздно понял...

Мила и Сергей поженились месяц назад. Для свадебного путешествия выбрали Черногорию. Мила часто слышала рассказы о необычном и загадочном государстве на побережье Адриатического моря. На том и порешили.

В один из дней запланировали экскурсию по замкам Черногории. Молодые мечтали побывать в неприступных крепостях, посмотреть, как и чем жили люди прошлого.

Экскурсовод объявил о предстоящем событии за сутки.

«Слабонервным лучше остаться в отеле и насладиться местными видами издалека!» – предупредил он.

«Экскурсия опасна? Об этом не сказано в буклете», – забеспокоилась Мила.

«История эта случилась десять веков назад. Замок Руча расположился посередине вечнозелёного леса. Рядом находилось живописное озеро. Замок слыл неприступной крепо-

стью.

Король Густав подарил крепость герцогу де Бирою. С той поры замок передавался по наследству. Несколько веков спустя в замке произошла жуткая история.

Принц Виктор собирался жениться на красавице, принцессе Шарлотте. Оставались последние приготовления перед свадебным пиром. На манекене красовалось роскошное белоснежное платье. Слуги украшали столовую к празднику.

Утром накануне свадьбы раздался ужасный крик. Принцесса разбилась о камни у подножия башни.

Никто, кроме принца, не знал о причине трагедии. Незадолго до свадьбы он влюбился во фрейлину Аделину. Шарлотте стало известно об измене суженого, и она не смогла простить обиду.

С тех пор призрак Шарлотты летает по замку, пугая посетителей. Ходят слухи, что за последние пять лет группы недосчитались ста влюблённых пар».

Мила и Сергей не отказались от экскурсии. Им не терпелось погрузиться в атмосферу средневековой легенды. Строение поражало красотой и величием. Посетители шли медленно, вдыхая прохладный воздух крепости. Когда они уже дошли до центра замка, неожиданно раздалась мелодия песни «Lo vas a Olvidar»:

«Ответь, скучаешь ли ты ещё по мне...»

Перед туристами возник силуэт девушки в свадебном платье. Она была потрясающе красива, но очень печальна.

Мила крепко сжала руку стоявшего рядом Сергея.

«Вижу, вы счастливы вместе. Уверены, что надолго?» – промолвила Шарлотта, обращаясь к влюблённым.

«С тех пор как меня бессовестно предали, нет сил смотреть на счастливые пары. Пойдёмте со мной».

«Постойте, принцесса!» – воскликнул Сергей.

Призрак остановился.

«Думаю, то была лёгкая интрижка. Принц не променял бы вас и на десять фрейлин!»

«Откуда вы, простые смертные, знаете?» – недоумённо произнёс призрак принцессы-невесты.

«Простите мою смелость, Ваше Высочество. История высших сословий Европы лишь подтверждает мою догадку. Принц Виктор долго оплакивал вашу смерть. Он бросил Аделину и больше не женился. Умер принц в возрасте тридцати трёх лет от глубокой тоски и раскаяния».

Полная тишина повисла на несколько минут.

«Грусть тяготит меня уже несколько столетий. Я очень устала. Надеюсь, рядом с принцем Виктором есть место для моей души. Ступайте с миром».

С той поры в замке не встречали призрака. Легенда осталась, но влюблённые больше не пропадали.

Виртуальность

Жанна Ди (ник в инстаграм @zhanna.pisatel)

Часть 1

– Что вы знаете о лесах? – Марина посмотрела на экран, вдохнула аромат шишек, почувствовала лёгкое прикосновение мягких листьев и нехотя повернулась к зрителям. – Я изучила сотни разных массивов, от совсем маленьких до огромных таёжных, в которых можно легко заблудиться. Но знаете, что меня больше всего радует в этих зелёных океанах бескрайних?

По аудитории прошелестел ветерок перешёптываний. Из незаметных с первого взгляда колонок выпрыгнули звуки птиц, зверей, живущих в лесах и около них. И зрители замерли, окунаясь в мир впечатлений.

«М-м-м, в Голли-Голливуд со мной взлетай ты...» – спугнула атмосферу мелодия из телефона.

* (строки из песни: Леша Свик «Голливуд»)

Марина вздохнула.

– Я именно об этом. Там, в лесу, у вас нет сети, нет возможности зарядить гаджет. Вы остаётесь наедине с природой. Беззащитный, с одной стороны, и открытый потрясающим ощущениям, с другой. Вы учитесь слушать и слышать каждую мелочь, не отвлекаетесь на безжизненный кусок пла-

стика.

Парень с выбритыми висками, татуировкой, текущей бурной рекой вниз по шее, извинился и включил в телефоне авиарежим.

Марина щёлкнула пальцами и исчезла. Растворилась, как и полагается голограмме. А в комнате для виртуальных экскурсий началось представление.

Ночь. Лес. Гаджеты глушатся, даже фонарик не включается. По стенам ползут тени. Зверей? Или это отражения ветвей исполинов лесных? Звуки нарастают, замешиваясь постепенно и превращаясь для непривычного уха городского жителя в раздражающую какофонию.

Девчонки сжимают кисти парней. Тем приходится взять себя в руки, не поддаваться колючему страху. Через наушник в подсознании медленно выползает цель: «Найти выход».

– Вы чё, зассали?

Всё тот же дерзкий парень, любитель нарушать инструкции, потыкал в экран телефона и, не добившись результата, запел сам:

«В Голли-Голливуд со мной взлетай ты
В Голли-Голливуд со мной взлетай ты
Со мной...»

Темнота зашевелилась, огромная туша метнулась к певцу и...

Были ли брызги крови или оставшимся экскурсантам

лишь показалось, но глухой стук, заставил мозг каждого дорисовать ужасающие картины, что мог сделать с бедолагой дикий зверь.

#

– Природа не терпит неуважения... – голос Марины, словно насмешка молнией вспыхнул и осыпался липкими брызгами, напоминающими капельки человеческой крови.

Девичий визг заполнил комнату. Кортизол, адреналин, норадреналин забурлили в жилах парней. Посетители виртуальной экскурсии осознали, VR очки в играх и других развлечениях совсем не одно и то же, что VR в институте воссоздания природной реальности.

Часть 2. Запреты

В кабинет постучали. Марина вздрогнула и оторвалась от изучения записи с виртуальной лесной прогулки.

– Да.

Короткий ответ послал импульс в настроенный на голос замок. В дверном проёме появились каштановые кудряшки.

– У нас новый заказ.

Странно. Голос секретарши молоденькой не искрился от счастья. Ведь в институте каждый клиент – это зёрнышко в плане продаж, он приближал к возможной премии. А тут...

Марина наклонила голову и жестом попросила продолжить. Сил даже говорить не было, вымотала вечерняя группа. Хотелось побыстрее закончить с отчётом, фото и видео

и уйти отдыхать. Но Катенька не зашла бы просто так.

– Я не знаю, что им сказать...

Голос, сорвавшийся на писк, заставил Марину вырваться из аналитики ситуации с певцом.

– Катенька, ты ж не первый день. Дай анкету, согласие, отказ от претензий, – сухо перечисляла создательница необычных экскурсий очевидные вещи, помассировала переносицу и жестом дала понять, что аудиенция завершена.

– Но... они просят открыть ту самую комнату, – прошептала Катенька и икнула от страха.

Мир остановился. Марина чувствовала, как кровь превращалась в тягучий кисель, пульс прыгал, словно камушек, запущенный по воде. На неё напали спрятанные в глубине воспоминания. Они хлестали, кололи, пробуждали чувства, которые Марина десять лет с лёгкостью контролировала.

Эта комната забрала частичку её души. Безжалостно вырвала с мясом. И всё это он. Он! Да, даже имени в памяти не осталось. Вычеркнуто и сожжено! А пепел развеян в самой дальней глуши.

– Почему? – вырвался вопрос.

– Сказали, что нашли архив, узнали что скоро юбилей первой выставке. Хотят именно в эту комнату попасть.

Марина не слушала, не этот ответ она ждала и не от Кати. Она хотела понять почему именно сегодня? Что такого случилось во вселенной, что запечатанная десять лет назад экскурсия, окутанная тайнами, должна приоткрыть свои двери?

А то, что провести туда группу придётся Марина не сомневалась.

– Я сама с ними поговорю. Завтра в девять.

Катя исчезла, осторожно прикрыв за собой дверь.

Марина подошла к стеллажу, провела тонкими пальцами по запылившимся коробочкам с дисками. Нащупала кнопку и шагнула назад. Прозрачная плёнка сворачивалась в трубочку, открывая взгляду чёрный ларец. От него веяло запахом тлена, старостью и нотками вкрадчивого страха. Они дружно, словно жуки поползли невидимым строем по воздуху и тянули мельтешащие лапки к той, что забыла, их, бросила тут коченеть от холодной скуки.

Комнату заполняли звуки. Смех, споры, уговоры, звон брошенной чашки, хруст сломанных карандашей. Они появлялись из лопающихся мыльных пузырей. Мысленных. Будто ребёнок выдувал переливающиеся мыльные пузыри и вдыхал в них послания.

– Я была молода... Чёрт! Чёрт! Чёрт! – Марина скинула ларец на пол и пнула его словно мяч, вымещая разбухшую злость.

Десять лет назад, она пришла наивной девчонкой на стажировку в секретное здание ИВПР*.

*ИВПР: Институт воссоздания природной реальности

В академии, где она училась, ходили слухи, что попасть в эту организацию невозможно. А недавно они придумали

уникальный формат развлечений и пока всё держат в тайне. И вот ей повезло. Она отправила штук двадцать анкет. Писала, что любит эксперименты, что честная, умная, что готова к риску. Делала записи видео, рисовала, танцевала. И одно из посланий сработало. Или всё сразу.

«Мы ждём вас в 4.52 там, где открывается вид на наш город. Поймёте получите шанс. Нет, значит, такова судьба и вам придётся прекратить попытки. Второго шанса не будет».

Послание принесла птица, как в древние времена, будто нельзя отправить голосовое или видео приглашение, импульс мысленный. Но нет. Пичуга протянула лапку, позволила снять свёрток и упорхнула, задев мимолётно, стоявший на паузе плейлист.

Мелодичный женский голос напевал на иностранном. Марина не была меломаном. Спроси у неё – кто исполнитель – не сможет ответить, да и в слова не вслушивалась обычно. А зачем? Приятнее улавливать сплетение нот. Вот они либо цепляют, либо пролетают, не задев ни одну частичку её творческой души. Песня совпала с настроением, поэтому закрались сомнения, не специально ли птица задела гаджет? Не передала ли импульс, загрузивший в плейлист нужную песню? Или Марина просто её раньше не замечала?

До встречи оставалось без малого десять часов. Мари-

на открыла карты, ещё раз почитала доступную в сети информацию о ИВПР. Ничего. Отчаяние словно караулившая мышку кошка, готовилось в любой момент накрыть настойчивую, но, видимо, глуповатую студентку.

Ответ пришёл неожиданно. Помогла песня. Марина сомкнула веки, переслушала её и увидела. Город. С вершины опасной горы. Та наблюдала за жителями, манила к себе желающих пощекотать нервы. Скалолазы тренировались, парашюты раскрывались в попытке доставить покорителя на самый пик. Но нет. Пока никому эта высота не поддалась.

– Странно... У подножия? Вряд ли. На смотровой площадке? Подъёмник открывается в девять... – Марина перебирала варианты, а минуты до встречи улетали, заставляя нервничать.

И тут новая мысль вспышкой опалила уставший мозг. Наскоро одевшись, будущая стажёрка выскочила в ночь. На велосипеде докатила до скрытого от посторонних взглядов здания. Обошла его несколько раз и нашла точку, с которой лучше всего видна гора. Пропиликал секундомер. 4.52. Момент правды, услышит ли она чей-то голос, инструкции или уйдёт проигравшей домой.

– Идём! Только тсс, – без объяснений человек в чёрном костюме просочился, да-да, именно просочился сквозь стеклянную дверь.

Марина хлопала ресницами, но крик пичуги, видимо, той самой, что доставила ей послание, заставил выйти из ступора

и просто последовать за приглашением.

Он был дерзкий. Нарушал правила. Его пытались выгнать из ИВПР. Но именно он ввёл мечтательную девицу в мир виртуальных экскурсий. Их первая комната. Та самая гора. Они вместе отбирали добровольцев. Инструктировали и запускали заготовленный сценарий. Смельчаков подняло к небесам. На экране тут же отражалось всё, что происходило в их сознании. Страхи, восторг. Потрясающее ощущение полёта. Всё могло бы закончиться хорошо! Если бы только он...

– Нет! Я не буду об этом вспоминать. Выкинули и забыли! Посмотрим завтра, что там за идиоты нашли закрытую информацию о первой виртуально-реальной экскурсии на неприступную гору.

Часть 3. Абстракция

Возьми тёмный напиток. Будь то чай или кофе. Раскрути. И влей тонкой струйкой молоко или сливки. Магия! Как смешиваются эти краски!

Вглядись. Видишь? Идёт целая битва! Светлое и тёмное, тёмное и светлое. А может не битва, а танец? Скромности и напора. Тихой вежливости, защищающей границы и дерзкой идейности, насаждающей другим неочевидные изменения.

Марина и Саша выглядели со стороны именно такой парочкой. О любви речи не шло. Нет! Эти двое ежедневно, ежесекундно спорили и обсуждали, молчали, сдерживали гнев и жалящие обвинения.

– Так нельзя! – убеждала Марина.

– Кто это сказал? – щурил хищные глаза Саша, напоминая рысь, наблюдающую за жертвой.

И она сдавалась. Пускала в свои тёмные от страха мысли-сомнения, его белые будто само собой разумеющиеся капельки-идеи. Они подходили к доске, брали маркеры и рисовали. Это их способ общения. Чёткие линии, рваные и пунктирные. Округлые, со стрелочками.

– Ничего не напоминает? – посмеялась однажды Марина.

Но Саша не понял. Он с головой погрузился в проект. А она сфотографировала доску и вечером разглядывала. Водила пальцем по маршруту беседы, вздрагивала на изломе, вспыхивала краской на почти интимном молчании.

С того дня горячих споров не возникало. Как только закипало несогласие, Марина брала маркер и подходила к доске, Саша не сопротивлялся. Он без споров принял новые правила игры – ведь для него было главное, что проект по созданию виртуальной экскурсии на неприступную гору приближался к дню запуска.

Марина держала в руках папку. Ещё один предмет из про-

шлого, спрятанный в тайном отсеке стеллажа в её кабинете.

«Наскальная живопись»

Так она назвала их систему общения и тайком сохраняла фотографии. Она хотела устроить сюрприз и после завершения первой экскурсии рассказать, как та создавалась.

Вот тут они обсуждали, с какой точки начнётся маршрут.

Вот здесь спорили о препятствиях.

А тут...

Марина потёрла лоб. Над этой картиной они трудились почти сутки и не один раз встречались лбами, увлётшись рисованием или разглядыванием деталей. Облако воспоминаний накрыло и сжало в крепких объятиях. Ночь будет длинной, но завтра она будет готова встретиться со странным заказчиком.

Часть 4. Кто тот актёр...

Рассматривая фотографии, Марина погрузилась в воспоминания и не заметила, как уснула. Её разбудили странные звуки. Даже не звуки, а вибрации, витающие в воздухе. Протерев глаза, Марина вышла из-за стола, провела рукой по стопке фотографий, сгребла в кучку, накрыла папкой и почувствовала, что прошлое отпустило. На время. Будто кто-то нажал на кнопку и выключил ретрокино.

В кабинет постучались.

Ночью? Кому ещё не спится в тёплой кроватке? Марина открыла дверь и отшатнулась. Перед ней стоял... Кощей?

С короной на голове, с выпирающими рёбрами на костюме. Как в одной киносказке. Название она не вспомнила, но кадры с этим персонажем замелькали перед взором и передали особое состояние. Состояние детства.

– Марин Санна, нам нужна ваша помощь, – бормотал Кощей голосом, очень уж напоминающим одного из новеньких в институте. – Проект на грани срыва. Ирка траванулась, не вылезает из дамской комнаты, а у нас съёмки...

Кощей взял Марину за локоть и потянул по коридору. По пути рассказал, что они с трудом выпросили павильон, а утром нужно ключи уже сдать. Снимают сказку для нового аттракциона. Комиссия через два дня – либо допустят, либо завернут. И тогда всё пропало.

Мозг, видимо, не до конца отошёл ото сна, Марина с трудом понимала, что происходит. Куда они идут? Какие съёмки и, главное, при чём тут она? Ей почудилось, что она оказалась героиней той самой сказки. Даже нет, гостьей того мира. Вокруг появились деревья. Смешные, их сложно было назвать настоящими.

«Куда смотрят декораторы?» – проскользнула мысль у Марины-руководителя.

«Это же сказка! Отключи взросло!» – прозвенел голосок Марины-ребёнка.

– Вот! Вас сейчас загримируют. Нам нужно, чтобы вы сыграли эпизодическую, но очень важную роль, – Кощей усадил Марину на стул возле зеркала и исчез.

Гримёр, незнакомая девушка, с розовыми волосами, собранными в хвостики, жевала жвачку и надувала пузыри. Но руки ловкие знали своё дело и минут за десять-пятнадцать, так Марине показалось, сотворили магию превращения. Из зеркала на Марину смотрела... – Кикимора?

«Бред... А что ты хотела? Принцессою стать?» – внутренние спорщики вступили вновь в перепалку.

За спиной появился Кощей. Он снова взял Марину за локоть и провёл к месту съёмок. Те же деревья, словно картонные. Избушка на курьих ножках – проекция голограммная.

– Вот тут болото. Вам нужно спрятаться за деревьями. Мы дадим сигнал, и вы выскочите неожиданно. В кармане лежит кнопка, нажмёте и разнесутся по павильону звуки пугающие, – почти пропел Кощей.

Марина вспыхнула.

– Да вы с ума сошли? Что творите? Разве не знаете, что у нас в институте мы воссоздаём реальность. Природную! Это вам не сказочки показывать! С декорациями ненастоящими вон идите в кино или театр. У нас совсем другое!

«Так уж не понравилась роль?» – уколол внутренний ворчун.

– А в чём разница? – удивился Кощей, оглядывая съёмочную площадку. Видимо, в его мыслях их работа в точности совпадала с концепцией института.

Но Марина покачала головой.

– Всё, что видят посетители наших экскурсий – взято

из их опыта. Это их мысли, воспоминания, даже если они не отдают себе в этом отчёт. Мы не навязываем. А лишь про-воцируем. А что у вас?

– Точно! Вот чего нам не хватало. Спасибо! – Кощей поспешил к режиссёрскому пульта. К нему тут же подбежали сокомандники и они заспорили, заискрили идеями.

«Также, как мы с Сашей».

Перед внутренним взором Марины замелькали фотографии и моменты, когда они штурмили, обсуждали тонкости и детали их экскурсии в горы.

– Да-да, ты видно забыла, что мы приветствуем эксперименты? Дай шанс ребятишкам. Не руби.

Директор института, морщинистый старичок появился из ниоткуда. А может он всё это время был здесь, и, увидев, как застыла в задумчивости лучшая, по его мнению, сотрудница, заговорил. Но кого он всё-таки видел сейчас, с высоты своего двухметрового роста? Руководителя популярных экскурсий? Или девчонку неопытную, что десять лет назад пришла в это здание стажёром.

– Ты присмотрись. Нам давно пора обновить линейку программ.

«Так вот в чём же дело? Может появление посетителей на закрытую экскурсию тоже с этим как-то связано?»

Марина ничего не сказала. Она развернулась и, забыв, что всё ещё загримирована пошла в кабинет. Новый виток мыслей о предстоящем разговоре с заказчиками забурлил, заис-

крился, нужно срочно зафиксировать его на бумаге.

– А-а-а-а! – разнеслось по коридору.

Команда ребят, как потревоженные птички повернулись одновременно. Директор ухмыльнулся.

– Вот так придёшь ни свет ни заря на работу, а тебе на встречу кикимора...

Марина лишь извинилась и прикрыла лицо руками, радуясь, что сотрудница её не узнала.

Часть 5. Встреча

Будильник устроил танцы спящим клеточкам уставшего мозга. Марина провела рукой по глазам и почувствовала, что при движении снимается кожа.

– Боже..., – вырвалось из груди.

Подбежала к шкафу и попыталась рассмотреть своё отражение. Зрелище, конечно, то ещё. Грим превратился в кашу-малашу. Воск, краска, порошки разные, смешались и превратили «лицо» кикиморы в бесформенную массу.

– Чёрт...

До встречи со странным заказчиком осталось пятнадцать минут. В ход пошло почти всё содержимое женской косметички: влажные салфетки, спонжи, ватные диски. Минут через десять удалось привести лицо в более-менее приличный вид. Марина чувствовала себя скульптором, у которого с произведением случилась ошибка, а через несколько минут должна прийти комиссия. Спасти хоть немного, хотя бы

чуток, показать, доказать, что его работа достойна выставки и признания.

– Марин Санна, вы готовы? – после короткого стука в проёме двери появилась голова помощницы.

Хотелось бы ей ответить

«Нет!», накинуть паранджу и сбежать. Принять душ, налить ароматного кофе и забыть о ночном происшествии. Хотя теперь у неё есть, о чём поболтать с директором института...

– Пригласи их в демонстрационную, я подойду через пять минут.

Небольшая передышка.

Просмотреть ещё раз фото, вспомнить Сашку, его глаза. Он шептал о чём-то, когда бежал к пику горы. Нет чтобы смотреть вперёд, под ноги. Его детские выходки порой раздражали.

«До встречи!»

Прочитала Марина тогда по губам. Но подумала, что Сашка так шутит, не верила внутреннему голосу. Как мог это сказать человек, который бежал к своей смерти? Он просто исчез. Растворился. Будто кто-то взял ластик и стёр его, начисто. А потом и остальных участников первой и последней экскурсии на неприступную гору.

«До встречи!»

Что хотел он сказать этой фразой? Предупреждал, что спустя десять лет кто-то вспомнит их неудачу и попытается

повторить?

Марина потрясла головой. Видимо, бессонная ночь повеселилась над ней на славу. Да ещё сказочники эти с кикиморой... Взяла папку с анкетой для снятия заказа. И отправилась в демонстрационную.

Пять человек расположились на мягких стульях. Спиной к ней. Пять! Совпадение? Ровно столько было участников эксперимента. Справа такой знакомый затылок. Светлые волосы закручивались в спираль. Марина даже шутила, что это у Сашки на голове зарождается вихрь, а через него к нему притягиваются сумасшедшие идеи. Откуда? Не из космоса ли?

Сердце замерло.

«Не может быть...»

Он услышал, как тихо щёлкнул замок двери. Медленно встал и улыбнулся.

– Привет.

Финал

Марину пронзило ледяными иголками. Как такое возможно? Точная копия Саши: его глаза, его силуэт, цвет волос и ухмылка. Но мозг кричал: «Это не он! Прошло десять лет! Где же подвох?» И он оказался прав.

– Ой, простите за фамильярность. Меня зовут Митя. В смысле Дмитрий.

На щеках молодого человека вспыхнули красные пятна.

Он протянул руку, а та слегка танцевала от дрожи.

Никак не отреагировав на слова, Марина прошла к креслу, села, поправила юбку, так некстати подпрыгнувшую слишком высоко. Открыла папку с каталогом экскурсий и серьёзным взглядом руководителя направления посмотрела на посетителей.

– Благодарим за выбор нашего института. Мы специализируемся на виртуальных прогулках с эффектом присутствия по природной реальности, – голос напоминал речь робота, ровную, без лишних интонаций.

– Да, да, я всё знаю, – подошёл Дмитрий и взял Марину за руку.

Эффект слоу мошен многим знаком по роликам в социальных сетях. Но как выглядит встреча двух людей, не видевших друг друга десять лет, не описать словами. Можно ощутить, как пульс разгоняет молекулы воздуха, запах тонкими струйками, рисующий замысловатые узоры. И глаза, словно магниты – не могут оторваться друг от друга.

– Простите. Я попробую всё объяснить. Мы учёные. Но вы не найдёте о нас информацию в каталогах. Изучаем аномалии. Всякие наводнения, смерчи и прочие природные катаклизмы. И заметили совпадения. Вернее, мы сначала думали, что это лишь совпадения. А потом перепроверили.

Марина слушала и никак не могла сосредоточиться. Она видела Сашу, его движения губ, жесты. Ровно так он объяснял ей почему в эксперименте нужно сделать так, а не иначе.

Видела, как они склоняются над рисунком, планом. Раскладывают по шагам маршрут участников экскурсии. И, кажется, всё выверено, прозрачно.

– После каждой группы вы проводите аналитику. Считываете эмоции, мысли участников. Но это делаете не только вы. Природа не спит. Вот посмотрите.

На экране планшета замелькали схемы, картины со стрелочками, расчёты и заметки, сделанные от руки. Цунами после экскурсии на небольшой остров. Ураган после вылазки в топи. Град, саранча. Всё это кружилось, мелькало и Марина почувствовала себя, как после карусели. В детстве. С одной стороны, хочется повторения, с другой, становится страшно, что если стошнит и друзья засмеют...

– Мы провели аналогии и нашли дату, когда всё это началось.

– И что вы хотите? – наконец заговорила Марина.

– Откройте нам комнату, мы пройдем по маршруту и поймём, что случилось, почему природа начала...

Слова Дмитрия растворялись в тумане воспоминаний. А ведь Саша всё это видел и знал, только не мог доказать. Именно поэтому он сам стал участником. Хотел предотвратить утечку, через его же воронку на макушке. Ох, как же расстроится наш директор.

Не будет ему больше новых клиентов и изобретений... Где лежит протокол безопасности?

– Пройдёмте, раз вы так хотите, я открою запечатанную

комнату. Но уж простите обещать ничего не смогу. Подпишите бумаги.

«И на всякий случай попрощайтесь с родными», – добавила мысленно Марина.

Она боялась неизвестности и повторения первого запуска. Переживала за судьбы ребят. А может боялась, что прекрасные десять лет на любимой работе, увы, подошли к концу.

Дополнительный стимул

Анастасия Данилова (ник в инстаграм @an_astasiia1387)

Самира возлежала на бархатных подушках. Тонкие пальцы лениво перебирали крупные ягоды винограда. Взгляд устремился в одну точку, а мысли старались проникнуть в такие дали, о которых мало кто мог помыслить. Образ брата на миг возник на безоблачной ниве воспоминаний.

Иссиня-чёрные брови грозно нахмурились. Пальцы сжали спелую ягоду. Приторно-сладкая мякоть, пачкая ладонь, устремилась к тонкому запястью. Нежная кожа ощутила жёсткость маленьких семян.

– Шайтан, – прошептала красавица, отряхивая кисть.

Сбоку донёлся тихий шорох платья, рядом опустилась на колени наложница. Хрупкие руки аккуратно поставили золотую умывальницу.

Самира опустила испачканную кисть. Тёплая влага быстро избавила от грязных последствий злости. Затем поднялась с лежанки и направилась к открытому окну.

Лёгкое дуновение ветра принесло с собой не только терпкий аромат приправ, но и звуки флейты. На миг Самира прикрыла глаза и позволила себе улыбнуться. Флейта. Значит, ожидаются хорошие вести.

«Скорее бы. Как бы Назым не пронюхал».

Словно отвечая на её мысли, послышались торопливые шаги.

– Моя госпожа, – гонец опустился на одно колено и склонил голову, – прибыл караван...

Самира, недослушав, поспешила на улицу. Наложница

бледной тенью следовала за ней, держа в руках хиджаб.

– Ну, что там? – нетерпеливо воскликнула она, сбегая по ступеням.

Окружающие быстро отводили взгляд: смотреть на благородную каралось смертной казнью.

– Накинь хиджаб, Самира! – с белоснежного коня спешился могучий воин.

– Прости, Повелитель, я слишком долго вас ждала, – Самира потупила взгляд и позволила служанке накинуть на себя плотную материю.

Воин одобрительно кивнул и, передав поводья слуге, направился к лестнице.

– Пойдём, мне есть что тебе рассказать.

– А сестра?

– Потом, – бросил мужчина через плечо, продолжив подниматься.

Самира устремила за ним:

– Подготовь умывальню для господина, – прошептала она наложнице.

Мужчина шагал по просторному залитому солнцем коридору, напряжённо думая, как прошла экспедиция. Зайдя в свою комнату, замер.

– Джамиль?.. – прошептала Самира.

– Замолчи! – грубо отрезал воин.

Звонкая пощёчина нарушила хрупкую тишину. Девушка неизящно приземлилась на пол и воскликнула от неожидан-

ности. Горячие слёзы без спроса оросили щёки. Правую начало пощипывать от солёных дорожек.

– Ты ведь знала... знала! – прошипел мужчина, склонившись над побледневшей Самирой.

– Но..., – она не успела договорить, как вторая пощёчина заставила дёрнуться хрупкое тело.

Воин грубо ухватился за тонкие запястья и притянул дрожащую Самиру к себе.

– Ты заплатишь за ложь, – прошипел он, швыряя её на ложе.

– Поднимайся, – грубая ладонь шлёпнула по оголённому бедру.

– Не хочу, – буркнула Самира в подушку.

Джамиль расхохотался:

– Вот чего мне не хватало во время поездки. Но ты правильно поступила, что осталась дома. Там бы я свернул твою шейку, а потом бы горевал об этом, – жёсткие пальцы сжали покрасневшие ягодицы. – Шайтан тебя побери. Я снова хочу тебя.

– Как знаешь, – безучастно донеслось из подушек.

– Ну что ты за человек такой? – мужчина рывком перевернул Самиру. – Ты плачешь?

– Нет, – хрипло выдавило девичье горло.

– Прости, – сухие губы прижались к мокрым щекам. Шер-

шавый язык принялся слизывать соль. На этот раз он был нежен, как мог. В этот раз он с маниакальностью впитывал в себя её стоны, хрипы, восклицания. И хрипел, и стонал вместе с ней.

– Так вы привезли её? – поинтересовалась Самира спустя час.

– Да, – лениво бросил он.

Самира обернулась. Джамиль только что выбрался из умывальни. По могучему телу стекали ароматные капли. Белоснежное полотенце подгоняло их вниз. Девичий взгляд завроженно следил за движениями рук, воды.

«Он никогда не позволит тебе», – раздражённо подумала Самира и прогнала непрошенные недозволенные мысли:

– Куда её поместили? Хочу глянуть на выбор брата.

Воин хмыкнул:

– Калих тебя проводит, и не даст наделать глупостей.

Самира дёрнула плечом, делая вид, что сказанное несколько её не касается. Джамиль громко рассмеялся.

– Ты меня не одурачишь, Самира, – жёсткая ладонь аккуратно легла на щёку. – Я вижу тебя насквозь.

– Тогда зачем согласился помогать, Джамиль?

– Мне никогда не нравился Назым, – пожал плечами мужчина. – Да и потом, как не помочь любимой жене. Мы ведь давали клятву. Помнишь?

– Разве я могу забыть? – Самира дерзко смотрела на мужа. На губах застыла кривая усмешка.

– Хорошо, – воин улыбнулся. Он любил эту непокорную женщину. Удивлялся чувству. Порой возникала жажда крови. Или она специально пробуждала её? Бывали моменты, когда оба почти срывались в чёрную бездну. Единственное, что останавливало обоих – флейта. И никто не понимал, откуда исходила мелодия, но она успокаивала, возвращала к свету.

Джамиль задумчиво следил за неспешными движениями Самiry. Она проводила гребнем по роскошным волосам. Затем поправила браслеты на тонких запястьях. Небрежным движением расправила складки широких шаровар.

– Где там твой Калих?

– Ждёт у дверей. И без глупостей, Самира, – прилетело в спину выходящей жены.

– Как скажешь, повелитель, – Самира нарочито низко поклонилась и выплыла в коридор.

– Ну что за сучка? – хмыкнул Джамиль, заваливаясь на подушки.

Небольшая перегородка отодвинулась, пропуская в тёмную комнату крупицы света. На простой лежанке угадывался девичий силуэт. Спутанные белые волосы скрывали лицо. Измятое несвежее платье довершало картину. Создалось впечатление, что перед взором не живой человек, а скульптура из-за льда.

– Северянка? – брезгливо поинтересовалась посетительница.

– Да.

– Докатился, брат, – фыркнула Самира и с громким щелчком закрыла перегородку.

Лежащая в темноте фигура вздрогнула. Глаза распахнулись, но легче не стало. Солёные ручейки устремились по щекам, но пленница постаралась взять себя в руки.

Больше к ней никто не приходил. Лишь в узкий проём внизу двери просовывали миску с водой. Поначалу она пыталась разговорить того, кто был за дверью. Ей никто не отвечал. Тишина и мрак давили. Абигайль потеряла счёт времени. Чтобы не сойти с ума и не впасть в уныние, старалась спать или вспоминать Назыма. Не так давно он учил проникать в чужие мысли.

«Проще всего это делать, если есть эмоциональная связь, – мягкий голос с восточным акцентом завораживал. – У нас это должно получиться. Я уверен».

Девичьи щёки заалели, совсем как тогда.

– Назым, – тихо прошептали губы в темноте. – Назым.

Абигайль провалилась во мрак. Неспешное покачивание успокаивало. Она знала, куда несут её волны. Лёгкая улыбка расцвела на губах.

– Я знала, что ты найдёшь меня, – то ли прошептала, то ли подумала Абигайль. – Забери меня.

– Где ты?

– Кажется, у Самиры.

Темнота стала гуще. Холод сковал душу Абигаиль. Её начало трясти

– Назым?

– Я скоро приду. Жди меня.

Тьма рассыпалась осколками. Абигаиль резко распахнула глаза и села на лежанке. Было холодно. Но надежда теплилась глубоко внутри. Надежда, что любимый успеет.

Тяжёлая поступь кованых сапог разлеталась по пустынным коридорам. Толстый узорный ковёр не смог поглотить надвигающуюся безысходность.

В тёмных углах коридора попадались искорёженные тела защитников. Он шёл молча. Не обращал внимания на знакомую и любимую в детстве обстановку. С уходом матери из жизни это всё потеряло ценность. Только она могла остановить сына от мести. А, может, и старшую дочь.

Ему сообщили, где держат пленницу. Он хмыкнул.

Из-за угла выскочила пятёрка воинов с саблями. Назым не обратил на них внимания, продолжил идти к своей бывшей комнате. Лязг металла догнал у следующего поворота. Его люди отлично справлялись.

Перед поворотом Назым помедлил, сам не понял почему. На миг показалось, что Абигаиль позвала его с другой сто-

роны. Мужчина повернулся, но никого не увидел. Коротко кивнув своим мыслям, пошагал дальше.

Дверь из чёрного дуба с вырезанным рисунком битв предков становилась ближе. Сердце ускорило бег.

Щёлкнул замок.

Луч света выхватил из тьмы хрупкую фигуру, прикованную к стене. Голова опущена на грудь. Спутанные светлые волосы прятали лицо.

«Успел», – пронеслось по венам.

Три торопливых шага, и Назым упал на колени рядом с любимой.

– Абигайль, – прошептал мужчина, осторожно прикасаясь к волосам.

Пленница вздрогнула и медленно подняла голову.

– Здравствуй, братец, – расхохоталась Самира, висящая на цепях.

– Где она? – рык заставил звуки затихнуть и прятаться по углам и щелям.

– Обернись, – прошипела сестра.

В другом конце коридора, откуда он только что пришёл и что так хорошо просматривался в дверном проёме, стояли двое. Впереди женская фигура, едва достававшая до могучей груди великана, тянущего вниз светлые волосы. Беззащитная шея и тонкая пульсирующая вена впечатались в память Назыма. И кривой нож, давивший на бледную кожу.

Время застыло. Назым понимал – не успеет. Абигайль

смотрела прямо на него и впитывала в себя любовь с примесью боли. Пересохшие губы дрогнули. Назым скорее понял, чем услышал «люблю тебя».

Хлопок.

Джамиль полоснул холодным металлом по горлу пленницы. Алая река потекла по серому миру.

Щёлкнули оковы, удерживающие хохотавшую Самиру. Назым без сожалений свернул ей шею и отшвырнул безжизненную куклу в тёмный угол.

Джамиль обнажил саблю двинулся на противника. Бешенство и жажда крови плескались в серых глазах.

Назым освободил из ножен свою саблю.

На середине пути воины встретились. Звонкое «цанг» разлетелось по дворцу. Мужчины легко кружились в смертельном танце, не уступая в мастерстве друг другу.

Цанг!

Каждый выискивал слабость у другого.

Цанг!

Фигуры прижались друг к другу. Глаза Джамिला сверкали злобой. Губы изогнула кривая усмешка. Чёрные очи Назыма переполняла пустота, грозившая поглотить всё вокруг.

Противники разошлись и принялись кружить дальше, примеряясь к следующему удару.

Данг!

– Ха! – кончик сабли Джамिला поцарапал предплечье Назыма.

Никакой реакции не последовало. Назым лишь сделал зарубку на будущее, чтобы не допускать подобной ошибки.

Цанг!

Цанг!

Данг!

Сабли встречались и разбегались. Танец ускорился. Противники понимали, что скоро усталость накроет волной и тогда жди беды.

Цанг!

Данг!

Цанг!

Ца...

Хриплое бульканье прервало песнь сабли. Брови нахмурились, не веря в произошедшее. Давление усилилось, и голова шлёпнулась на затоптанный ковёр.

Перешагнув через завалившееся тело, Назым устремился к Абигайль. Алый и серый. Серый и алый царили кругом.

– Прости, – прошептал Назым и осторожно поднял Абигайль на руки.

Он шёл, не останавливаясь. Воины, выстроившиеся шеренгой, склоняли головы в знак почтения и скорби. Назым бережно уложил Абигайль в повозку.

– Запечатай, – бросил он подошедшему магу и направился к своему скакуну.

– Назым! Стой!

По лестнице быстро спускалась девушка. Стража было пе-

регородила ей путь, но Назым покачал головой.

– Что тебе нужно, Эмира? – холодно бросил он.

– Пощади нас, брат, – прошептала она и упала на колени.

– Мне нет до вас никакого дела, Эмира. Вы для меня мертвы. Вы не поняли моих стремлений тогда, не поняли и сегодня. Аллах вас рассудит, Эмира. Но больше не попадитесь на пути. Милосердия не будет, – Назым взобрался на коня. – Едем.

Назым не оборачивался на бывший дом. Всю дорогу смотрел прямо. С каждым шагом лицо превращалось в безэмоциональную маску.

По вечерам в шатре он скрупулёзно изучал книги, допытывался у мага возможно ли осуществить то, что он задумал. Маг лишь пожимал плечами, говоря, что никогда не сталкивался с таким.

– Возможно Хранитель обладает нужными знаниями, – проговорил старик, покидая шатёр.

– Значит, у меня появилось больше поводов стать Хранителем.

Часть 2. Сила музыки

Воспоминания порой стоит отпускать. Согласны? Хорошие они или плохие. Но нам нравится в них погружаться, так же как и в музыку.

И ведь она на нас действует. Но как? В чем ее сила? Что она открывает, на что толкает? На эти вопросы ответят истории в нашем втором зале. Здесь мы услышим не только аккорды, но и силу любви к человеку, искусству, которая может вытянуть из... Что же имелось ввиду узнаете из рассказов.

А чтобы погрузиться в атмосферу – представьте, что вы нашли граммофон. И на время остались одни. Читая истории, включайте ту самую музыку, которая вдохновила авторов и погрузитесь в ее магию, посмотрите на рассказы этой части как на концерт. Или особое представление.

Петерменнхен

Инна Фохт (ник в инстаграм @innafocht80)

Ночь тихонько опустилась,
В небе ярких звёзд ковёр.
И огнями осветились
Остров, замок, гладь озёр.

Двери заперты и окна,
До утра закрыт ШверИн.
Только кажется, что в замке
Заиграл вдруг клавесин.

Показалось, будто в башне
Свечи жёлтые зажглись.
От окна к окну всё дальше
Свечи шли, спускаясь вниз.

Тихо лестницы скрипели.
Тапки мяли ковролин.
Клавесин и скрипки пели,
Эхом вторил им ШверИн.

Добрые сюиты Баха
Наполняли тронный зал.

В тапках и в ночной рубахе
Петерменнхен танцевал.

Он кружил в спокойном вальсе,
Представляя рядом женщин
Тех, с которыми встречался
В своей жизни Петерменнхен.

Век за веком пролетает,
Всё меняя, в вихре дымном.
Он же в замке проживает
Приведением незримым.

Днём прозрачной невидимкой
За туристами летает.
Знает, о его поимке
Каждый, кто пришёл, мечтает.

Но не раз он не был пойман,
Хоть с людьми всегда он рядом.
Вместе с ними в зале тронном
Хвастает своим нарядом.

И у гида за спиною
Слушает он про ШверИн.
Или в герцогских покоях

Залезает на камин.

Он же дух, ему всё можно:
Красить стены мягкой кистью,
В оружейной осторожно
Пистолеты, ружья чистить.

Знает в замке каждый угол,
Сколько комнат, сколько башен.
Часто маленький хитрюга
Здесь пугал людей бесстрашных.

В сад гулять идёт он после
Иль в конюшню, иль во двор.
Облетает целый остров,
Что лежит меж двух озёр.

Красота!.. А ночью тёмной,
Когда опустел ШверИн,
Когда город спит огромный,
Петерменнхен вновь один.

Музыку включает Баха,
«Возвращаясь в забытье»,
И вальсирует без страха
В залах, в спальнях и в фойе.

И сегодня Петерменнхен
В тронном зале танцевал.
— Я считала, что ты меньше! —
Голос призрак услышал.

Видит, вышла из-за трона
Девочка лет десяти.
— Анхен я. Будем знакомы.
Ты напуган? Ну, прости.

Растерялся Петерменнхен,
Руку девочки пожал.
И воскликнул:
— Доннерветтер!
Как тебя я прозевал?!

Анхен? Что же, рад знакомству.
Ты пришла меня поймать?
— Не поймать, увидеть просто.
Может быть, расколдовать.

— Ах, ты чары снять не сможешь, —
Призрак сделал реверанс. —
Но в другом ты мне поможешь:
Приглашаю Вас на вальс.

Голову в ответ склонила,
Скромно улыбнулась Анхен.
И под Баха закружились
Девочка и Петерменнхен.

Утро солнышком рассветным
Зал огромный осветило.
По старинному паркету
Девочка одна кружила.

Двери в замке отворились.
Мать бежит навстречу дочке.
Словно в небе, растворились
Злые чары этой ночью...

Золотым огнём сияют
Пики башенных вершин.
Вновь туристы приезжают
В город небольшой ШверИн.

Восхищаются: «Красиво!
Статуй множество древнейших!»
...В барах подаётся пиво
Под названием «Петерменнхен»...

Большое маленькое счастье

Элла Чак (ник в инстаграм @ellabookwriter)

Год назад в консульстве я познакомилась с будущим мужем Хенриком. Когда его контракт закончился, мы переехали в Швецию, пожить годик в Стокгольме.

Душа тянулась к прекрасному, и я вышла на работу экскурсоводом в музей группы АББА. Поп-группа семидесятых за десять лет существования изменила музыкальный мир Скандинавии, продав триста пятьдесят миллионов дисков.

Руководство музея позволило превратить пустующее помещение в стилизованный временем диско-зал. Когда вместе с туристами мы попадали внутрь, над головами зажигались звёзды зеркального шара. Звучали популярные хиты. Туристы танцевали, напевая слова знакомых песен.

Незаметно наступил декабрь. За ночь выпал снег. Один раз и на всю зиму, которая заканчивается в Швеции в конце апреля. В России снег хрусткий, звонкий, общительный. В Стокгольме такой же, как горожане. Давишь его, молчит. Не поддаётся. Держит нейтралитет в общении и скуп на эмоции, замечая следы бестактного вмешательства свежим сугробом. Познакомиться с кем-то сложно. Здесь не принято угощать соседей пирогом, приглашая на чай, или одалживать соль. Друзей я не завела, радуясь одним коротким встречам

с «моими» туристами.

Вбежав в музей, стряхнула с шапки снежный нимб, торопясь согреться чаем. В подсобке застала Туве, стажёра из института искусств. Угрюмый парень с синими волосами. Я лепетала ему о встрече с соотечественниками в первой утренней группе, толком не понимая, слушает он меня или музыку в беспроводных наушниках. Синяя шевелюра Туве снова напомнила о шведских сугробах, окоченевших душах горожан, сравнимых с восковыми экспонатами музея.

Туристы прибыли вовремя. Розовощёкие с мороза они сдавали пуховики, спрашивали про туалет и сувениры. Я ждала, пока пройдёт возбуждённая суета и мы сможем начать экскурсию. Только группа не торопилась.

Подружки блондинки, одинаково одетые и причёсанные, уселись в кресло, согнувшись над телефонами. Мать зачитывала сыну подростку скучнейший путеводитель. Внимание парня отвлекал неспешно плывущий ледоколом серый трамвай, разбивающий носом снежную гладь. Супружеская пара в красных свитерах, скрестив руки, нервно поглядывала на часы.

– Вы готовы начать экскурсию? – жестами я приглашала группу подняться с кресел.

– Не-а, мы ждём! – произнесла блондинка, не подняв головы от смартфона.

– С нами в группе девушка, – принялась объяснять мать подростка, – она с палочкой. Не может быстро ходить.

– Всегда ждём этих Королёвых! – Обернулась от окна дама в пуловере. – Третий день экскурсий проходит вот так! Стоя в предбанниках!

Я поспешила к центральному входу, может, потребуется предложить пандус для подъёма? Через прозрачную дверь увидела худенькую невысокую посетительницу, лет шестнадцати. Мама держала её под локоть, аккуратно делая короткие шаги вместе с дочкой. Девушка подняла голову. Из-под широкой розовой шапки виднелись пики чёрных прядей. Кожа бледная настолько, что Стокгольмский снег на её фоне переливался ямайским загаром. Под глазами неловко замазанные синяки. Про неё хотелось сказать «обнять и плакать». Так подумала и я... до тех пока не встретила с ней взглядом.

Мне тридцать пять, удалось повидать многое. Дурное и радостное. Но никогда я не смотрела на мир, как она. Никогда во мне не было столько силы, принятия и воли. Упрямые синие глаза под прозрачными веками уставились, словно якорь тонущей в буре лодки, схватившейся за вытянутую руку рифа. По канатной нитке, что соединила нас, девушка продолжила подниматься по лестнице. Она потянулась к ручке двери. На тонком запястье мелькнул фиолетовый браслет с медицинским крестом в шесть лучей и надписью «epilepsy». Эпилепсия.

– Здравствуйте, – вытянула она руку и я аккуратно пожалла торчащие из обрезанной варежки тёплые пальцы. – Я...

Даша... простите... что задерживаю... группу, – медленно произнесла юная посетительница, опираясь на трость. Мама торопилась помочь ей с курткой, сняла с дочери шапку, протянула пластиковые очки.

– У нас много времени, не беспокойтесь. – ответила я. – Слева туалет, можно делать фотографии. Экспонаты древние, мы их не трогаем.

Я улыбнулась как можно естественней и юркнула в подсобку, набирая номер Туве.

– Алло, Туве! У меня в группе девушка! Ей нужен стул! Принеси, пожалуйста, во все залы!

– Чего?..

– Стулья тащи! – заорала я, – зачѐт хочешь или нет?!

Старый добрый язык шантажа понятен любому, несмотря на мой неидеальный шведский.

– А... Бегу! Но у нас всего два стула в подсобке!

– Значит, переставляй, пока будем идти! И так, чтобы группа не видела!

Помня о Даше, я на ходу меняла план повествования и скорость передвижения, давая ей больше времени на знакомство с экспонатами. Не из-за моего особого к ней отношения. Из-за её иного видения.

Девушка с фиолетовым браслетом ловила каждое слово. Я замечала, как она шепчет губами ответ, пока я пыталась расшевелить туристов вопросами или шуткой. Улыбалась и кивала, если мои рассуждения совпадали с её. Даша вниматель-

но рассматривала поношенную золотистую бахрому на концертном костюме, пересчитывала царапинки на виниловом диске, водила пальцами по лицам фигур участников группы. Заметив пристальный взгляд дамы в красном, Даша смущённо отодвигала руку. АББА значила для неё нечто большее, чем геометка с фоткой в инстаграме двух блондинок.

– Её любимая музыка. – Подтвердила мою догадку мама девочки.

Женщина села на стул, который Туве таскал из комнаты в комнату, ни разу не попав в поле зрения. Я решила поставить ему отлично за практику.

– Мы приехали в Швецию-то только ради Аббы этой. Подарок Даше на семнадцать лет. Так упрашивала! Всё из-за песни какой-то... особенной.

– Ваша дочь занимается музыкой? – спросила я.

– Танцами. Занималась. Пока не заболела. Ей опасно стоять-то без опоры, не то что танцевать. Приступы случаются неожиданно. Она уже столько костей переломала.

Я поняла, почему на Даше пластиковые очки. Если упадёт лицом вниз, осколки не поранят глаза.

Женщина поднялась со стула, на который её дочь не села ни разу.

– погоди, Даша, я помогу тебе с дверью.

Дверью! Я не собиралась сегодня сворачивать в диско-комнату! Зачем мучить девушку, которая не может танцевать!

– Боже... что за чудо... – услышала я голос Даши. – Какое волшебство...

Её обогнули подружки. Одна разлеглась на полу, укладывая полукругом длинные волосы, чтобы сделать фото, бегающих по ним серебряных искр. С какой лёгкостью девушка могла лечь и снова подняться на ноги. Понимает ли она своё счастье? Простых и незаметных повседневных движений: плавных сгибаний локтей и коленей, ставших для Даши непозволительной роскошью.

– Этот зал ещё не готов. – Придумывала я на ходу.

– Что здесь... будет? – спросила Даша, загипнотизированная зеркальным шаром.

– Пока думаем.

Одна из блондинок надавила плей на музыкальном центре. И кому я говорила, что нельзя прикасаться к экспонатам!

Заиграла песня «Dancing Queen».

– Моя... любимая... – прошептала Даша. – Мама, ты слышишь... это настоящее чудо... моя песня... играет!

Даша закрыла глаза, угловато покачиваясь в такт мелодии. Мать подбежала к ней:

– Пожалуйста, опирайся на что-нибудь! Упадёшь!

– Нет! – отбросила она трость, – музыка... меня... поймает!

– Не поймает! Снова сломаешь руку! Забыла про три перелома?!

Людам с эпилепсией сложно соблюдать равновесие. Я волновалась за Дашу не меньше её матери, а потом... потом старенький музыкальный центр зашипел, и песня оборвалась. Никогда я так не радовалась поломке оборудования.

– Техника старая, – успокоилась я, что девушка не упадёт в попытке танца, – идёмте дальше.

Группа потянулась на выход.

Одинокая тонкая фигурка замерла в оглохшей темноте с валяющейся под ногами тростью. Даша была рада одному, что никто не видит падающих с её подбородка слёз.

«You are the Dancing Queen, young and sweet, only seventeen. Dancing Queen, feel the beat from the tambourine.

You can dance, you can jive, heaving the time of your life. See that girl, watch that scene, dig in the Dancing Queen»

Девушка обернулась на подростка в дверях. Парень держал телефон с включенной песней. – Ты можешь потанцевать...

– Нельзя ей, – обернулась мать. – Она упадёт! – женщина прикоснулась к руке дочери, пытаясь её увести. – Идём, родная, ну же, давай. – Тянула она заплаканную Дашу к выходу.

– Стойте!

Заметив происходящее, одна из блондинок кивнула подруге, – я кое-что придумала!

Вернувшись в зал, девушка приблизилась к Даше, – она не упадёт, если мы встанем кругом и подстрахуем её!

Мать парня поспешила присоединиться, – а как нужно

встать?

– Вокруг Даши! Протяните ладони, вот так! – командовала блондинка, показывая, что делать.

Я поспешила к группе, оборачиваясь на пару супругов. Мужчина в пуловере вздохнул и потащил свою даму в кружок, – пошли, поможем им! Ты разве не видишь? Это круг большого маленького счастья!

В тот день я решила заняться изучением психологии. Всякий раз удивляюсь, проживая неповторимую историю с очередной экскурсией, с людьми, которых называю «моими». Эмпатия, казалось бы, замкнутого парнишки, находчивость самовлюблённой блондинки, мудрость эгоцентричного мужчины. Сколько ещё открытий предстоит совершить, если за истекший час моя душа уже разбилась эмоциональным калейдоскопом?

Звуки наполнили зал. Вытянутые мягкие ладони придерживали Дашу, пока она находилась в центре плотного кружка. Внутри безопасности, внутри танца, не скрывая слёз счастья. Она медленно вращалась, совершая угловатые движения. Мы все пели Dancing Queen и плакали. Дашу держала музыка и наши осторожные прикосновения.

Туве заглянул в зал. Он заметил валяющуюся в стороне трость и кружок туристов. Каких только танцев не случилось в диско-комнате. Нашу интерпретацию зарёванного хоровода он принял за сентиментальный обряд язычников. Стажёр всё же дёрнул в сторону уголком губ, заряжаясь искрой.

Что произошло с нами на самом деле, не объяснить словами. На какие чудеса способна музыка, человеческое прикосновение и сила танцующей королевы, теперь знают наши пылающие сердца.

Сила любви

Диана Славова (ник в инстаграм @tatin_uley)

НОЧЬ.

Ника стояла у окна и плавно двигаясь под музыку, всматривалась в тёмную улицу. В комнате царил романтический полумрак. В наушниках звучала её любимая Billie Eilish «Lo Vas A Olvidar» Было в этой песне, что-то волшебное, отчего мурашки по коже.

В углу на столике, среди тарелок и бокалов, пламя свечей двигалось в такт музыке.

Девушка так увлечённо танцевала, что не услышала, как щёлкнула дверь и в комнату на цыпочках вошёл молодой человек.

Она продолжала вглядываться в темноту, пытаясь увидеть знакомый силуэт и терялась в догадках, почему любимый опаздывает.

А Максим, облокотившись о косяк, восторженно наблюдал за девушкой.

Они знакомы уже больше пяти лет, а эта хрупкая, тоненькая словно статуэтка девушка, до сих пор взрывает его мозг. Он любит в ней всё: голос, движения и даже запах. Рядом с ней он теряет голову.

Мужчина сделал глубокий вдох и зажмурился от удоволь-

ствия. Нежный шлейф её духов, тонкой струной обхватил его за горло, мягко сжал, перехватив дыхание и потянул Макса себе.

– Ммм Макс, – мурлыкнула Ника, когда почувствовала, как руки любимого нежно пробежали по спине и обхватили её грудь. Она продолжала двигаться под музыку, ощущая бёдрами нарастающее желание любимого.

Резко развернувшись, она обхватила его за шею и переложила один наушник в его ухо. Теперь они были на одной волне. Волшебный голос окутывал их словно большой кокон и уносил в мир фантазий и любви.

Макс приподнял девушку над собой, она обхватила ногами его за талию и они продолжили свой танец любви в сторону спальни.

Оба, задыхаясь от переполняющих чувств и эмоций, погрузились в пучину страсти.

– Я люблю тебя! Я всегда буду любить тебя моя маленькая хрупкая Николь! – Максим обхватил голову руками и заплакал. – Это несправедливо, слышишь! Не забирай её у меня! Я не отдам её! – он поднял своё заплаканное лицо и посмотрел в белоснежный потолок, сжав кулаки – Не отдам!

Музыка неожиданно прервалась. И лишь монотонные звуки аппаратов и всхлипывания Максима, нарушали тишину палаты интенсивной терапии.

Максим плохо помнил тот день. Они направлялись на пикник к озеру. Весело болтали и слушали свою любимую

«Lo Vas A Olvidar». Камаз вылетел на встречу неожиданно. Максим не успел ничего сделать.

Он часто возвращался в тот день, пытаюсь понять, что сделал не так. Винил себя за расслабленность, за плохую реакцию. Но все вокруг твердили, что он сделал всё что мог, увёл автомобиль из-под колёс большегруза, смягчил удар. Остальное судьба и случай.

Его несколько месяцев собирали по частям. И всячески скрывали, что Ника впала в кому. И вот уже три года, он ежедневно приходит к ней. Включает Billi Eilish и надеется на чудо.

БЕЛЫЙ ПЛЕН.

Ника открыла глаза и огляделась. Она лежала на белоснежном, мягком, словно из тонкой кожи полу. Комната, в которой она находилась, была небольшая и абсолютно пустая. Единственным предметом интерьера была картина. На которой изображён силуэт маленькой девочки, выронившей ярко-алый шарик в виде сердца.

Стены были словно из белого матового стекла. Ника осторожно встала и подошла к стене. Проведя ладонью по удивительно гладкой и тёплой поверхности, она с удивлением обнаружила, что она, такая же мягкая, как и пол.

Поразительно, но несмотря на свою мягкость, при нажатии стена не прогибалась, а оставалась такой же упругой.

Ника прошла по всему периметру комнаты в поисках две-

ри, но выхода так и не нашла. Это было странно.

Неожиданно девушка услышала голос Максима. Но он звучал как-то необычно, глухо. Так, словно ты находишься в наушниках или под водой.

Ника завертела головой в поисках места, откуда исходил звук. Ей удалось вычислить местоположение Максима. Она подошла к тому месту, откуда слышала любимого и плотно прижалась к стене. Нике показалось, что она даже видит очертания любимого. Девушка заговорила. Сначала вполголоса, потом всё громче. Последние слова вырывались с криком.

Но Максим не слышал её. Он говорил что-то, но она ничего не могла разобрать. Затем его голос дрогнул и вместо слов послышалось, с трудом сдерживаемое рыдание.

Сердце было готово разорваться от боли. Ника бросилась на стену, стала бить в неё кулаками. Но всё без толку. От бессилия девушка скатилась по стене на пол и свернувшись калачиком, накрыла голову руками. Ей тяжело было слышать, как сильный и крепкий мужчина плачет. Её любимый плачет!

Она не знала причины его слёз и не могла ему помочь. Слёзы предательски потекли из глаз. Она очень хотела понять, что происходит, но не могла найти ответа.

Когда за стеной всё смолкло, Ника подняла голову и посмотрела вверх. Её взгляд упал на картину, висящую прямо над головой.

Странно, но Ника могла поклясться, что картина висела на противоположной стене. В тот момент, когда она двигалась на голос Макса, она отходила от стены с картиной.

Каким же образом Ника оказалась у той стены? Или картина переместилась вслед за ней? Но как это возможно? Где вообще она находится и что происходит? Вопросов было невероятно много. И, к сожалению, ни одного ответа.

Интересно, что в комнате постоянно царил полумрак. Сложно было понять день или ночь за стеной. Станным казалось и отсутствие самых простых и естественных потребностей.

Спустя какое-то время пребывания в комнате, Нике стало казаться, что прошла вечность. И она так и будет прозябать тут до самой смерти.

Смерть. Возможно это она? Но тогда где же те самые райские сады или адские костры? А может ад именно такой? Выматывающий, выворачивающий всю душу наизнанку.

А ещё эта дурацкая картина. Для чего она тут? О чём она? Если свыше намекают, что она Ника, упустила свою любовь? «Хрен вам! Не дождётесь! Я любила, люблю и буду его любить. Даже если я уже умерла!» – твердила девушка.

Неожиданно за стеной заиграла их с Максом любимая мелодия – Billie Eilish «Lo Vas A Olvidar». Сколько прекрасных моментов они пережили вместе с этой музыкой. Ника зажмурила глаза, слёзы тонкими ручейками потекли по её щекам. Девушка прокручивала в голове все те моменты, кото-

рые стали теперь просто воспоминаниями. Наверное, и она теперь просто воспоминание.

Ника открыла глаза и посмотрела вверх. Картина опять переместилась и висела прямо над ней. Девушка уже не удивлялась. Неожиданно ей в голову пришла идея, что картина – это ребус. Разгадав который, удастся найти ключ к выходу из этой тюрьмы.

В ПОИСКАХ СПАСЕНИЯ.

Ночи сменяли дни, а в состоянии Ники не происходило абсолютно никаких изменений.

Максим верил, что рано или поздно его Никуся обязательно откроет свои огромные как озёра, зелёные с сероватым отливом глаза.

Однако врачи всё чаще стали заговаривать об отключении девушки от аппаратов.

– Вы поймите, за полгода никакой динамики. Её мозг умер. Понимаете? Даже если когда-то и случится чудо и она очнётся, то нормальным человеком она уже никогда не будет. Вам нужен овощ?

– Я буду любить её любой и всегда. – твердил Максим.

– Ох, мой мальчик, поберегите свой юношеский максимализм. Он вам ещё пригодится. Но только не в этой ситуации. – убеждал парня пожилой профессор. – Поверьте мне на слово, я жизнь прожил. Вы устанете от такой любви. Надо понимать, что это продлится ни год и не два, а всю жизнь.

Всю жизнь вам придётся менять подгузники и кормить с ложечки человека, который даже не будет понимать кто вы. А даже если и останется хотя бы немного интеллекта, то она вас возненавидит. За то, что вы обрекли её на такое существование.

Максим качал головой и отказывался признавать слова врача. Он верил, он чувствовал, что Ника тут, рядом. Но что-

то мешает ей вырваться из оков, которые её держат. Он должен найти выход. Он обязан помочь любимой.

– В общем, так! Я даю вам ещё месяц. Простите, но больше ждать, я не вижу смысла. Если в течение этого месяца ничего не сдвинется в состоянии Вероники Сергеевны, то я вынужден буду отключить систему жизнеобеспечения. У клиники просто нет средств содержать безнадежного больного. Да и у вас, молодой человек, я думаю нет таких сумм.

– Благодарю вас, Иннокентий Семёнович! Я что-нибудь придумаю. Я обязательно придумаю! – выкрикнул Максим на бегу и бросился прочь из кабинета заведующего клиники.

– Эх... – тяжело вздохнул профессор. Ему очень хотелось, чтобы девушка пришла в себя. И молодые люди были счастливы. Однако опыт подсказывал, что чудес в жизни не бывает.

В голове Максима созрел план. Он съездил на работу, написал заявление на отпуск. Затем заехал домой и собрал сумку с вещами. По дороге заскочил в цветочный и купил огромный букет пионов. Ника обожала пионы. А ещё она любила ароматный капучино, красное вино и танцевать.

Буквально через пару часов, палата интенсивной терапии преобразилась до неузнаваемости. Медперсонал удивлённо пожимал плечами и крутил пальцем у виска, когда речь заходила о Максиме. Но заведующий разрешил делать молодому человеку абсолютно всё.

В палате царил полумрак из-за прикрытых жалюзи.

На столике горели свечи. На тарелках разложена лёгкая закуска. Отблеск свечей играл в бокалах, наполненных кроваво-красным вином. Видеопроектор воспроизводил на белоснежной стене палаты фильм, который Максим по крупинцам собирал из их совместного фото и видеоархива. Это был фильм об их любви.

Максим сидел подле Ники, держал её за руку и время от времени целовал её нежные пальчики. Он закрыл глаза, погружаясь в воспоминания. И сам не заметил, как задремал.

Ему приснилось, что он подъехал к клинике на огромном подъёмном кране, который поднял его на седьмой этаж, к палате Ники. Как он, цепляясь за поручни, осторожно двигался к окну. Ведь он с детства боялся высоты. В руке у него был зажат букет.

«Странно, кажется, я это всё уже где-то видел», – подумал Макс. «Чёрт! Точно! Это же как в любимом Никой фильме «Красотка». Она всегда на моменте, когда Ричард Гир поднимался по лестнице к Джулии Робертс, спрашивала смог бы Максим пойти на такое ради неё.

«Глупенькая! Моя любимая, глупенькая девочка. Да ради тебя я готов жизнь отдать. Не то, что перебороть свой страх» – прошептал Максим.

В этот момент окно палаты распахнулось и Максим увидел улыбающуюся Нику. Он протянул к ней руки, а девушка потянулась к нему. Перехватила у него букет и прижавшись к нему всем телом, перелезла в люльку крана.

Максим почувствовал горячее дыхание Ники, её гибкий стан под тонким, шёлковым халатиком сводил его с ума.

Неожиданно букет в руке Ники превратился в ярко-красный шарик в виде сердца. Ветер дёрнул шарик из руки девушки и потащил его вверх.

Девушка дёрнулась вслед за шариком и с диким криком «нет» полетела из корзины вниз. Максим так и остался стоять с открытым ртом и протянутой к Нике рукой. А девушка летела вниз и смотрела на улетающий шарик.

Всё происходило, как в замедленном фильме. Максим вздрогнул и открыл глаза. Свечи затухли, на стене тусклым светом моргал видеопроектор. Монотонно попискивали приборы.

Максим наклонился к Нике и стал шептать ей, как он её

любит и ждёт её возвращения. Потом медленно стал покрывать поцелуями лицо и шею девушки.

Из головы не шёл этот дурацкий сон. «Что-то ведь он значит. Неспроста он мне приснился так чётко и ясно. И этот кадр из фильма. Что же интуиция мне подсказывает? Ника ждёт от меня какого-то поступка? Но какого? У нас с тобой ещё есть время. Я обязательно найду способ спасти тебя, моё сокровище».

Максим взял бокал и пересев в кресло, включил видеопроектор.

ФРИДМАН.

Иннокентий Семёнович Фридман больше сорока лет посвятил себя медицине. Внешне он выглядел лет на 50 не больше, а в душе жил молодой бунтарский дух двадцатилетнего мальчишки.

Ему нравилось изобретать что-то новое. Пробовать, нащупывать новые технологии. Но система всю жизнь боролась с такими, как Фридман. Она ломала всё на корню, не давая расти и развиваться. Словно коса, которая срывает голову и не даёт растению подняться над землёй.

Фридман давно понял, что для того, чтобы жить в этой дурацкой системе, нужно быть очень осторожным и осмотрительным. Один неверный шаг и тебя затопчут словно таракана, а через пару месяцев даже не вспомнят ни о том, что ты был, ни об одной твоей заслуге.

То, что предлагал Максим, было не просто интересно, это было бомбически интересно. Иннокентий Семёнович потерял покой и сон. Он перечитал море литературы, связался с американской клиникой. Запросил у них документацию по всем проводимым экспериментам.

Ему безумно хотелось совершить прорыв в российской, а возможно, и мировой медицине. Но система не позволит. Задушит на корню. Надо было искать выход в обход неё.

Иннокентий перебирал номера всех знакомых, к кому можно было бы обратиться за помощью в частном порядке. Но, как назло, все частные клиники специализировались на гинекологии и стоматологии. Увы, но нос и корма корабля, всегда страдают в первую очередь.

И тут он наткнулся на один телефонный номер. Когда-то давно он познакомился с доктором Кархановой на курсах повышения квалификации. Будучи молодыми, но подающими надежды интернами, они сдружились и работали во время обучения в одной связке.

Потом их пути разошлись. Карханова уехала в Екатеринбург. Но через знакомых, Фридман знал, что она защитила докторскую и сейчас открыла свою частную кардиоклинику.

«Если Карханова осталась всё той же заводной и идейной Линой Николаевной, которую он знал в молодости, то её клиника – это шанс провести эксперимент без рисков для себя», – мысли словно молнии летали в голове Фридмана, пока он трясущейся рукой набирал номер Лины, – «Главное,

чтобы не сменила номер», – шептал пожилой мужчина, перебирая кнопки мобильного.

Карханова ответила тут же. Фридман не на секунду не усомнился, что это она. Голос не изменился ни капельки, всё те же журчащие ручейки.

Характер у Лины остался прежним, как и рассчитывать Иннокентий. Потому что стоило лишь в общих чертах описать идею, и Фридман ощутил, как у Лины загорелись от возбуждения глаза, задрожал голос.

Маньяки своего дела – именно так можно было бы охарактеризовать эту парочку.

Через час разговора, план по возможному оживлению Ники был готов.

На следующий день Максим, Ника и Иннокентий Семёнович спецрейсом вылетели в Екатеринбург. Там их уже ждал реанимобиль для перевозки в клинику «Сердечное спасибо» Лины Карханиной.

Фридман изучил работы американских врачей и заметил одну незначительную закономерность, выжили лишь те пары, у которых совпадала группа крови, либо была возможность переливания.

К счастью, у Максима четвёртая группа, она универсальная и подходит всем. Но у Ники первая и в случае если с Максимом что-то случится, ему необходим будет донор лишь с его четвёртой группой. Ника ему не поможет, как и сам Фридман, со своей второй.

Именно этот вопрос не давал Фридману покоя. Что если эксперимент удастся и Ника вернётся. Но зависнет Максим. Кто согласится пойти на эксперимент и попытаться спасти парня? Причём у этого кого-то должна быть аналогичная четвёртая группа.

ПАН ИЛИ ПРОПАЛ.

Максим сидел в кабинете у Лины Николаевны и нервно водил ручкой по листу бумаги.

Эта привычка была у него со школы. В те минуты, когда необходимо было усвоить важную информацию, он начинал выводить на листе переплетение сложных геометрических фигур.

Вот и сейчас он внимательно слушал Фридмана и Карханину, стараясь ничего не упустить.

– То есть вы хотите сказать, что если вдруг что-то пойдёт не так, я могу оказаться на месте Ники? – Максим испытующе посмотрел на Фридмана и плавно перевёл вопросительный взгляд на Лину.

– Да! Но дело в том, что если вдруг такое произойдёт, мы не сможем исправить ситуацию. Понимаешь? – произнесла Лина Николаевна и, встав со своего кресла, подошла к Максиму.

– У нас нет донора для тебя. – она присела на край стола перед парнем и заглянув ему в глаза, приподняла пальцем его подбородок – вряд ли найдётся сумасшедший, готовый

пожертвовать своей жизнью ради спасения чужой.

– Я готов рискнуть! – возбуждённо произнёс Максим. – Вы же не отступитесь? Вот сейчас, когда мы в шаге от удачи?

– Или неудачи. Тут ведь бабка надвое сказала. Ты должен понимать, что такой эксперимент может угрожать моей карьере врача, да и клинике «Сердечное спасибо» принесёт не самую лучшую репутацию.

Иннокентий Семёнович нервно теребил свою седую бородку. – Тут ведь понимаешь, надо взвесить все за и против?

– Взвешивайте скорее. Я чувствую, у нас получится. Ну а если вдруг что-то пойдёт не так, давайте я оставлю расписку, что вы меня предупредили о подобном исходе и я знал на что иду. Пишут же люди согласие на изъятие органов после их смерти? А я напишу согласие на смерть.

– Так! Ещё этого не хватало! Нас потом по судам затакают из-за таких расписок. Это исключено! – замахал руками Фридман. – Хотя идея с распиской неплохая.

Только надо будет заверить её у нотариуса, как говорится: «при свидетелях», ну и никаких согласий. Просто предупреждение о возможных последствиях эксперимента. Ты как на это смотришь, Лина?

– Да. Пожалуй, это неплохой вариант, но мне хочется стопроцентного успеха. Поэтому донор нам бы очень пригодился. Максим, подумай, может кто-то из родных или друзей с четвёртой группой?

– У меня нет родных, я сирота. Меня вырастила мама

сестра. Но у неё вторая группа. Я спрашивал всех своих знакомых, ни у кого нет этой дурацкой четвёртой группы. А мы не можем использовать донорскую кровь?

– Я долго изучал опыт американских коллег, и заметил, что донорская кровь не давала нужного результата. Обсудил это с американцами, и они подтвердили мои догадки. Донорская кровь – без эмоций. Её прогнали через сотню очисток и как бы банально это ни звучало – она стала мёртвая.

Она способна помочь человеку в операции или при переливании, но в нашем эксперименте нужны чувства, эмоции, желания. То, чего она лишена напрочь.

Лина Николаевна задумчиво слушала объяснения своего коллеги, но когда он закончил вещать, она неожиданно прыгнула с края стола и громко закричала: «Аллилуйя! Мне кажется я знаю, как нам помочь». В её глазах два маленьких чертёнка отплясывали румбу.

ОПЕРАЦИЯ «СПАСЕНИЕ»

Ника в последнее время практически не вставала. Какой смысл биться об эти дурацкие белые стены, словно муха в паутине? Толку ноль.

Сначала она пыталась решить эту замысловатую головоломку с преследующей её картиной. Всячески пытаюсь найти отсюда выход. Но со временем девушку накрыла апатия. Время тут напоминало вязкую липкую массу. Оно не текло, а обволакивало и тянулось бесконечно долго.

Временами Нике казалось, что это всё театральная постановка. Скоро спектакль закончится и злой кукловод откроет наконец-то занавес, и ослабит натянутые словно леска нити.

А потом приходило осознание, что именно так выглядит вечность. Та самая, которая уготована ей Господом богом. Ника всегда была яркой атеисткой. Но попав в эту белую комнату, неожиданно для себя уверовала в создателя. В того самого злого кукловода, который запер её тут, постепенно сводя с ума.

Временами голос из-за стены вселял в неё надежду. Он твердил, что придёт и обязательно вытащит её из этой давящей пустоты. Но помощь не шла, и надежда таяла, превращаясь в маленький воздушный шарик, вырывающийся из рук, прямо как на злополучной картине.

Макс появился неожиданно, принес с собой шум и скрежет. Комната закачалась словно огромный белоснежный пузырь, наполненный водой, заклокотала, пытаясь изрыгнуть из себя нечто инородное. Макс явно тут был лишним, и ему здесь совсем были не рады.

Только Ника никаким образом не отреагировала на происходящее в её белоснежном адовом мирке. Она продолжала лежать на полу, уткнувшись лицом в стену и не подавая никаких признаков жизни.

– Никуля, любимая! – Максим бросился к девушке, мягкий пол под ногами проседал, как надувной матрас и парень, упав на колени, ползком добрался до девушки. Рывком раз-

вернул её лицом к себе. – Живая! Слава богу, ты живая! – в уголках глаз предательски заблестели слёзы. Он принялся осыпать её удивлённое лицо поцелуями.

– Я здесь детка, я вытащу тебя отсюда, обещаю.

– Ма-а-акс?! – Удивлённо промычала Ника. За всё время, что она находилась тут, это были первые слова, произнесённые ею вслух. Язык превратился в огромный пельмень, который полностью заполнил собою рот и предательски отказывался слушаться свою хозяйку.

Девушка приподнялась на локтях, а затем села. – Как ты сюда попал? Тут нет выхода. Я всё осмотрела сотню раз, но так и не нашла этот злополучный выход или вход. А может проход? Как тебе удалось сюда попасть? – Казалось, что Ника всё ещё не верит в происходящее. – Это же мой ад. Как тебе удалось в него проникнуть? Или у нас теперь один ад на двоих? – Она забросала Максима бесконечными вопросами. А он смотрел на неё с любовью и обожанием и даже не пытался перебить.

Макс прижал голову Ники к своей груди, уткнулся в её пушистые волосы и глубоко вдохнув прошептал: – Как же я соскучился по тебе. Ты просто не представляешь, как я соскучился. А они..., он посмотрел куда-то в сторону и ухмыльнулся, – не верили, хотели тебя отключить. А я им говорил, я чувствовал, что не могла ты вот так легко сдаться.

– Отключить? Макс, ты про что? Я же не компьютер? Надеюсь, это всё не сон, и ты сейчас не исчезнешь так же, как

и появился? Я же не схожу с ума, Макс? Мне страшно. – Последние слова девушка произнесла срывающимся голосом и разрыдалась.

– Никуля, не плачь моя родная. Совсем скоро мы выберемся отсюда и я тебе всё расскажу, обещаю.

– Максим поторопитесь! Показатели скачут. Вам обоим необходимо успокоиться, иначе сердце Ники может не вытянуть такой нагрузки. – Из-за стены раздался приглушённый голос Иннокентия Семёновича.

– Кеша, не пугай их, смотри, ты делаешь только хуже. Ребятки, соберитесь! Начинаем вас вызволять. – В разговор вступила Лина Николаевна.

– Нам пора, малыш. – Максим обнял Нику, чмокнул в нос и произнёс, – главное – ничего не бойся.

Ника, глотая слёзы, кивнула и зажмурила глаза. Ей казалось, что так будет проще. На секунду она подумала, что даже не попрощалась с девочкой на картине. Той самой, которая преследовала её все эти долгие месяцы. Которую она начала люто ненавидеть и, наверное, немного любить. Ника решила открыть глаза, чтоб хотя бы взглядом попрощаться с картиной. Но вместо картины она увидела склонившиеся над ней незнакомые лица мужчины и женщины.

– Ника? Ты меня слышишь? Меня зовут Лина Николаевна, я твой лечащий врач. А это мой коллега Иннокентий Семёнович. Ты понимаешь, что я говорю? – Доктор Карханова старалась говорить медленно, растягивая слова по слогам.

Ника обвела взглядом комнату и попыталась пошевелиться, но каждое движение причиняло ужасную боль. Тело отказывалось слушать свою хозяйку. Это и немудрено. За время лежания, мышцы практически атрофировались и теперь их придётся заново заставлять работать. Она застонала и еле слышно прошептала: – Кто я? Где я? Губы пересохли, и тоже отказывались слушаться. В горле нестерпимо горело. Ника с трудом сглотнула слюну.

– Ника, Никулечка! Ты вернулась! – С соседней кровати подал голос Максим. Он улыбался, но улыбка получилась какая-то вымученная. Лицо его напоминало белый пергамент. Несколько трубок тянулись от его тела к телу девушки. По ним пульсировали разноцветные жидкости, перетекая от одного к другой.

Девушка повернула голову в сторону Максима, – А ты кто? – С неподдельным удивлением спросила она.

ВКУС СМЕРТИ.

– Ника, ты чего? Я Макс! Мы только что с тобой разговаривали, помнишь? – С нотками волнения в голосе проговорил парень и попытался встать.

Аппараты резко запищали, предупреждая об опасном поведении пациента. Сил встать у него не было и он завалился на матрас.

– Макс? – удивлённо, словно пробуя на вкус это имя спросила Ника, – Нет, не помню. Я ничего не помню.

Раздался резкий писк и на экране монитора побежала тонкая полоса.

– Лина, мы его теряем! Срочно отключай Нику. Я попробую его реанимировать, но шансов очень мало.

Иннокентий Семёнович, со скоростью реактивной ракеты принялся отсоединять капельницы. Схватил дефибриллятор и начал проводить реанимационные действия.

Ника испуганно наблюдала за происходящим.

Лина Николаевна, дрожащими руками щёлкала по клавиатуре компьютера, пытаюсь найти причину остановки сердца. – Ничего не понимаю. Все показатели были в норме. Они одновременно пришли в себя, а это говорит о том, что у нас всё получилось. Потом резкий скачок давления и остановка. Ты что-нибудь понимаешь, Кеш?

– А что тут понимать?! Парень столько времени бился за то, чтобы вернуть её к жизни, – он кивнул в сторону ничего не понимающей Ники. – Мы ведь хотели её отключить ещё пару месяцев назад. А он верил, надеялся, искал способы вытащить её из комы. А когда у него всё получилось, оказалось, что она ни черта не помнит. – С досадой в голосе произнёс врач. – Вот сердце и не выдержало. Последняя попытка, если сейчас не заведу, значит мы его потеряли.

Нике тяжело было соображать, голова предательски трещала. Огромный поток информации лавиной накрыл её сверху. Она старалась заглатывать его на ходу, чтобы окончательно не задохнуться. Она не помнила ни себя, ни этого

парня. Но со слов врача, именно ему она обязана жизнью. – Господи, пусть он живёт. Я не хочу, чтобы он умирал. Мне не нужна жизнь, полученная такой высокой ценой. Она перевела взгляд в белоснежный потолок и постаралась запустить поток своих мыслей, туда, вверх, к нему, к кукловоду. Ника вздрогнула. Откуда эти мысли? Кто такой кукловод и почему от одного его упоминания, на душе становится так неуютно? И почему она надеется лишь на его помощь?

Писк прекратился. На экране вновь появились зигзаги. Монитор загорелся нежным голубоватым светом.

– Лина подключай его к ИВЛ. Состояние нестабильное. Не знаю, есть ли у него шанс. Но мы поборемся. Правда, Макс? Ты же боец! Давай-ка не сдаваться! – тяжело выдохнув, Иннокентий Семёнович присел на край кровати и вытер пот со лба. – Сегодня я ночую тут. Надеюсь, ты не против?

– Нет. Что ты. Конечно, ночуй. Я, пожалуй, тоже останусь с тобой. Мне не даёт покоя вся эта ситуация. Если это наша вина, то мы её исправим. А если Максим сам решил всё испортить, то наша задача не позволить ему совершить глупость.

Максим сидел в той самой белоснежной комнате, облокотившись на мягкую стену. Его взгляд, обращённый в пустоту, не выражал никаких эмоций. За стеной слышались голоса Иннокентия и Лины, но Макс не хотел их слушать. После того как Ника не узнала его, внутри словно что-то сломалось. На Максима навалилось осознание, что наступил предел его

моральных и физических сил. Апатия и усталость навалились одной большой снежной лавиной.

Ника жива. Он добился своего. Но будущее пугало своей неизвестностью. Она его не помнит. И нет никаких гарантий, что память к ней вернётся. А жить, наблюдая за ней со стороны, не было никакого желания. Максим лёг на пол и перевёл взгляд вверх. Над ним висела картина-пазл. Лицо, разбитое на осколки, часть которых уже осыпалась. Он с интересом изучал каждый осколок, пытаясь мысленно вернуть его на законное место. Голоса за стеной всё больше выдавали волнение говорящих. Максим старался не обращать на них внимание. Неожиданно сверху раздался голос Ники: «Господи, пусть он живёт. Я не хочу, чтобы он умирал. Мне не нужна жизнь, полученная такой высокой ценой».

Максим приподнялся и посмотрел по сторонам. Рядом никого. Но ведь он ясно слышал голос Ники. Значит, она не забыла его?! А может, всё-таки забыла? Главное – ей не безразлична его жизнь. А если он умрёт? Что будет с Никой? Кто поможет ей вернуться к нормальной жизни? Неожиданно пришло осознание, что он ведёт себя как обыкновенный эгоист. Столько времени боролся за жизнь любимой и в последний момент, когда уже всё получилось – сдался.

– Ты думал будет легко?! – со злостью в голосе, Макс обратился к картине. – А кто тебе сказал, что будет легко? Слабак! Эгоист и слабак!

Из-за стены раздался голос Иннокентия Семёновича: «Лина подключай его к ИВЛ. Состояние нестабильное. Не знаю, есть ли у него шанс. Но мы поборемся. Правда, Макс? Ты же боец! Давай-ка не сдаваться!»

– Я не сдамся! Доктор я буду бороться! Я обещаю, только вытащите меня отсюда. – Максим вскочил на ноги и начал шарить руками по стенам в поисках двери. – Чёрт! Как я в прошлый раз сюда попал?! Не помню! Я так был увлечён, что даже не придал этому значение. Но ведь если есть вход, значит есть и выход.

Он перевёл взгляд на картину и выкрикнул: « Я выйду отсюда, потому что обязан помочь Нике. Как сложится наша жизнь, покажет время. Я готов её отпустить, если она сама этого захочет. Я больше не буду вести себя, как эгоист. Клянусь своими искренними чувствами. Самое важное, чтобы она жила».

Осколки на картине зашевелились и словно маленькие разноцветные жучки поползли по своим местам. Максим боялся вдохнуть, замерев, он наблюдал за происходящим. Как только пазлы улеглись, картина стала блёкнуть, сливаясь со стеной. И буквально через пару минут растворилась полностью в стене, не оставив после себя никаких следов. Словно её тут и не было.

Максим ещё какое-то время смотрел туда, где висела картина, а потом неуверенно подошёл и погладил рукой это место. Абсолютно гладкая, мягкая стена. Ничего не напомина-

ло о висевшей картине.

– Чертовщина какая-то. Слышь, док, тут какая-то чертовщина творится! До-о-ок! Вытащи меня отсюда. Я знаю, ты сможешь.

Но кроме писка аппаратов, Максим больше не слышал ничего. Накопившаяся за последние дни усталость, неожиданно накрыла его с головой. И он сам не заметил, как провалился в сон.

ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Ему снились дурацкие стеклянные пазлы. Они неожиданно ожили и мерзко хихикали над Максимом и его решением расстаться с жизнью. Он злился, пытался их разогнать, но они то разбегались в разные стороны, то снова собирались у него над головой, приговаривая: «Хи-хи-хи! Глупец! Надоело жить? Вот и сиди теперь здесь».

Максим понимал, что бесится из-за того, что всё сказанное, правда. Конечно, глупец! Он не понимал, какой чёрт его дёрнул так поступить. Ведь сейчас понимает, что поступил, как идиот. А тогда даже не задумался, одним рывком всё решил.

Максим проснулся разбитым. Сон вымотал его ещё сильнее. В глазах появился стеклянный взгляд, а под ними появились огромные тёмно-серые впадины. Лицо сразу осунулось. Парень стал походить на зомби из фильма ужасов.

Он огляделся по сторонам, убедившись, что всё без из-

менений. Встал и на всякий случай обошёл комнату по периметру, проверяя каждый миллиметр стены на возможный выход. Увы, ничего не изменилось. – Тут недолго и свихнуться. Как Ника выдержала так долго? Неудивительно, что память покинула её. Скорее всего, это защитная реакция организма, – размышлял Максим, – интересно, как поведёт себя мой мозг?

Фридман и Карханова сидели перед монитором компьютера и вглядывались в снимки, которые только что выдала на экран система мониторинга. На экране в разных проекциях был изображён мозг.

– Кеш, посмотри. Какие-то чудеса творятся. Вчера после остановки сердца мозг как будто начал умирать. Я чётко видела участки некрозной ткани. А сегодня, на снимке даже не осталось следа после вчерашнего происшествия. Куда делись поражённые участки? Такое ощущение, что они регенерировали. А что ты об этом думаешь?

– Я думаю, что мальчик передумал умирать. И мы можем попробовать его реанимировать. А снимки? Это всего лишь снимки. В нашей голове ещё столько всего неопознанного, что я даже со своим огромным стажем, ничему не удивляюсь. Ты как будто впервые видишь подобное чудо.

– Ну конечно, не впервые. Просто так интересно за всем этим наблюдать. Скажи, ты бы хотел оказаться там, на месте Максима? Изучить ту сторону нашей жизни?

Ммм, не знаю. Честно скажу, наверное, нет. Даже ради на-

уки, я не готов проводить эксперименты со своим организмом и уж тем более с головой. Ты же видишь, что происходит с Никой. Мозг сам себя заблокировал. Один чёрт знает, что там с ней происходило.

– Давай без упоминаний высших сил. Ты же знаешь, как я к этому отношусь. Никаких чертей и господ мне здесь не надо.

– Да прости, забываю. Вылетело по привычке.

– Ну а насчёт реанимации, я честно не знаю. Ты же понимаешь, что той крови, которую мы взяли у Максима перед реанимацией Ники, хватит всего лишь на одну попытку. А если что-то пойдёт не так? Где мы найдём ещё кровь? Ты же помнишь, у него самая редкая четвёртая.

– Кстати, отличная была идея взять кровь у самого пациента и её же потом использовать при переливании. До сих пор не понимаю, почему мне первому не пришла эта идея. Максим знает, что крови мало и я уверен, что он постарается нам помочь.

– Хорошо доктор Фридман, под вашу ответственность мы можем начать реанимацию через пару часов.

Максим сидел у стены и прислушивался к происходящему за её пределами. Но кроме мерного писка аппаратов, он не слышал ничего. Зажмурившись, Максим стал вспоминать их прогулки с Никой. Яркое солнце, ласково играющее лучами в волосах любимой. Макс, сделал глубокий вдох и ему показалось, что он почувствовал запах свежей скошенной тра-

вы и пыли, цветов, покрывающих холм у реки, на берегу которой они так часто проводили выходные. – Как я мог?! Ведь я лишил себя всего этого. Теперь торчу здесь, в самом ужасном месте, там, где нет ни запахов, ни вкусов, ни желаний.

За стеной послышалось шуршание и голоса врачей. Максим прислушался и понял, что запускают процесс по его волею из белой тюрьмы.

– Максим, приготовься! Мы начинаем, – зачем-то громко произнёс Фридман. Лина Николаевна посмотрела на него с удивлением и лёгкой ухмылкой. А он пожал плечами, словно оправдываясь за свой мальчишеский поступок и прошептал: – Кто знает, кто знает.

Максим услышав слова врача, закрыл глаза, сделал глубокий вдох. «Прямо как космонавт», – промелькнуло у него в голове и он улыбнулся своим мыслям.

– Ну вот! Этот засранец улыбается! Лина, ты видишь? Довёл нас до нервного приступа, а сам улыбается.

Максим прищурившись приоткрыл один глаз. Над ним нависал всё тот же белый потолок. – Как?! Неужели ничего не произошло? – Он резко подскочил на кровати, трубки натянулись, игла выскочила из катетера, заливая пол кровью.

– Молодой человек! Что вы творите?! – возмущённая Лина Николаевна пережала трубку капельницы пальцем и строго посмотрела на Максима.

– Доктор, вы?! Как же я рад. – Максим выдохнул и лёг, откинув голову на подушку. На его лице бродила счастливая

улыбка.

– Нет, вы только посмотрите, он рад! А вот я совсем не рада. Мало того, что из-за вас мы потеряли ценные граммы крови. Так ещё теперь тут придётся всё отмывать после ваших попрыгушек.

– Я вымою сам, немного посплю и вымою, – зевнув Максим закрыл глаза и провалился в сон.

– Мальчик пережил такое напряжение, а вы на него из-за какой-то лужицы напали. – В голосе Фридмана слышалось лёгкое осуждение. Он вошёл в палату и стал невольным свидетелем разыгравшейся сцены. – Дайте, я вас обниму, Линочка! Мы с вами смогли! Мы это сделали! Мы переплюнули америкосов, вернули и девочку, и мальчика спустя сутки. А это всё... – он обвёл руками палату, забрызганную кровью, – такие мелочи жизни. Пара часов работы санитаров и всё засияет белизной.

Он подошёл к Карханиной и приобнял её, она казалась маленькой девочкой на фоне высокого Фридмана. Уткнувшись ему в грудь, она постаралась отвести руку, вымазанную кровью, с зажатой капельницей в сторону, чтобы уберечь хотя бы его белоснежный халат. Несколько дней напряжения дали о себе знать в виде осадков из слёз.

Фридман, растерявшись, обнял её крепче и стал баюкать, как маленького ребёнка, приговаривая слова утешения.

Максим спал. Ему снилась Ника. Её изящные изгибы тела, так сводящие его с ума. Её нежная улыбка, страстные губы

и жаркие поцелуи. Он то улыбался во сне, то стонал. Ника вошла тихо и встала перед его кроватью. Она с интересом изучала его лицо. Лина Николаевна рассказала ей всю историю в подробностях, и про аварию, и про то, как Максим все эти годы, боролся за её жизнь. Показала ей фильм, смонтированный Максом. Ника слушала и смотрела внимательно, пытаясь в своей памяти найти хотя бы слабые отголоски воспоминаний. Но пока в её голове, единственным воспоминанием была, какая-то странная белая комната с единственной картиной, на которой изображена девочка, упустившая ярко-красный воздушный шарик. Ника не могла найти пока объяснений, но почему-то эта картина ужасно раздражала её. В этот момент Макс открыл глаза и улыбнулся, – Никуля, девочка моя, а ты мне приснилась.

Ника смущённо улыбнулась, пряча взгляд в окне, – мне тут врачи немного прояснили происходящее. Но, я всё равно пока ничего не помню. Ни тебя, ни себя, ничего того, что между нами было.

– Ника послушай, пока я был там, – Максим пальцем указал в потолок, – у меня было достаточно времени подумать и всё взвесить. Я не буду на тебя давить. Я пойму и приму любое твоё решение. Позволь мне только попробовать вернуть тебе память. Ну или вновь завоевать твою любовь. Я клянусь, что не буду торопить события. Пусть всё идёт своим чередом. Давай представим, что мы только вчера с тобой познакомились?

– Я как раз пришла с тобой об этом поговорить. И тоже хотела предложить начать просто общаться. Как здорово, что мы одинаково подумали.

– Отлично! Тогда предлагаю сегодня устроить домашний, вернее, больничный кинотеатр. Я покажу тебе все наши совместные видеозаписи, наши фотографии. Ты не против?

– Конечно же, я за, – засмеялась девушка.

– Тогда в восемь я зайду за тобой в палату? Окей? Попробую уболтать Семёныча на бутылочку вина.

Ника наклонилась и неуверенно чмокнула Максима в щеку. Лёгкий румянец смущения появился на её щеках и она, отвернувшись, быстрым шагом направилась к двери.

– В восемь! Я буду ждать. – улыбнулась она из-за плеча и вышла.

– Вот это совсем другое дело, – прошептал Максим, – а то собрался он тут умирать! Я тебе умру! – Он погрозил куда-то вверх кулаком и расхохотался.

«*Money, money, money...*»

Ольга Чернышева (ник в инстаграм @vogidaniichudavsegda)

...Сколько себя помню, пела я всегда. В шесть лет написала первую песню с милым названием «Два маленьких тролля». Музыка настолько переполняла меня, что постоянно искала выход. Без неё я не представляла своей жизни. Она была всем: солнцем, воздухом – всем миром.

Скорее всего это передалось мне от папы. И для него музыка была не просто увлечением. Он в ней жил. К тому же, работая в крупном магазине, имел возможность первым доставать всевозможные новинки.

Помню день, когда меня отдали петь в церковный хор. Там, услышав настоящее многоголосие, я влюбилась в музыку ещё больше. Видимо, тогда всё для себя и решила.

С подружками Леной и Элизой мы создали вокальное трио и даже пытались выступать. Но, совершенно не зная вопросов раскрутки, наш коллектив не имел большой востребованности и в итоге быстро распался.

Едва дождавшись своего пятнадцатилетия, я ушла из дома, решив воплощать мечту в реальность. Нужно было учиться, учёба требовала денег, и я устроилась работать телефонисткой.

Одновременно брала уроки хореографии. А так как петь и танцевать это, безусловно, лучше, чем работать, это у меня лучше и получалось. В какой-то момент мне даже пришлось выбирать.

И я выбрала сцену. Намечались длительные гастроли, а мой парень, глупенький, поставил мне ультиматум: я или музыка? Жаль...

Я ведь была влюблена. И в него, и в музыку. Мы расстались, но я благодарю Бьорна (так звали моего и первого парня) за то, что у меня родилась... песня с похожим названием. О первой любви. Она-то мне и открыла путь в большой шоу-биз.

Запись этой песни попала в руки известного в Швеции продюсера. С его подачи я и стала подопечной не менее известного лейбла.

Это было только начало. Свои семнадцать я отметила выходом новой песни, ставшей хитом.

Карьера постепенно пошла вверх. Я записывала синглы и альбомы с переменным успехом, приняла участие в Евровидении, но в финал моя песня, увы, не прошла.

А ещё сыграла роль Марии-Магдалины в мюзикле «Иисус Христос Суперзвезда». Пусть я не религиозна в строгом смысле этого слова, но в Бога верю, потому что без веры вообще жить нельзя.

Участие в мюзикле было интересным опытом, и всё же музыка была у меня на первом месте.

В конце шестидесятых я познакомилась с Бьорном Ульвесом, ставшим позже моим мужем и отцом моих детей. Его друзья, Анни-Фрид и Бенни стали и моими друзьями. И мы решили создать квартет.

Долго думали над его названием, но ничего стоящего в голове не приходило.

Какое-то время мы выступали под прежним названием их группы «Fastfolker», пока кого-то из ребят не осенило взять за аббревиатуру первые буквы наших имён. Так появился квартет «АББА».

Но и тогда наш путь не стал легче. И мы не сразу вошли в музыкальную богему.

Миром правил рок. А наша музыка считалась не более, чем развлекательной, но никак не роком.

Зато и наше детище помнило многое. И хорошее, и не очень. Наши свадьбы и, увы, разводы. Между ними жаркие ссоры и сладкие примирения. Творческие споры до хрипоты и соглашения до обнимашек, рождение детей (моих) и печаль Фриды по поводу их отсутствия в союзе с Бенни.

И работу. Постоянную работу – как наркотик, затягивающий всего тебя целиком, только в воронку творчества...

Десять долгих лет мы отдали своей группе. С ней мы познали мировой успех, толпы фанатов и поклонников. Нас буквально носили на руках, иногда – вместе с автомобилем. Кто бы мог подумать, что всему этому начало будет положено тогда, в далёком 1969-м, ресторанной, ни к чему не обя-

зывающей, песенкой?..

Вот и эта – «Деньги, деньги, деньги» – родилась в творческом союзе наших мужчин. Причём, почти все думают, что ключевой момент в ней – деньги, как таковые. Но мало кто знает, что рабочее название песни было «Цыганка» или «Gipsy girl». А значит, скорее эта песня, всё же, не о власти денег. Она о власти над людьми превратностей и предсказаний судьбы – через неё саму или её проводников, даже если их мотивы не всегда бескорыстны.

Творчество вообще шло и продолжает идти красной нитью через всю нашу жизнь. Я ведь, и будучи солисткой группы, записывала сольные альбомы. И тоже с переменным успехом. Но это был мой, только мой путь к успеху, и к тебе, дорогой мой слушатель.

Мне часто задают вопрос, продолжила ли я бы работу в группе, если бы она не распалась? Я очень честный человек, поэтому считаю, что она просуществовала ровно столько, сколько и должна была просуществовать.

Мы все и до сих пор заняты любимым делом – у нас сольные карьеры, ребята ставят мюзиклы.

Если бы мы продолжили с «АББА», это было бы чудесно, но раз нет, нужно быть счастливым и тем, что было. Мы счастливы, что нас помнят и любят.

Именно ваша любовь помогает нам до сих пор, пусть и не так часто, как хотелось бы, собираться вместе, чтобы за-

писать новые песни. Для себя... И, конечно же, для вас... #

С приветом из Швеции,

Агнета Фельтског.

Наперекор судьбе

Софья Гуревич (ник в инстаграм @gurevichsofja)

Мать играла на пианино вальс Шопена и с улыбкой смотрела на танцующую дочку. Легко, как пушинка или снежинка за окном, кудрявая смеющаяся девочка кружилась в такт музыке.

– Мама, а я стану балериной, когда вырасту? – спросила Лина, с трудом переводя дыхание.

– Обязательно станешь, если ты так этого хочешь.

В комнату вошёл отец.

– Дети, снег перестал идти, можно гулять.

– Ура! – в один голос закричали Лина и её младшая сестра Маша.

Девчонки быстро оделись и выбежали на улицу, словно боясь, что снег растает. Сначала играли в снежки, а потом началось самое интересное для Лины – сооружение фигур из снега. Она и сама не могла понять, что любит больше – танцевать или заниматься скульптурой.

Родители всячески поддерживали все увлечения дочери. Приносили специальную глину, чтобы она могла лепить своих принцесс и танцовщиц и возили в балетную школу, где Лина тоже была счастлива.

Когда она стала старше, родители говорили, что надо вы-

брать что-то одно. Но Лина не могла выбрать: её тянуло и к танцу, и к скульптуре.

Она подала документы в хореографическое училище, и в Академию художеств на отделение скульптура. И там, и там делала успехи. Говорила, что скульптура помогает танцу, а танец скульптуре.

Но когда всё-таки пришлось выбирать, выбрала балет. Восхищаясь Айседорой Дункан, она танцевала сама и ставила балетные спектакли. Каждый день приносил радость, ведь когда занимаешься любимым делом чувствуешь счастье.

Но однажды утром Лина не смогла встать с постели – высокая температура, головная боль, ломота в костях. В больнице поставили диагноз – энцефалит. Ей отказали руки, ноги. Пропало зрение. Врачи сделали всё возможное и невозможное.

Через месяц вернулась подвижность рук, но зрение так и не восстановилось. Целыми днями она лежала и думала, как теперь жить и стоит ли продолжать это бесполезное существование. Ничего у неё не осталось, ни балета, ни сцены. Только самые близкие люди: мать и сестра.

Во время очередного обхода врач вложил Лине в руки мякиш хлеба.

– Мне говорили, что когда-то вы занимались лепкой, попробуйте слепить что-нибудь.

– Но это же хлеб!

– Знавал я таких умельцев, из хлеба чего только не лепи-

ли: и шахматные фигурки, и зверушек.

– Зачем мне это?

– Вам нужно развивать мелкую моторику рук.

Врач ушёл, а Лина всё держала в руках кусочек хлеба. Машинально начала разминать его, ещё не зная, что получится. Вспоминала красочные детские книжки, вспомнила мышонка из сказок. Слепила и оставила на тумбочке.

На следующий день врач пришёл проверить состояние пациентки и увидел поделку.

– Вы не поверите, но ваш мышонок, как живой!

Мать с сестрой принесли пластилин и она вспомнила своё второе любимое увлечение – скульптуру. Самозабвенно погружилась в этот процесс, забывая обо всём на свете, не видя, но чувствуя свои фигурки пальцами.

Лина выписалась домой и продолжила заниматься лепкой, но уже из глины. Что-то напевала про себя, чувствуя вдохновение и радость.

Но порой мучилась сомнениями, хорошо ли то, что она делает. И тогда сестра договорилась с художником Нестеровым, чтобы он посмотрел работы Лины. Михаила Васильевича знали, как очень честного и бескомпромиссного человека.

– Он не будет лгать из жалости, скажет всё как есть, – успокаивала сестру Маша.

– Очень, очень интересные работы. Продолжайте заниматься скульптурой. У вас есть талант к этому делу и удиви-

тельный дар «видеть на ощупь».

Окрылённая Лина вернулась в мастерскую. Вскоре состоялась первая выставка, появились статьи о ней в газетах и журналах. Началась новая страница в жизни наполненная радостью творчества и счастьем от признания.

Послесловие от автора.

Много лет назад я узнала о советской балерине и скульпторе Лине По. Всего несколько строк в журнале, но я запомнила их навсегда. Лина По стала для меня в один ряд с Павкой Корчагиным и Алексеем Мересьевым.

Я мечтаю написать о ней книгу. Не только мечтаю, пыталась несколько раз, попытаюсь снова. У меня недостаточно фактического материала, а может, и писательского таланта. Но очень хочу, чтобы появилась книга об этом удивительном человеке.

В заброшенной подземке

Маргарита Григорьева (ник в инстаграм @grigoryeva_margarita)

«Адреналино-зависимым! Новинка!

В заезде по штольням забытой подземки волна впечатлений сойдёт с ног и вынесет вас на пик новых эмоций. Только для крепких, с железобетонной нервной системой и здоровым сердцем. При наличии справок от кардиолога, невропатолога, нарколога. Дорого...»

Степан хмыкнул, сделал скрин экрана и отправил в вайбер Борде. Через пару минут экран вспыхнул, трубка завибрировала голосом Лёвы Би-2 «Большие города... Пустые поезда... Ни берега, ни дна...»

– Привет, бро! – загудел голос напарника. – Что за хрень шлётся, я непроверенную инфу не беру. Есть референсы?

– Были бы – я б тебе сам позвонил, – хмыкнул Степан.

– Ок, пробую. И ты прошарь, кто такие, – пробасила трубка и отключилась, не прощаясь.

Через неделю тройка-психоз – так в среде подпольных диггеров называли Степана по прозвищу Шиза, Гриню Борду и Тинку Огонь – спускалась в сопровождении проводника в шахту заброшенного метростроя. Это трио заслуженно назывались рисковыми: они первые открывали неизведанные

маршруты.

Согласно чертежам и схемам, стройке века минуло пять десятков лет. Строительство метро заморозили перед развалом Союза. Несомненно, – документы подлинные, и Борде пришлось серьёзно раскошелиться, чтобы добыть их из технических архивов.

В шахту глубиной метров триста спускались в дряхлой открытой кабинке шахтёрского лифта. Алевтинка ёжилась от возбуждения. Стены узкого вертикального колодца покрывал густой слой пыли. Жёлтые лучики фонариков на касках выхватывали куски грунта, камней и тросы, слегка вибрирующие от тяжести лифта. Внизу на путевых рельсах друзей ждала такая же открытая вагонетка. Рельсы пролегали по чуть наклонной штольне километров на пять, по словам проводника Егора. Но Тинка чувствовала, что и этого ей хватит, чтобы всю пощекотать нервы.

Никогда ещё Тинке не доводилось спускаться так глубоко в темноту. Она молча ловила прилив адреналинового восторга. Едва сдерживаясь, взглянула на спутников: они заметно держали себя в руках, но и их распирала изнутри волна, от которой тридцатилетние мужики превращались в буйных подростков.

Проводник оценил ситуацию и привычно вздохнул:

– Так, вспоминаем инструктаж: внизу без самостоятельности. Не перегибаемся через край, не хватаемся за стены, не выпрыгиваем на ходу. Держимся крепко. Не реагируем

на что-либо необычное. Всё очень серьёзно.

Друзья переглянулись:

– Ты о чём, Егор? Что может быть необычного в том, чтобы прокатиться по заброшенному пути?

Проводник загадочно хмыкнул и промолчал. Прибыв на место отправления, адреналинщики быстро забрались в вагонетку. Егор ещё раз критически оглядел всю троицу и встал у пульта. Вагончик медленно тронулся.

Пока всё работало по плану и Егор успокоился. Километра три можно спокойно рулить по штольне. Ребята казались адекватными, судя по их умело скрываемому восторгу от первых впечатлений. Дальше всё зависело от удачи. Егор совершил больше десятка перевозок. Каждая из них проходила непредсказуемо и без повторов. Если эти крейзики будут держать эмоции в кулаке – всё пройдёт благополучно. А если... никто ничего не гарантирует.

Компания-перевозчик тщательно проверила новых пассажиров по своим каналам – все оторвы, побывали в разных передрягах. Что позволяло надеяться на хороший исход приключения. Да и цена, с которой троица согласилась – веский довод в пользу ещё одного подземного путешествия.

Первый километр позади. Тина смотрит на прибор управления. Он мерцает в сумраке туннеля. Всё отдалённо напоминает ей путешествие по подводным гротам, где часть пути проходила по отмелям, часть – под водой. Только видимость намного хуже, а скорость становится всё осязатее.

И дышать труднее. Стены постепенно сужаются, свод штольни не виден, но интуиция подсказывает Тинке, что и потолок становится ниже.

В густой темноте у неё начинает слегка ломить поясницу – первый признак подползающей паники. Необъяснимой, и оттого всё более ощутимой. Вагонетка грохочет и разгоняется быстрее. И ещё быстрее. Воздух сгущается, становится спёртым. Колёса гремят всё громче, вагонетка начинает легонько вибрировать на ходу. Из стороны в сторону. Скорость движения нарастает.

Теперь ветер не просто обвеивает лицо Алевтинки, но и тонко свистит в ушах. Показалось?

– Что за фак, Егор?

– Спокойно сиди, не высовывайся...

– Холодная война... И время, как вода... Он не сошёл с ума, Ты ничего не знала... – раздался дикий рёв у Тинки за спиной.

– Эй, что случилось? – заорала она в темноту.

В плотном мраке штольни послышались звуки борьбы и хохот низким басом. Вагонетка задёргалась, запрыгала из стороны в сторону. Лампочки на приборной панели лихорадочно мигали и вращались – «как милицейская сирена» – успела подумать Тинка. Упала на четвереньки на дно вагонетки.

Чьи-то сильные руки обхватили её за талию и оторвали от пола. От неожиданности Тина завизжала так высоко, что

узкие стены и потолок туннеля зазвенели в ответ, разрывая перепонки. Вцепилась в бортик. Кто-то яростно пытался выбросить её из вагонетки, которая неслась на скорости экспресса.

– Полковнику никто не пишет, – хохотала темнота густым басом Бороды.

– Полковника никто не ждёт... – вторили ему стены, потолок, рельсы и тарахтящая вагонетка.

Тинка держалась из последних сил. Она обмочилась, задыхалась, но упрямо хваталась за шершавую скобу на борту кабинки, поджав ноги, подтянув локти к груди, скрючившись как младенец в материнском чреве.

Ещё немного – и она улетит во мрак ожившего туннеля. Что-то тёплое брызнуло ей в лицо. Руки, которые остервенело пытались перекинуть её через бортик, разжались. Девушка рухнула на трясущийся пол вагончика.

– И рвутся поезда,
на тонкие слова,
он не сошёл с ума,
ты ничего не знала... – орала, свистела, подвывала чернота пространства. Внезапно она разорвалась разноцветными яркими пятнами, хохоча и икая, и Тина потеряла сознание.

Что-то мокрое и холодное грубо скользило по лицу. Кто-то похлопывал её по щекам. Алевтина завопила и раскрыла глаза.

– Ну-ну, красавица, дыши глубже, ты взволнована, – над

ней склонился Степан Шиза. Он шумно сопел и неловко протирал лицо Тины влажной салфеткой.

– Свали..., где я? – прошептала она, отмахиваясь от салфетки. С трудом села на дне вагончика, удивляясь, что горло саднит, а тело ломит от боли, словно она без тренировки влезла на вершину склона третьей категории.

– Тучочки ты. На этом свете. Чего про Бороду не скажешь... – вздохнул Шиза. – С этим ещё разгребаться, эх...

– В смысле? – подскочила Тина и застонала: руки до локтей ободраны, из дыр разодранных джинсов мелькали разбитые коленки. Степан выглядел не лучше. Глаз набух сизым, свитер порван, костяшки пальцев сбиты...

– Что. Случилось?! – выдохнула пострадавшая.

– Всадники, – Егор устало тёр лицо подрагивающими ладонями. – Там в туннеле... есть перекрёстки... Они активизируются от любых мощных эмоций. Вселяются в того, кто так реагирует. И творят, что захотят.

– Борода прям разошёлся. Ну и... всадник подсел. Тебя хотел выбросить из вагона. Пришлось вмешаться... – тоскливо закончил Степан.

– Пиз... шите теперь письма полковнику, – ахнула Тинка. – Спасибо, Ши... Стёп. Мне этого адреналина на всю жизнь хватит...

Егор сидел, склонившись над телом Грини, и нащупывал жилку на шее. К тому времени они со Степаном уже вытащили его из вагончика на ровную поверхность и уложили

на куртку. Лоб проводника дрогнул и расправился от морщин:

– Есть пульс, есть! Крепкий, гад, теперь бы головой не тронулся! Всадника перевезти – это вам не на прогулочку в горы скататься. Эт вам... Я говорю... – Егор коротко вдохнул открытым ртом, сглотнул и осёкся на полуслове. Его глаза остекленели, заблестели металлом.

Пошатываясь, проводник поднялся. С силой отбросил открытую аптечку. Её содержимое рассыпалось по площадке рядом с вагонеткой.

Как сомнамбула, Егор зашагал в туннель и скрылся в густой темноте.

Мани-мани

Ольга Шуравина (ник в инстаграме @ololo.optimist)

Почти шестиклассница Лёлька приехала с родителями на море. В Геленджик. Уже не в первый раз.

Хоть родители-инженеры жили и скромно, но к отпуску на отдых на юге скопить удавалось. Город манил спокойствием живописной бухты и огромными пляжами, где хватало места всем.

Разместились у прежних хозяев, привычной дорогой вышли к морю. Вот хорошо знакомый пирс, ресторан «Прибой»... Но что-то неуловимо изменилось. От привычного пейзажа веяло ненашенским. Если бы почти шестиклассница знала тогда слово «буржуазный», она его и употребила. Но Лёлька не знала и сформулировать свои ощущения не умела.

Чуть в стороне от пирса стоял небольшой ларёк. Оттуда доносились звуки сладчайшей, как показалось Лёльке, музыки.

Ещё жив был Высоцкий и оставался ровно год до полёта на шариках ласкового Миши, но потихоньку, по одному лопались ремешки, крепко державшие советскую страну в стабильном и скучноватом мире развитого социализма. То здесь, то там прорастали семена иной культуры. Политиче-

ски незрелая Лёлька встречала их с распростёртой душой.

Проходя мимо, она каждый раз залипала у чудесного ларька, а потом целый квартал бежала, догоняя родителей.

Эта волшебная музыка играла чаще других. Сначала высокие ноты фортепиано, потом, как жужжание пчелы, нарастающая волна проигрыша и, наконец, хрипловатые женские голоса.

Тогда Лёлька не понимала, о чём они поют. Ну нет, «мани-мани-мани» перевести могла, конечно. Но недоумевала. Что можно спеть о деньгах? У нас пели о красивой и смелой, что дорогу перешла, надежде, оленях утром ранним... О трагическом Арлекино, наконец, о девчонках, на которых мы больше не глядим. Даже полулегальный Высоцкий пел про жирафа с антилопой и переселение душ. Про деньги – молчок. Тухлая тема какая-то...

Но мелодия! Она уносила Лёльку в неведомые миры, вызвала неясное томление и робкие догадки о существовании другой, не похожей на нашу, жизни.

А не по-советски предприимчивый Геленджик жил нашей. Все сдавали жильё. На пляжах делали бизнес торговцы кукурузой и вафлями с кремом «по всей длине». Бойкие сувенирщики предлагали пахнущих лаком крабиков и рапан с надписью «Привет из Геленджика!» Лёлькина семья отдала должное всему. По одному разу – попробовать. Каждый день есть эту кукурузу – разоришься. Да и не особо хотелось.

А вот пепси-колы – хотелось! Она ворвалась в советский

быт метеором: яркая этикетка, изящные стеклянные бутылочки, ни с чем не сравнимый вкус коричневой пенистой жидкости.

– Шампунь! – сказала мама.

– Ничего не понимает, – подумала Лелька.

Они отправлялись на морскую экскурсию к скале «Парус». Ловкий папка где-то отхватил пепси, и теперь Лелька стояла на палубе теплоходика с вожаденной бутылочкой в руке. Ветер трепал волосы, а из радиорубки неслась сладкая «Мани-мани»... В памяти всплыло недавно услышанное слово – «кайф». Запечатлеть бы себя – юную, стройную, загорелую, с пепси-колой, но... Фотоаппарат с чёрно-белой плёнкой лежал в сумке, боясь спугнуть момент, Лелька за папой не побежала.

Теплоход отчалил, экскурсия началась. Музыка приглушили. Кайф ополовинился. Но напиток богов был с Лелькой. Она отпивала его крохотными глоточками, чтоб хватило до возвращения, краем уха слушая про фауну Чёрного моря и горные породы окрестных хребтов.

На обратном пути гид итссяк. «Мани-мани» загремела снова, на донышке ещё плескалась волшебная жидкость. Вдруг совсем рядом с Лелькой из воды торпедой вылетел дельфин. Он шлёпнулся обратно в воду, как будто поставил жирную точку в конце фразы «Счастье – есть», которая крутилась в её голове. Даже восклицательный знак.

Через неделю пришло время возвращаться домой. Лель-

ка прижимала к груди своё главное сокровище – записанную за рубль в заветном ларьке гибкую пластинку с видом курорта. Положить её в чемодан она отказалась и не могла дожидаться возвращения, чтобы целыми днями слушать любимую песню.

Автобус, поезд, пересадка в Москве. Пластинку спёрли со столика в плацкартном вагоне. Из пяти бутылочек пепси, которые везли на гостинцы, три до дома не доехали, залив вещи шипучей амброзией. Но то лето запомнилось Лёльке как одно из самых счастливых в детстве.

Уже взрослой, слыша «Мани-мани», она будто возвращалась в Геленджик своего детства и снова мчалась по волнам, догоняя дельфина, с пепси-колой в руке.

21.03.2021

Самоизоляция в Ярославле

Ирина Ломакина (ник в инстаграм @etoirina62)

Наступил апрель 2020. В нашу страну пришёл коронавирус. Когда-нибудь это всё станет историей, но пока люди оказались лицом к лицу с неизвестным врагом, врагом невидимым, что вдвойне страшно. Говорят, что после Чернобыльской аварии, также было с радиацией. Но она – противник более-менее знакомый. А пандемия – это страшно. Не было лекарств, вакцин, бесконечные вереницы «скорых» мчались по полупустым проспектам. Статистика удручала. Каждый день всё больше людей заболело, каждый день – умершие. Правительство решило отправить целые рабочие коллективы на удалёнку.

Я работала редактором в издательстве, на мою работу это сильно не повлияло. Если уж быть честной, то мне самоизоляция понравилась. Не надо рано вставать, толкаться в московских пробках. Я хорошо высыпалась. Гуляла, в основном, на балконе. Окна моей квартиры выходят в зелёный двор. Машин почти нет – у нас подземная парковка, во дворе много деревьев, клумб, большая детская площадка. Заметила, что цвет лица стал здоровее. Нет худа без добра. А может быть сказывается то, что, сидя дома, я почти не пользуюсь декоративной косметикой? У нас в издательстве есть дамы, которые это безобразие себе позволяют регулярно. Но им уже за пятьдесят. В свои тридцать пять я не могу себе этого позволить. Приходится ежедневно наводить марафет.

Я успевала сделать всю редакционную работу. И даже начала писать роман-автобиографию о своём детстве и юности.

Писался он легко и радостно.

Наш шеф Александр Иосифович проводил онлайн-планёрки. Дела потихоньку шли. Но однажды в пятницу мы не узнали своего начальника. В тот день в режиме видеоконференции в ZOOM он не скрывал своей тревоги, рекомендовал нам всем срочно покинуть Москву.

– Пандемия – это не шуточки. В огромном мегаполисе шанс заразиться больше. Советую на время уехать, тем более что характер нашей работы позволяет большинству из вас работать удалённо. На дачные участки, в деревню к родственникам! Настоятельно всем рекомендую, – сказал он.

– В деревню, к тётке, в глушь, в Саратов! – дурашливо пропел Сева Игнатьев.

– Не смешно, – сказал Иосифович и завершил видеоконференцию.

Позднее мы выяснили причину паники шефа: его любимая свояченица попала в реанимацию в тяжёлом состоянии, её подключили к аппарату ИВЛ. Ей еле-еле удалось выкарабкаться, хотя это молодая и сильная женщина, не достигшая сорока лет.

Я подумала о том, куда можно поехать. Родительская трёхкомнатная квартира в Смоленске, как и дача в Попов-

ке, мною проданы и превратились в однушку, в которой я живу. И то пришлось доплачивать. Зато столица! Я вздохнула, вспомнила эпизод из рязановского «Гаража», где герой Буркова за машину «родину продал». Почувствовала себя изменщицей, предавшей атмосферу детства, семейные ценности. Стоило ли оно того? Так ли радует меня столичная жизнь?

Мысль поехать к подруге детства Светке мелькнула и ушла. Светка месяц назад вышла замуж. Я бы была в доме молодожёнов пятым колесом в телеге.

Осталось единственное место, куда можно податься: Ярославль. Там раньше жила моя тётушка Таисия – единственный родной человек, бывший мне самым близким в последние семь лет, после смерти родителей. Тётя Тая умерла девять месяцев назад. Она была незамужней и бездетной, и оставила мне в наследство двухкомнатную квартиру в Ярославле, в микрорайоне Брагино, в панельной пятиэтажке на проспекте Дзержинского. После смерти тётушки я ездила в Ярославль дважды: на похороны и когда вступала в наследство.

***#

До Ярославля доехала за три часа, без пробок. На подъезде к городу поддалась неожиданному порыву. Остановилась на лугу, где зеленела трава и обильно цвели одуванчики. Вышла из машины, вдохнула всей грудью свежий весенний воз-

дух. Без маски! Я одна – и нет никакого ковида! Почувствовала себя ребёнком, нарвала одуванчиков, сплела веноч, надела на голову. Верилось, что всё наладится.

На посту ГИБДД меня остановили, проверили документы. Гибддэшник пялился на веноч на моей голове, пришлось его снять, положить на переднее сиденье рядом с собой.

В тётинной квартире изначально почувствовала себя неловко. Тут кругом вещи Таисии, остро ощущается отсутствие хозяйки. Однако, мне придётся провести здесь несколько недель, хочу я этого или нет. Почувствовав зверский голод, я вышла в ближайший магазин за продуктами. Хотелось забыть о плохом, поэтому, кроме мяса и фруктов, я купила мороженое и торт «Чародейка».

Вкусно поужинав, я раскрыла детектив Агаты Кристи, который читала в детстве, но совсем не помнила. За стеной громко звучала музыка: «Полковнику никто не пишет...» Вообще-то, я хорошо отношусь к творчеству группы «БИ-2». И песня эта мне тоже, в принципе, нравится. Но мой сосед включал её снова и снова. На пятом проигрывании она меня стала раздражать. После седьмого вызвала ненависть.

Я ушла в дальнюю комнату, стала разглядывать фотографии. В тётушкином альбоме было очень много меня. Вот я – младенец, вот – трёхлетняя, рассказываю стихи Деду Морозу. Первоклашка и выпускница, а вот моя свадьба... Когда

мы расстались с Мишкой, я свадебные фотографии в сердцах порвала. А сейчас я рада тому, что у Таи они сохранились. Когда-то мы с Мишкой так любили друг друга. Прогнав воспоминания, я провалилась в сон, как в омут, но, засыпая, слышала навязчивое: «Полковнику никто не пишет...»

Проснулась рано – в пять часов. Раскрыла ноутбук, начала следующую главу романа. Мои мысли плавно вытекали на страницы рукописи. За час напечатала четыре страницы. Я привыкла так работать: если идёт поток, то без перерыва печатаю, а редактирую назавтра или даже неделю спустя. В шесть часов поток резко прекратился. За стеной громко прозвучало:

«Большие города, пустые поезда,
Ни берега, ни дна, всё начать сначала...»

Слова песни оказались созвучны моим мыслям. В восемь включила новости. Показывали Москву. Пустые, безлюдные улицы. Вечер на Патриарших – тоже безлюдный, сквер с одинокими собачниками. Меня добил вид обычно оживлённого шоссе, на котором нет машин, прогуливаются одинокие птицы, чувствуя себя полноправными хозяевами. Не оставляло чувство нереальности происходящего, как будто я смотрела фантастический фильм. Подумалось о том, что если люди вдруг исчезнут, то ничего не изменится. Будет светить солнце, дуть ветер, волны будут плескаться о берег...

В десять утра я снова услышала: «Полковнику никто не пишет...» Вспомнилось, какое большое впечатление про-

извела на меня несколько лет одноимённая книга Маркеса. Но если я буду без конца слышать эту музыку, то скоро мне захочется от неё повеситься. Я вышла на балкон. На соседнем курил мужчина из той самой квартиры, откуда доносилась песня.

– Здравствуйте! – громко сказала я. – Не могли ли бы вы слушать вашу музыку в наушниках?

Мужчина посмотрел на меня. Взгляд у него был странный. Он смотрел словно сквозь меня, думая о своём. «А он симпатичный», – подумала я невольно. Каштановые волосы с заметной сединой на висках. Глаза красивые, орехового цвета, но какие-то больные, печальные.

Я вспомнила, что забыла купить кофе и яйца, вышла в магазин. На обратном пути встретила Анну Семёновну, соседку Таисии. Та обрадовалась мне, как родной:

– Сашенька, девочка, умница, что приехала. Я так скучаю без Таисии, так тоскую.

Я спросила Анну Семёновну о нашем соседе. Она рассказала, что зовут его Сергей, он военный, служил в горячей точке. Его комиссовали по ранению. Работы нет, жена ушла, и с дочкой ему видаться не даёт, хочет, чтобы девочка к отчиму привыкала.

Войдя в квартиру, я обрадовалась: неужели сосед выключил свою музыку? Прислушавшись, поняла: просто убавил звук.

Сегодня воскресенье, я решила не работать, а прогуляться по центру города. Оказалось, что музеи закрыты. Я перекрестилась на храм, хотела зайти поставить свечку, но он оказался закрыт, и это накануне пасхи. Ощущение конца света.

На набережной я не увидела ни одного теплохода. Не смогла припомнить, когда такое было. Вышла к стрелке. Внизу располагалась клумба, на которой из растений выложена эмблема города – медведь с секирой. И цифры: 1010, количество лет, прошедшее с момента основания города. Вспомнилось, как в детстве я видела здесь цифры 983, 987. Странная магия цифр. 1010 лет городу. И в 1010 году он основан. Станный год – 2020. Должен быть счастливым, по идее. Вспомнилось, как в детстве ели счастливые билетки. А 2020 косит людей направо и налево. Много умерших, особенно в Италии и Испании. Многим кажется, что это последний год в истории человечества.

Я подошла к пристани и поняла, что речные трамвайчики ходят. Купила билет, устроилась на палубе. С Волги дул свежий ветерок, верилось, что всё наладится. Людей на борту оказалось всего человек десять. Приглядевшись, в одном из пассажиров речного трамвайчика я узнала своего соседа, Сергея, любителя «БИ-2». С ним была русоволосая девочка лет десяти. Она что-то увлечённо рассказывала, дёргая его за рукав: «Пап, а потом знаешь, что было?» При взгляде на девочку у меня замерло сердце. Моей дочке тоже мог-

ло бы быть столько же.

Ночью мне приснился мой сосед с ореховыми глазами, его дочь, даже во сне я слышала: «Полковнику никто не пишет...»

Проснулась я бодрой, с твёрдым убеждением, что самоизоляция в Ярославле обязательно принесёт мне что-то хорошее. И уверенно начала печатать продолжение своего романа.

Работа на удалёнке занимала у меня не более четырёх часов в день. Роману я посвящала ещё часа три-четыре. Писала о своём детстве, вспоминалось интересное и смешное, всплывали такие мелкие подробности, которые я считала давно забытыми. Я словно вернулась во времена секретиков, «вышибал» и «казаков-разбойников». В провинции, где я росла, были популярны игры наших мам и пап. А также Барби, и тамагочи.

При написании романа я столкнулась с одной трудностью. Как писать о других людях – называть реальные имена или делать моих знакомых прототипами героев книги? Что касается друзей детства, то думаю, что они вряд ли возражали бы, чтобы их упомянули в книге. Но вот что делать с соседями, учителями? Ведь они предстанут на страницах книги не всегда в положительном свете. И посоветоваться не с кем.

Я хотела уже выключить ноутбук, но решила побродить по художественным сайтам, познакомиться с работами известных российских художников. Вообще-то, я сторонник

реализма в изобразительном искусстве. Но о сюрреалистическую картину Вадима Долинского я споткнулась. Хотелось смотреть на неё ещё и ещё.

Художник изобразил мастера – Густава Климта, используя фрагменты его картин. На мой дилетантский взгляд получилось замечательно. При взгляде на картину представился мой бывший муж, Мишка. Кобель ведь из кобелей! В голове у него – одна прекрасная дама, в сердце – другая, в других органах – третья, четвёртая, пятая... Потому я с ним и рассталась. Бабник из бабников. Романы крутил нередко, а непродолжительные интрижки – просто на каждом повороте. С соседкой Миланой, коллегой Дианой... Зубы пошёл лечить – закрутил со стоматологом. Журналистка у него интервью брала, так и с ней переспал.

Я этого терпеть не стала, я же себя не на помойке нашла. Подала на развод, а он кричал: «Сашка, ты – дура! Люблю-то я только тебя!»

Но я выросла на хороших книжках и положительных примерах. Мама с папой прожили вместе в любви и верности, отпущенные им судьбой тридцать лет, а дедушка с бабушкой – все шестьдесят. Жить с человеком, принёсшим в дом грязь, я не могла. При мыслях о Мишке-предателе в голове зазвучала песня группы «Дюна»: «Наш Борька – бабник, и Вовка – бабник, Серёга тоже бабник хоть куда. А кто не бабник, а кто не бабник? Да тот, кто женщины не видел никогда».

Я даже нашла эту песню в компе, включила на всю гром-

кость, когда готовила ужин. Прослушала другие песни «Дюны», их любил папа, стала подпевать. Включила «Любэ». «Ребята с нашего двора» вызвала чувство ностальгии, новую волну воспоминаний.

Быстренько умяла стейк и салат, запив парюю бокалов хорошего вина, я немного приободрилась. Мелькнула крамольная мысль: «Александра, ты начинаешь выпивать в одиночку?»

«Кто это такой дерзкий? Внутренний голос? Молчи уже, на фиг!» Всё я понимаю, злоупотреблять алкоголем не собираюсь. Желание выпить посещает меня всего лишь пару раз в месяц. А что в одиночку, так самоизоляция ведь.

Обычно от спиртного меня тянет в сон, а тут я в бодром темпе напечатала восемь страниц текста. Перечитала написанное, довольно заулыбалась, наградила себя чашкой любимого кофе и кусочком начатой вчера шоколадки.

За стеной вновь зазвучало: «Полковнику никто не пишет...»

Я опять вывела на экран зацепившую меня картину Вадима Долинского, тщательно рассматривала каждую деталь. Пришли мысли о соседе. Интересно, в каком месте его тела находится бывшая жена? И захотелось вдруг, чтобы и я была хоть какой-то частью, винтиком в его организме. Вспомнились его ореховые глаза и чувственные губы, скрытые обычно под медицинской маской. Я успела рассмотреть их в те моменты, когда он курил на соседнем балконе.

Я сама не курю, но запах его сигарет меня не раздражает, даже наоборот, будоражит. И взгляд его тоже будоражит...

Я заказала на «Озоне» семена цветов, посадила в балконные ящики ещё и лук, укроп и петрушку. Натуральное, блин хозяйство. Скоро и хлеб самой печь придётся, и козу с курами содержать на балконе?

А дальше тридцатипятилетняя Саша начала себя вести как одиннадцатилетняя. Выходить на балкон по нескольку раз в день, поливать чахлые росточки. Чахлые все, хотя и прикрыты плёнкой. Только лук выглядит бодрячком. Бегаю по нескольку раз в день по балкону с цветочной леечкой, прислушиваюсь к скрипам балконной двери соседа, стараюсь, чтобы мои агротехнические вылазки совпали с его перекурами.

Это напоминает мне мой пятый класс, когда я, одиннадцатилетняя, выходила в школу утром на полчаса раньше, а всё ради того, чтобы «случайно» повстречать мальчика из соседней школы, принца, занимавшего тогда все мои девичьи мечты. Кстати, его тоже звали Серёжей. Ого, какой мощный поток воспоминаний пошёл!

«Скорее за комп, Александра! Тебя ждут великие дела!»

Вчера созвонилась с Кирой, самым близким мне человеком в редакции. Она сказала, что сидит у родителей в тульской деревушке, там и интернета-то нет. Отправляет сделанную работу по электронной почте. Телефонная связь в деревушке тоже с перебоями. Для того чтобы со мной нормально поговорить, выехала в райцентр.

Кира пишет детскую повесть. Говорит, что работа идёт медленно. Удивилась, что я пишу то пять, то семь, то восемь страниц в день.

Когда мы это обсуждали, то я услышала в её голосе нотки недоверия. Мало кто поверит, что я столько пишу. Но дело в том, что когда поток идёт – надо его ловить.

Другой вопрос: когда я начну редактировать, то многое придётся выбросить, поменять местами, переписать заново... Любой пишущий человек знает, что написать книгу гораздо легче, чем её отредактировать.

Зато по работе Кире повезло. Ей удалось найти молодого

го интересного автора. Она так восхищалась книгой этого Егора! Фэнтези, прямо-таки огромный новый мир, с продуманным сеттингом, интересными героями и неизбитым сюжетом. Автор согласился на Кирины правки трёх глав, они будут вместе доводить книгу до ума. Подруга моя в восторге, говорит, что это будет бестселлер.

Я почувствовала, что соскучилась по общению с Кирой, и вообще по своим коллегам. От одиночества хотелось волком выть. В Москве я регулярно ходила в тренажёрку. Железо не таскала, люблю велотренажёр, упражнения на растяжку, беговую дорожку. И в бассейн хочу, на аквааэробику! А ведь раньше я ныла, что вода в бассейне мне кожу сушит. Вот поистине «что имеем – не храним, потеряем – плачем».

Утром встала ни свет, ни заря и отправилась на пробежку. Днём нельзя появляться на улице. Можно лишь выходить за продуктами в ближайший магазин. Ещё собачникам можно своих питомцев выгуливать. Следующее поколение вряд ли поймёт популярный анекдот 2020 года: «В нашем подъезде всего три собаки. Каждая из них сегодня гуляла по шестьдесят раз». Нарушителей режима самоизоляции задерживали и штрафовали.

На пробежку я надела красно-белый спортивный костюм олимпийской сборной России, их нам с Кирой достал по случаю коллега. Понадеялась, что если меня остановят, то от-

пустят, приняв за надежду России. Выгляжу я моложе своих лет, вполне могу сойти за надежду.

Давно я не получала такого удовольствия от нахождения на улице. Бежала по бульвару, вдыхая полной грудью свежий воздух. Пахло черёмухой, не ощущалось никакой опасности. Бежала, ощущая себя Форрестом Гампом. Знала, что мне нужно бежать непонятно зачем. Одинокие собачники жались к своим подъездам. Машин очень мало. Меня охватило ощущение нереальности происходящего.

Свернув в соседний двор, я очень удивилась. Здесь шли съёмки какого-то фильма. Казалось нереальным, что во времена пандемии кто-то снимает кино. Парень в фильме убегал от погони, полицейские его преследовали, мне почему-то вспомнился фильм «Брат-2». «В чём сила, брат?» Мне стало радостно оттого, что в это нелёгкое время снимается кино. Это обнадеживало, давало веру в то, что всё обязательно наладится.

Возвращалась домой по бульвару. У подъезда столкнулась нос к носу с Сергеем. Он, как и я, возвращался с пробежки. На лбу у него блестели капельки пота. Выглядел довольным. Надо же, кто бы мог подумать, что я встречу его в такой ранний час.

– Доброе утро, – сказала я.

– Доброе, – ответил он.

На улице не было ни души. Казалось, что во Вселенной нас только двое. Ой, нет, трое. У ног Сергея раздался писк,

в его кроссовок тыкалось мордочкой маленькое, взъерошенное чудо – беспородный щенок. Сергей взял его на руки. Он был грязный и, судя по всему, голодный.

Втроём мы прошли к лифту. Малыш дрожал и прижимался к груди Сергея.

– У вас есть молоко? – спросил сосед, когда мы вышли на нашем этаже.

– Кажется, оставалось немного, – ответила я.

Я приняла пятиминутный душ, надела чистую футболку, домашние шорты, слегка подогрела молоко и позвонила в соседнюю дверь. Сергей встретил меня в той же одежде, в которой был на пробежке. В руках держал щенка, вымытого и завёрнутого в мохнатое полотенце салатного цвета. Он, явно напуганный купанием, вырывался из рук Сергея.

Оказавшись на полу, слегка отряхнулся и начал носиться по квартире. Сергей поймал его и, смочив молоком палец, дал щенку лизнуть. Тот понял, начал быстро прихлёбывать из мисочки молоко. Насытившись, убежал в комнату.

В приоткрытую дверь мы увидели, что он спрятался под диван и выглядывал оттуда. Во взгляде скользило недоверие. Видно, на улице ему встречались разные люди.

Я не хотела уходить и не могла найти повод остаться. Тут у Сергея зазвонил телефон. Обычный, стационарный, простой, не навороченный, серого цвета, с проводами. Сергей взял трубку.

– Да, Настенька... А что стряслось? А температура какая?

Не переживай, отметим позже... Да-да... Обязательно... По-
правляйся, милая.

Сергей положил трубку. Лицо его было печальным.

– Дочка? – спросила я.

– Да, заболела. Тридцать семь и два. А вдруг это ковид?

– Ну, это же не тридцать девять. Всё будет хорошо.

Я ещё немного помялась на пороге, потом невпопад ска-
зала:

– Да, жалко, что парад в этом году перенесли. Всё-таки
семидесятипятилетие Победы.

Я решила, что они с дочкой говорили об этом празднике.
Сергей посмотрел на меня внимательно, улыбнулся грустной
улыбкой.

– Да, парад тоже жалко.

– Тоже? А что ещё?

– У меня сегодня день рождения. Жена обещала привезти
дочку и вот, всё сорвалось.

– Мне очень жаль, – сказала я.

– Вас как зовут? – спросил он.

– Александра, – представилась я и протянула руку.

Сергей пожал её, задержал в своей.

– Спасибо, Саша, за сочувствие и за молоко, – сказал он.

Я вернулась к себе. Сегодня воскресенье, можно не ра-
ботать. Я села за роман. Поток не шёл. В несколько подхо-

дов я напечатала полторы странички. За стеной раздавалось, уже ставшее привычным: «Полковнику никто не пишет»... Но сегодня эта музыка меня не раздражала.

Я подумала о человеке, вынужденном праздновать день рождения в одиночку. Пошла на кухню и стала готовить шарлотку. Это единственное, что я умею печь. Делаю её не с сахаром, а со сгущёнкой. Яйца, сгущёнка, разрыхлитель, мука, яблоки очистить и нарезать – всё просто.

В семнадцать часов я надела симпатичный сарафан в горошек, взяла пирог и вновь позвонила в соседнюю дверь.

Сергей мне обрадовался. Я вручила ему двухтомник воспоминаний о войне, найденный в книжном шкафу тёти Таи и шарлотку.

– С днём рождения, – сказала я.

Он пригласил меня войти. На кухонном столе стояло блюдо с запечённой в духовке рыбой, дымилась картошечка с маслом, посыпанная укропом, стояли тарелочки с оливками, нарезанным сыром, огурцами, помидорами и болгарским перцем, хорошее вино. Белое, как я люблю. Сергей разлил его в бокалы.

– С днём рождения, – сказала я чокаясь.

Пожелала соседу здоровья, счастья, чаще видеть дочь, найти своё место в гражданской жизни. Выпили больше – язык у этого обычно сдержанного мужчины развязался. И он

начал изливать мне душу.

Говорил о том, как воюя в одной из дружественных нам восточных стран, мечтал вернуться домой, к жене и дочери. Рассказал, как вернулся, а выяснилось, что ждала его только Настенька. Жена нашла ему замену – мужичка небедного, а главное – такого, который постоянно с нею рядом. Как сначала испытывал боль, особенно сильную оттого, что ведь не с прогулки вернулся, а с войны.

Прошло почти полгода прежде, чем он смог принять то, что если не дождалась – значит, не любила. Сейчас он благодарен жене за всё лучшее, что в их жизни, за Настеньку. Рассуждал как старик, как сторонний наблюдатель: «Она ж молодая женщина, конечно, без ласки трудно». Но в глазах его таилась невысказанная боль, которую он лишь пытался замаскировать красивыми и правильными словами. Глаза отражали больную душу.

Я слушала молча, боясь прервать поток откровения. Испытывала двойственные чувства. С одной стороны, мне приятно, что Сергей со мной общается как с другом. Или даже как с психологом. С другой – когда я смотрела в его ореховые глаза, любовалась густыми волосами с лёгкой проседью на висках, мне хотелось быть для него не другом, не психологом. Хотелось стать его любимой женщиной. Единственной, необходимой.

Он говорил о том, что телесные раны смог залечить, а вот нормальной работы найти не удаётся. Забирал как-то На-

стеньку из школы. На посту охраны сидела семидесятилетняя бабуля. Как она сможет защитить детей, если вдруг террористы? Но понимал, что работа в охране не для него, хотя ему неоднократно предлагали места в охране офисов и торговых центров. Сам не понимал толком, чем хотел бы заниматься.

Играла тихая музыка, мы немного потанцевали. Мне хотелось, чтобы он меня поцеловал. Если быть до конца честной, то я и к большему готова. Но поняла, что если между нами что-то и произойдёт, то не сегодня.

Весь следующий день я думала о Сергее. Как наяву ощущала запах его парфюма и сигарет, запах его кожи. Просто наваждение. Я вновь чувствовала сильные руки на своей талии. Мне нравилась лёгкая небритость Сергея, хотя когда я вижу по телевизору, например, ведущего Андрея Малахова, то мне всегда хочется его побрить. Хотя как ведущий он мне очень даже нравится.

Не работалось и не писалось. В растрёпанных и рассеянных чувствах я лазила в интернете, разглядывая достопримечательности разных городов, мечтая о том, куда я полечу, когда пандемия закончится. Я не слишком люблю пляжный отдых, тюленьё валяние на берегу. Мне гораздо ближе музеи и картинные галереи. Ещё я люблю многокилометровые пробежки по городам пешком. Без группы туристов, в одиночку. Мой бывший муж как-то произнёс по отношению ко мне: «Для бешеной собаки семь вёрст не крюк». Разве так

говорят о любимой женщине?

Впрочем, теперь мне ясно, что Мишка меня никогда не любил. Для него это был лишь спортивный интерес. Женщины в его руки падали гроздьями, он ведь неотразимый красавец. А во мне его привлекло то, что меня пришлось добиваться. Да ещё и соревноваться при этом со своим другом Виталиком. С ним они учились вместе в школе и дружили с первого класса. Когда за мной стал ухаживать Виталий, тут и у Мишки проснулся ко мне бешеный интерес.

Кстати, Виталик живёт хорошо. Коренной москвич, он уехал в деревню, завёл фермерское хозяйство. Весьма успешно продаёт яйца, молоко, творог, сметану, сыры какие-то необычные, с пряностями. У него трое детей, с женой они хорошо живут, дружно.

«Эх, дура ты, Сашка! Надо было Виталика выбирать. Каталась бы как сыр в масле. Сидела бы на свежем воздухе, писала свои книжечки, питаюсь натурпродуктами. Хотя... его жена вроде сама за скотиной ухаживает».

В молчаливой задумчивости бродила я по туристическим сайтам. Я никогда не знаю, что меня зацепит или «торкнет», или «вштырит», как выражался мой бывший...

Так случилось и на этот раз. «Рваные» скульптуры Бруно Каталано. Меня словно током шарахнуло. Мужчины и женщины с чемоданом или саквояжем в руках, руками, ногами и почти напрочь отсутствующим туловищем.

«Les Voyageurs» («Путешественники») – серия работ. Что

он хотел сказать, этот французский скульптор итальянского происхождения? Я начала подробнее читать об этом. Многие думают, что в своих скульптурах автор показал эмигрантов, тоскующих по Родине. Кто-то считает, что пустота символизирует отсутствие внутреннего дома, кто-то – наоборот, что путешественники открыты к новым впечатлениям, впитывают их, как губка.

Я рассматривала эти необычные скульптуры, поражаясь тому, как можно до такого додуматься и осуществить технически. Ведь полнейшая асимметрия, а стоят прочно.

Особенно зацепила меня одна. Говорят, скульптор в ней изобразил Ван Гога. Стоит эта скульптура в деревушке Сен-Поль-де-Ванс, на Лазурном берегу. Вот куда я обязательно поеду, когда пандемия закончится. Скульптура переносная, её устанавливают то на тихой улочке, то на площади, то на морском берегу. Я всё больше вглядывалась в эту скульптуру, и видела в ней не Ван Гога. Моего соседа Сергея – вот кого напоминала эта неприкаянная фигура. Стало тоскливо оттого, что сильный человек, выполнявший приказы там, куда его посылали, верный присяге, оказался не у дел. Нет, в материальном смысле его не обидели. Пенсию назначили приличную, он не бедствует. Но то, что нестарый ещё мужчина не может найти себе применения в мирной жизни, показалось мне несправедливым.

И мне мучительно захотелось заполнить все пустоты в его душе и жизни, как-то способствовать адаптации к мирной

жизни.

«И даже неважно, будем ли мы вместе как мужчина и женщина, как пара, чисто по-человечески», – убеждала я себя.

«Ой, себе-то не ври, Сашка! Именно как пара. Ты ведь очень хочешь стать его женщиной, не так ли?» – отвечал мне внутренний голос. Так-то так. Только ни за что в этом не признаюсь. Никому. Даже себе. А уж ему – тем более.

Мои размышления прервал звонок от шефа.

– Александра, новости смотришь? Президентом и правительством принято решение о смягчении режима самоизоляции. Возвращаемся в Москву. В понедельник жду на рабочем месте.

«Господи, за что мне это? Не хочу, не хочу, не хочу уезжать!»

Я собирала вещи. Позвонила в дверь Сергея, чтобы попрощаться. Его дома не застала. Поняла, что номерами телефонов мы с ним не успели обменяться. Ещё несколько раз звонила в соседнюю дверь, но Сергей так и не вернулся. Я пыталась посылать ему мысленно импульсы:

«Вернись домой, вернись!»

Но безуспешно. Так и уехала, не попрощавшись.

Москва удивила непривычной безлюдностью. И людей,

и машин на улицах мало.

Дома было относительно чисто, хотя я отсутствовала почти полтора месяца. Вытерла пыль, вымыла окна и полы. Давно уже работа по дому не приносила мне такого удовлетворения. Перед походом в супермаркет сварила кофе. С наслаждением вдыхала любимый аромат, уютно устроившись в любимом кресле. Ощутила радость от возвращения домой.

После ужина зависла в соцсетях. Одна мысль настойчиво сверлила мне мозг: Сергей. Сначала она колола виски тонкой иглолочкой, потом превратилась в самую толстую иглу от бор-машины, ну той, что стоят в кабинетах стоматологов.

Попыталась найти в инстаграме Сергея. Благодаря болтливости ярославской соседки моей тёти Таи – Анны Семёновны, я знаю его фамилию, довольно редкую. В инстаграме, где я бываю чаще всего, по фамилии его найти не удалось. Хотя кто знает – он здесь, может быть, какой-нибудь @polkovniku_nikto_nepichet? Засыпая, думала о том, что надо поискать его в других соцсетях.

Московская жизнь закружила, затянула, словно огромный водоворот. Первая планёрка повергла в шок. Шеф был рад нас всех видеть, но почему-то прятал глаза. Смотрел секунду на нас, переводил взгляд на дверь, окно, лампочки на навесном потолке, кактусы, разведённые в его кабинете делопроизводителем Алёной. Александр Иосифович обводил

мизинцем правой руки рисунок дерева на своём столе – пластик он не любил. Вид имел весьма обескураженный.

Всё выяснилось, когда он предоставил слово своему заму Иосифу Шейману. Фамилию последнего персонажа всем в нашей редакции хотелось произнести по-другому: Шельман. Внешне Иосиф напоминает знаменитого продюсера – своего тёзку. Он невысокого роста, лысый, похож на похудевшего Шрека. Глаза хитроватые, голос вкрадчивый, общее впечатление от Аркадия: если он встретит человека семи пядей во лбу, то и такого объегорит.

Когда он начал вещать, все сразу поняли, почему Александр Иосифович вёл себя так необычно. Дело в том, что до коронавируса шеф настаивал на честности в отношениях с нашими авторами. Он говорил, что сотрудничество должно быть взаимовыгодным.

«Талант не должен быть голодным, – заявлял он тогда, – он должен заработать на кусок хлеба с маслом, да ещё и с икрой. Если он живёт в приличных условиях, имеет хорошую машину, обеспечивает лучшее образование своим детям, ездит отдыхать туда, куда хочет, а не туда, на что хватает денег, то он и шедевр родит нам в срок».

Не все с ним соглашались. Мировая литература знает множество примеров, когда бестселлеры написали авторы, находящиеся в весьма стеснённых условиях. Начиная с множества российских писателей XIX века, с трудом сводивших концы с концами, неделями питавшихся лишь хлебом и ча-

ем, творивших в тёмных и сырых каморках, в углах, покрытых плесенью, и до Джоан Роулинг, например. Она писала свои книги о Гарри Поттере в кафе, потому что у неё не было денег на то, чтобы оплачивать отопление своего скромного жилья.

Иосиф Шейман начал по-другому.

«Уважаемые коллеги! Жизнь заставляет нас менять политику нашего издательства. Книжные магазины закрыты, продажи упали почти до нуля. Мы должны зарабатывать! Ищем на Литресе, Ридеро, прочих ресурсах, в инстаграме, молодых, интересных авторов! Предлагаем им сотрудничество. Заключаем договоры. Никаких пунктов о выпуске бумажных книг. Права на их электронные версии должны стать нашими. И ещё мы должны создавать аудиOVERсии. Люди охотно слушают аудиокниги в машине», – излагал он новую политику издательства.

Всё больше моих коллег хмурилось.

– Но это же обман! Ни за что не буду предлагать этого Егору Л., – сказала Кира.

– Где мы возьмём столько молодых и талантливых? – спросил Сева Игнатъев.

– Где – я уже сказал, – кипятился Шейман. – Читайте больше! Я вот за две недели наметил целый список.

– И что, много накопили? – Сева всё сильнее нарывался на неприятности.

– В инстаграме: Настя Б., Наталья Л., Любовь К., Алек-

сандр Г., Александра Д., Татьяна Ж., Жанна Д., Ольга Г., Анастасия Д., Евгений М., Анастасия С. – все они должны быть нашими! – заявил Иосиф.

– Почти обо всех впервые слышу, – не унимался Сева.

– Вот, на днях ещё нашёл: Ирина Ломакина.

– Ломакина уже немолода, – Сева кого-то всё же читал.

– Бес-то-лочь! Дело не в возрасте, а в перспективности автора! Да, тётка немолода. Но перспективна-я! Слог неплох, сюжетов – море, пишет в разных жанрах, быстро, каждый день.

– Ну, уж прямо, вторая Донцова?

– Донцова – не Донцова, а работать с ней надо! – сказал Иосиф.

– Александра! Ты возглавишь новое направление! – обратился он ко мне. – Мы будем авторов обучать! Проведём платный марафон. Цену на первый раз поставим символическую. Наша задача – чтобы на удочку клюнуло как можно больше народу. А мы потом: «Бах!» Цену поднимем и будем в шоколаде. Дальше предложил мне составить план обучения, набрать лекторов из наших. Пятнадцать человек намечено задействовать на этом направлении.

Коллеги вяло возражали.

– А кому не нравится – пишите заявления об увольнении. Сокращения всё равно будут. Вы должны бороться за место под солнцем, – резюмировал зам.

Села я этот план писать. Ничего нового придумать не удалось. Всё уже было! Вот – вроде и повышение, а я не рада. Надо срочно советоваться с Алисой, Катей, Игорем – в них я вижу педагогические наклонности.

Роман тоже не писался.

Я полезла в «Вконтакте» и «Одноклассники». Сергеев с редкой фамилией нашлось сорок восемь. Но житель Ярославля, подходящий по возрасту, – только один. Ура! Рассматривала фотографии, скопировала себе несколько штук, загрузила в телефон. Пусть Сергей будет всегда со мной!

Три дня думала, что ему написать. На четвёртый родила странное: «Ты ли, чо ли? Привет!» Затем спросила про Настю – поправилась ли она. Сергей ответил быстро. Написал, что тоже искал меня, но безрезультатно. Тут я поняла, что меня, вообще-то, хрен найдёшь. Я ж везде регистрировалась без фамилии. В логинах указывала только, что я – Александра, редактор.

Сергей рассказал, что с дочкой уже всё хорошо, хотя это был явно коронавирус. Он разговаривал с девочкой по скайпу, та сказала, что перестала чувствовать запахи, смеясь, носилась по квартире, распыляя мамины французские духи, и совсем не чувствовала запахов. Понравилось, что Сергей интересовался моими московскими делами и не скрывал, что рад нашему общению.

«Саш, приезжай на выходные в Ярославль», – написал он

вскоре.

Я призадумалась. А почему бы и нет?

Я собиралась ещё несколько недель. Приехала в конце августа. У Сергея в этот день была заранее назначена встреча с дочерью. Сначала мы вместе пошли в магазин, выбрали ей для школы сарафанчик в серо-бордовую клетку, плиссированную юбку, белую блузку и новый рюкзачок с единорогом. Девочка была очень довольна покупками. Все вещи она выбрала размера 146, хотя её мама говорила про 140. «Я же расту!» Удивительная практичность для маленькой девочки.

Потом мы пошли гулять в историко-архитектурный музей-заповедник на территории бывшего Спасо-Преображенского монастыря. Я не приходила сюда несколько лет. С удовольствием посетили музеи. Насте особенно понравилась карета бывшего ярославского губернатора, действительно классная антикварная вещь, изготовленная в Париже на заказ. Только жалко, что посидеть в ней не разрешают.

Но потом мы пошли на звонницу, девочке там разрешили позвонить в колокола, то-то было восторга! Медведица Маша – символ Ярославля ей тоже понравилась. А я не люблю животных в клетках.

Но вообще на территории музея-заповедника мы чувствовали себя очень хорошо. Цвело много цветов, пахло спелыми яблоками. Продавались сувениры. Мы нашли симпатичное кафе, в котором кормили вкусно, недорого, предлагали свежую выпечку.

Мне понравилось общаться с Настей. Вечером, когда её забирал отчим, я поняла, что она и с ним ладит. Девочка смогла принять развод родителей как данность.

А потом была та ночь, лучшая в моей жизни. Проводив девочку, мы поднялись ко мне. Сергей меня поцеловал. А потом нас так закружило... Не помню, как мы оказались в постели. Но так хорошо мне никогда в жизни ещё не было. Каким-то непостижимым образом мы чувствовали друг друга каждой клеточкой. Раньше я думала, что любила Мишку. Тогда я не знала, что такое любовь.

Мы не спали всю ночь. Страсть сменялась нежностью, нежность – страстью. Почти весь следующий день провели в постели. Вылезали, пили кофе, готовили яичницу с беконом, заказывали суши и опять оказывались в постели. Я собиралась вечером ехать в Москву, но осталась ещё на ночь. Выехала в пять утра.

Несмотря на то, что принимала душ, я всю неделю чувствовала на себе руки любимого, его губы. Жила, как будто в чудесном сне, это как наваждение, но оно восхитительно. Мне хотелось бросить всё – работу, квартиру, и уехать в Ярославль. Мы ежедневно созванивались, а в пятницу он сам приехал в Москву. Выходные провели в ярославском режиме: постель, ласки, кофе, яичница с беконом. И мы опять любили друг друга, и заказывали суши.

В воскресенье вечером Сергей мне сказал, что утром у него назначено собеседование по поводу работы в Москве. В подробности он не стал вдаваться, боясь сглазить. Я пожелала ему «ни пуха ни пера!» И «ругала» его в понедельник: «Непутёвый, неприкаянный, милый, любимый, дорогой, ненаглядный, лучший в мире, единственный, долгожданный...»

Он вернулся домой с победой! Ему предложили работу инструктора по подготовке бойцов спецназа. Сергей был воодушевлён, чувствовал, что это его работа. Я рассмеялась: «Теперь мы будем коллегами. Ты будешь обучать бойцов, а я молодых писателей».

Сергею надо приступить к работе через неделю. Он собирался в Ярославль за вещами. Решили, что жить он будет у меня. Переживал он только за то, что если переедет жить в Москву, то будет редко видеть Настеньку.

– Да ты что? Ты же не во Владивосток собрался! Если выехать пораньше, до пробок, то до Ярославля за три часа доехать можно. Будешь часто ездить. Вместе будем. Поезда тоже идут не больше четырёх часов. И без пробок.

– Саш, ты такая у меня умница! Я так тебя люблю!

Я проводила его на поезд в понедельник. Во время рабочего дня я очень занята, но всё равно звонила ему несколько раз. А когда вернулась домой, то не находила себе места. В ванной витал запах его одеколona. На лоджии пахло его сигаретами. Его подушка пахла им.

Спать не хотелось. Я села за компьютер. Роман не писался. Тогда я стала чистить компьютер. Давно этим не занималась. Много скопилось файлов и папок, которые вряд ли когда-нибудь понадобятся.

Я наткнулась на папку «Мама». В неё я когда-то скачивала клипы для мамы. Её любимые группы и певцы. Музыка старая, её любимая. «АББА» и Тото Кутуньо, Трофим, Олег Митяев, «ДДТ». И самая мамина любимая певица – Анна Герман.

«Дурманом сладким веяло, когда цвели сады...»

Музыка заполнила комнату, а я думала о том, что моя любовь пришла ко мне в ту пору, когда яблоки созрели. И что я никогда никому не дам разлучить нас с Сергеем. Никакой красивой и смелой!

«И платье шила белое, когда цвели сады...»

Да, я хочу замуж за моего полковника! И платье белое хочу! Или кремовое, цвета шампанского или слоновой кости... Плевать, что я уже была замужем. Всё, что раньше происходило в моей личной жизни, отошло на второй план. Я смотрела на своё прошлое как бы со стороны. Мне казалось, что всё это было не со мной.

И сына я Сергею обязательно рожу. Интересно, обрадуется ли Настя братику?

Лишь к утру мне удалось уснуть. Мне приснился мальчик с ореховыми глазами, очень похожий на своего отца.

Часть 3. Открытия

Что можно открыть? Глаза, дверь или... ох, надеюсь вы еще не устали и готовы к необычным историям об искусстве не только рукотворном. Давайте без предисловий – сразу к ним.

Дождь

Инна Фохт (ник в инстаграм @innafocht80)

Всё родил Абсолют, вышло всё из Сверхсвета.
И вернётся туда, путь окончив земной.
Но умом не постичь человеку всё это.
Что даровано свыше, постигаем душой.

Свет струится везде. Протяни только руку,
В Книге Мира пиши кистью или пером.
Снова мысли твои хороводят по кругу.
Пусть идеи внутри прорастают зерном.

Зарисуй каждый лик, не теряй ни минуты!
Маслом холст оживи, опиши то, что ждёшь!
Что пока ещё спит и что видится смутно...
Я ж сегодня хочу оживить краской дождь.

Разукрасить осеннюю хмурую серость.
Дождь стекает стеной, лужи, негде ступить.
Осень в небе на тучах вальяжно расселась...
Только я не могу этот дождь не любить!

Я смотрю из окна, как бежишь ты по лужам

В ярко-красном пальто под раскрытым зонтом.
Я тебя уже жду. И никто нам не нужен.
Как за ширмою, спрячемся мы за дождём.

Ты промокла до нитки. Мы сумеем согреться.
Не ругай только зря этот бурный поток.
В моём сердце тепло разольётся, как в детстве,
Яркий свет озарит стены, пол, потолок.

Я возьму этот свет и вплету его в косы
Поздней осени нашей, чтобы скрыть седину
Её длинных волос. Самовольно, без спроса.
А потом в глубине её глаз утону.

Потому что люблю этот дождь, этот мир я!
Потому что заполнить хочу пустоту!
Слышу я, как поёт где-то нежная лира
Сквозь завесу дождя вижу в небе звезду...

Свет струится везде, протяну просто руку.
В книге мира пишу кистью или пером.
Снова мысли мои хороводят по кругу
И идеи внутри прорастают зерном!

Всё родил Абсолют, вышло всё из Сверхсвета.
И вернётся туда, путь окончив земной.

Но умом не постичь человеку всё это.

Что даровано свыше, постигаем душой.

Что скрывает картина

Айса Унгарлинова (ник в инстаграм @aysa_story)

Каждый день я приходил обедать в кафе на углу Петровской. Итальянская кухня местного шеф-повара славилась на всю округу. Столик у окна в конце зала встречал только меня. Последние недели я ждал обеденного часа, как никогда. Не то чтобы хотел отведать фирменной пасты, а потому что желал увидеть её. Загадочную незнакомку.

Она приходила в кафе в полдень, как и я. Заказывала чашку кофе и пирожное. Её грустный взгляд устремлялся куда-то вдаль, вверх посетителей. Казалось, в голове теснились тяжёлые мысли, вызывая особенное выражение задумчивости. Напряжённые брови сдвигались, образуя на лбу еле заметную складку. Рыжие волосы, собранные в небрежный пучок и местами ниспадающие на плечи, придавали девушке подростковую непосредственность. Обычно она доедала пирожное и смотрела в окно, подперев ладонью щёку.

Я машинально поглощал обед и словно замороженный, смотрел на неё. Было в ней что-то притягательное. И я не мог понять что.

В тот день я вошёл в кафе и увидел, что мой столик занят, как и все остальные. Незнакомка сидела одна, отстранившись от реальности. Хотел было уйти, но желудок угро-

жающе заурчал. Вдохнув побольше воздуха в лёгкие, я подошёл к девушке и спросил, не могу ли составить ей компанию. Затуманенные глаза, вырванные из параллельной вселенной, уставились на меня.

– Да. Я уже заканчиваю, – незнакомка сделала глоток кофе и приняла обычную позу мыслителя.

Официант принёс счёт. Девушка поспешила расплатиться. Она суетливо вытаскивала купюры из кошелька, будто делала что-то постыдное. Внезапно монеты выпали на стол и со звоном покатались на пол. Я бросился собирать деньги.

– Пожалуйста, – протянул незнакомке ладонь, полную блестящих рублей. – Меня зовут Герман. Обедаю тут каждый день. Вы, кажется, тоже?

– Да, – опустив глаза, ответила она.

– Сегодня многолюдно. Вы где-то поблизости работаете?

– Извините. Мне пора, – девушка встала и направилась к выходу.

«Ну вот и познакомились», – подумал я, смотря вслед незнакомке.

В окно проплыла знакомая голова с рыжим пучком.

«Я должен её догнать», – поспешил на улицу в ту сторону, куда удалялась девушка.

Поймав взглядом рыжий пучок в толпе, я почти бежал, чтобы не потерять его из виду. Незнакомка свернула в галерею и скрылась за закрытой дверью. Ловко огибая фигуры прохожих, я заскочил в здание и попал на выставку. Стены

большого зала, увешанные картинами, завораживали. Огляделся по сторонам: рыжего пучка не заметил. Несколько человек с умными лицами рассматривали полотна. Ощущение, что на меня кто-то смотрит, заставило обернуться. Я и, правда, был под прицелом нескольких глаз. Странная картина сначала удивила, потом испугала. Будто я взглянул в полумантый калейдоскоп, где все детали перемешались и приобрели неправильные формы. Глаза, большие и маленькие, покачивались в разноцветных волнах и внимательно наблюдали за мной. Чем дольше смотрел на картину, тем больше она околдовывала меня.

– Удивительная вещь, не правда ли? – пожилой мужчина в сером строгом костюме незаметно подошёл ко мне.

– Да, необычно.

– Знаете, абстрактная живопись весьма интересна. Вы можете не искать в ней смысла. Его просто-напросто нет. Зато эти картины наталкивают на любопытные мысли. Есть над чем подумать, не так ли? – глаза старика страстно сверкали из-под нависших бровей.

Казалось, разговор доставляет ему огромное удовольствие. Я стоял, переминаясь с ноги на ногу, не зная, что ответить. Никогда не был почитателем такого рода творчества и не мог описать ощущения, которые вызывает картина.

– Каждый найдёт здесь что-то своё. Автор только дал нам пищу для размышлений, – продолжил старик, поглаживая седые усы, – кстати, вы знаете, кто написал эту картину?

– Нет, случайно вошёл, даже не знал, что тут выставка.

– Хотите, познакомлю с автором? Если, конечно, вам понравилась картина.

– О да, я бы с радостью...

– Погодите минутку, – он скрылся за служебной дверью и через несколько секунд вернулся.

Речь старика продолжала литься плавно и страстно. Пожалуй, он часами мог говорить о работах художника.

– А вот и София. Позвольте вам представить – София Бельская. Талантливый художник и автор этих картин, – лицо старика расплылось в счастливой улыбке.

Мой взгляд наткнулся на рыжий пучок. Щёки девушки зарделись густым румянцем.

– Здравствуйте. Очень приятно. Я Герман, – моё сердце учащённо забилося.

– И мне, – сказала София смутившись.

– У вас прекрасные картины.

– Благодарю, – она неожиданно развернулась и покинула зал.

– Я что-то не так сделал?

– Прошу прощения. София – моя дочь. Она социофоб. Ей тяжело даётся общения с людьми, понимаете? Она страдает от собственной несовместимости с внешним миром, поэтому абстракция стала чуть ли не единственным способом примирения с действительностью, – старик тяжело вздохнул и продолжил, – ей трудно подобрать слова, а с помощью

картин она выражает свои ощущения. Это непросто. Прошу прощения ещё раз.

Я молча кивал, не найдя что сказать. Глаза старика потускнели и, сам он сгорбился, сделался меньше.

– Я, пожалуй, пойду, – тихо сказал он и откланялся.

Мне стало жаль убитого горем отца, ещё недавно счастливого и довольного успехами дочери. С каким восхищением он рассказывал о её работах, с таким же сожалением покидал галерею.

Я стоял напротив картины. Десятки глаз впивались в мою кожу, пытаюсь пробраться внутрь, прочесть мысли, понять поступки. Я поёжился от странного холода, охватившего тело, и понял: София смотрела на меня глазами картины. В силу своей меланхоличной натуры она не могла делать это открыто, поэтому нашла другой способ.

Постояв ещё какое-то время, я ушёл. В кафе на Петровской София больше не появлялась. А вскоре прошёл слух, что она с отцом уехала жить в деревню подальше от городской суеты, хотя, скорее всего, от людей.

Карманные часы

Надежда Бурковская (ник в инстаграм @nadezhdasandrolini)

ИСТОРИЯ 1

19 августа 2021 года. Париж.

В кабинете известного психолога царил тишина, лишь скрытые в стене часы громко тикали, отмеряя мелодичным звоном каждые тридцать минут. Это была одна из тех шуток, что веселят только её автора. Пациенты, кто тайно, кто явно, пытались найти источник раздражающего шума, но безуспешно. А для самого Яна отлаженный часовой механизм – лучшая музыка.

Ровно в десять дверь без стука распахнулась, Алина не утруждала себя условностями. Но красота у женщины как дипломатический паспорт – обладателю прощают всё. Лишь глубокие морщины на высоком лбу выдавали возраст пациентки. В остальном ей бы никто не дал сорок лет.

Ян нажал на кнопку, и отлично вышколенный секретарь внёс поднос с традиционным кофейным набором. Прекрасная дама поглощала эту отраву в пугающих количествах, пренебрегая молоком и налегая на мёд.

– О чём бы вы хотели поговорить сегодня? – звучный баритон с чуть заметной хрипотцой с первых минут расслаб-

лял посетителей. Но не в этот раз.

– Хватит разговоров, полгода мы только и делаем, что болтаем, а я пришла к вам не за этим, – Алина залпом выпила первую чашку и тут же налила вторую, – дикие тарифы появились не из-за терапии как у всех мозгоправов, а благодаря знаменитой методике гипноза. Давайте действовать.

– Я надеялся, что вашего терпения и благоразумия хватит ещё на месяц, но можем попробовать. Итак, прошу чётко сформулировать запрос, – Ян поправил очки и открыл ящик стола. Одновременно щёлкнул пультом, и бессмертные голоса группы «АВВА» заглушили тиканье часов.

The gods may throw a dice
Their minds as cold as ice
And someone way down here
Loses someone dear
The winner takes it all
The loser has to fall
It's simple and it's plain
Why should I complain

– Да сколько можно, – начала Алина, но поперхнулась своим раздражением под строгим взглядом психолога. – Ок, повторю специально для вас в сто сорок девятый раз. Двадцать лет назад я зло подшутила над любимым парнем, такой уж вздорный был, да и есть, характер. Он психанул и пошёл на мальчишник вместо нашего свидания. 19 августа 2000 года Макс ввязался в пьяный спор и разбился насмерть, упав

с Чёртова моста. А я больше никого не смогла полюбить. Достаточно чётко?

– Вполне, – Ян достал старинные карманные часы, инкрустированные рубинами плохой огранки. Просто удивительно, что можно откопать на блошиных рынках Парижа. – Смотрите, солнечный луч отражается от золотой крышки, играет с вами, следите за ним, внимательней, не отводите взгляд.

Вспышка!

19 августа 2000 года. Киев.

Летнее солнце раскалило город, наполнив его плавящим асфальт жаром и сожалениями о далёком море. На пляжах Гидропарка не протолкнуться, но тёплая вода Днепра и отсутствие даже подобия ветерка сводили на нет удовольствие от процесса.

Больше всего на свете Алина хотела остаться дома в компании кондиционера и новой книги Марининой. Но Макс всё слал бесконечные грустные рожицы в смс, как миллионер. Хотя его отец точно им был, так что единственный сын ни в чём не знал отказа. Пришлось натягивать самое невестомое платье и идти в Мариинский парк. Верный Ромео назначил свидание на мосту Влюблённых.

Алину не радовали ни обманчиво тенистые аллеи, ни фигура Макса с букетом роз наперевес. Ажурную конструкцию моста заменили более практичной в далёком 1983 го-

ду. Но Алина ездила с родителями-архитекторами в музейный комплекс народной архитектуры и быта под открытым небом в Переяславе-Хмельницком. И твёрдо предпочитала прошлую модель сегодняшнему недоразумению. Мост нависал над проезжей частью, споря высотой с девятиэтажным домом. Перила уродовали, то есть украшали, бесконечные ряды замочков с инициалами влюблённых.

– Ты знаешь, что за такие шалости в Венеции положен нехилый штраф? – не здороваясь, спросила Алина, подставив раскрасневшуюся от жары щёчку для поцелуя. – Спасибо за цветы, разрешаю тебе и дальше их держать.

– Вот заноза, – рассмеялся Макс, – спорим на Венецию, что ты забыла, какой сегодня день.

Алина лишь вздохнула в ответ, солнце хоть и шло баиньки, но палило, будь здоров, не до загадок.

– Сегодня ровно год со дня нашего первого поцелуя. Ты же знаешь предание? Если кого-то поцеловать посередине этого моста, то навсегда останешься в его сердце. А я хочу провести с тобой целую жизнь.

Противная струйка пота щекотнула живот, Макс отжигал не по-детски, как и всегда. «Угораздило же меня найти последнего романтика на обоих берегах Днепра. У меня дома можно поцеловаться с гораздо большим комфортом», – вскипела Алина.

– Ну знаешь, я не...

Вспышка!

– Я не смогла бы придумать лучшей годовщины! Как понять, где тут середина? Хотя можем целоваться через каждый шаг. А тебя ребята не ждут сегодня на мальчишник?

– Да ну их, Юрка второй раз женится за два года, тоже мне праздник.

– На свадьбу мы точно идём, маман отличное платье из Милана привезла.

– Договорились! Я люблю тебя.

– И я тебя.

19 августа 2021 года. Париж.

– Алина, слушайте мой голос, я досчитаю до трёх, и вы проснётесь. Один, два, три.

– Ой, что-то у меня голова кружится, – Алина села на кушетке, потянувшись за кофейной добавкой. – Мы закончили? Я почему-то не могу вспомнить деталей, лишь свет, солнце, жара. Послушаем запись?

– Вы знаете правила, запись только на следующем сеансе, – сказал Ян, а мысленно добавил, – если он вам понадобится, что вряд ли.

– Ох, и зануда вы, доктор, но что поделать, – рассмеялась Алина, в её сумке завибрировал телефон. Удивительно молодое лицо без единой морщинки стало ещё милее. – Простите, это муж, обещал за мной заехать, у нас сегодня годовщина. До встречи, Ян! – и продолжила уже в трубку – Мак-сик, выхожу, конечно, мы залезем на эту чёртову башню са-

ми, никаких лифтов. Что? Не чёртову, а Эйфелеву? Как скажешь.

Дверь за счастливой пациенткой закрылась. Ян откинулся в кресле и закурил, если к глупой электронной сигарете можно применить благородный глагол. «Знаменитая методика гипноза» в этот раз сработала отлично. «Динамика позитивная, хоть патент оформляй. Хотя до моей машины времени мир ещё не созрел, остановимся на „гипнозе“, пока что», – доктор улыбнулся и принялся заполнять дневник наблюдений за экспериментом.

ИСТОРИЯ 2

5 августа 1994 года, Лондон.

Ян всегда считал, что из отеля «Парк Плаза Виктория» открывается лучший вид на Лондон. Да, это не «Шангри-Ла» в небоскрёбе Шард. Но мост Тауэр с точки обзора птиц интересовал его меньше, чем люди. «Плаза» расположен в нескольких минутах ходьбы от железнодорожного вокзала Виктория, и какие интересные экземпляры выносит на тротуар прибой из безбрежного людского океана. Многодетная мать, явно мечтающая о самоубийстве, ловкий карманник, маскирующийся под продавца сувениров, офисный клерк, прячущий под отутюженной рубашкой кровоточащее сердце.

Лондон – огромный шведский стол для гурмана-психолога, коллекционирующего наблюдения. Даже бурлящему

американским задором Нью-Йорку не тягаться с городом на Темзе.

– Ваш кофе, сэр, – официант нёс серебряный поднос с такой гордостью, будто вчера самолично вынес его под пиджаком из Букингемского дворца.

Волнующе пахнувший свежими новостями «Таймс» соревновался с ароматом горячих булочек. Кофе отменным вкусом заставил бы любой «Старбакс» позеленеть от зависти. На секунду Ян так ярко почувствовал безупречную гармонию бытия, что замер, наслаждаясь моментом. А потом открыл газету.

«Трагедия на съёмках», – гласил жирный шрифт. Ян хотел перелистнуть страницу, но глаза кольнуло знакомое имя. Дзынь! Отель «Плаза» лишился чашки веджвудского фарфора.

«Вчера, в деревне Лэкок графства Уинтшир, во время съёмок сериала „Гордость и предубеждение“ лошадь испугалась взрыва на соседней базе НАТО и понесла. Телепродюсер Би-би-си разбилась насмерть», – скомканная газета отправилась вслед за чашкой. Невозмутимый официант извинился перед другими гостями за шум и со скоростью королевских жокеев ликвидировал беспорядок. Ян этого не видел.

«Хелен, как же так? Безумие! Погибнуть под копытами лошади в двадцатом веке», – Ян попытался с силой хлопнуть дверью, но проклятый доводчик не позволил. Хотя непод-

дельный испуг, меняющей цветы горничной, стал равноценным эквивалентом.

«Всё в руках господ, бедная Хелен. Или нет? Это случилось вчера. Ещё никто из пациентов не возвращался на день назад. Возможно ли такое? Дьявольское искушение! Мне бы и в голову не пришёл подобный эксперимент. Знак? Насмешка? Вызов?» – Ян неподвижно сидел на подоконнике, не видя ничего, кроме рубиновых всполохов на крышке старинных карманных часов. Решение принято.

Вспышка!

4 августа 1994 года, Лэкок.

Современный городок за считанные недели превратился в живописную деревню прошлого века. Жители поломались для приличия, но охотно позволили дизайнерам перекрасить дома, а также сменить двери и окна.

Режиссёр решил использовать благоприятный прогноз синоптиков и снять заранее финальную сцену – двойную свадьбу Джейн и Элизабет Беннет. Съёмки затягивались и жители туманного Альбиона по привычке не надеялись на милость октября, или, не приведи боги синемы, ноября. Утро началось превосходно, если не считать хронического недосыпа всего актёрского состава, но кого волнуют такие мелочи. Причёски, грим и костюмы доведены до совершенства, лошади запряжены в коляски. Пора начинать.

«Внимание! По местам! Дорогие гости, выйдите из кад-

ра», – вежливо протрубил мегафон. В голове Саймона Лэнгтона крутились гораздо более нецензурные формулировки. Набежала толпа поклонников Джейн Остин, да все коллеги, не разгонишь как куриц. А так и хочется крикнуть «кыш». Ну вот, фотографируются с лошадьми. Как дети, честное слово. Баабааах! Земля содрогнулась. «Опять? Проклятые военные! Мы же отправили им график съёмок. О Боже!», – режиссёр замер, отказываясь верить глазам.

Испуганная лошадь заржала и встала на дыбы. После короткого галопа повозка перевернулась, разлетевшись на куски от удара об землю.

За 5 минут до взрыва.

– Ян? Что ты здесь делаешь? – высокая блондинка поспешно слезла с лошади и нежно обняла давно потерянного однокурсника.

– Хелен, мне далеко до твоего пыла, но я тоже люблю классику. Обворожительна, как всегда. Участвуешь в съёмках?

– Язык как медовый пластырь, – рассмеялась Хелен, – я сейчас на Би-би-си, а здесь ищу вдохновение. Мой любовный роман отвергли три издательства. Я, конечно, не Остин, но какого дьявола? Отличная же рукопись.

– Ни на миг не сомневаюсь, в нашей альма-матер ты блистала! Может кофе? И проведёшь меня поглазеть на съёмки, мисс Филдинг или госпожа телепродюсер? – Ян по старой привычке взял Хелен под руку, увлекая в сторону кондитер-

ской. Баабааах! Земля содрогнулась. – Что за, хм, досадное недоразумение?

– Ты говоришь как мистер Дарси, рядом база НАТО. Бедный Самюэль никак не согласует своё расписание с местной артиллерией.

– Самюэль?

– Режиссёр фильма. А мистера Дарси играет молодой актёр Колин Фёрт, и это просто находка. Хочешь, познакомлю?

– Хочу, но сначала кофе. Так о чём твоя следующая книга? «Причина успеха» мне понравилась.

– Спасибо, всегда приятно получить отзыв не от своей читательской аудитории или родственников. Это идея газеты, где я веду юмористическую колонку о жизни холостячки в Лондоне. Вот не надо удивлённых глаз, да, я не замужем. Хотя сомневаюсь, что Бриджит Джонс тянет на героиню романа, но почему бы и нет?

– Отличное имя для одинокой девушки в Лондоне. Расскажешь детали?

– Для этого нам понадобится кофе с ликёром и повторить.

– Я никуда не тороплюсь. Номер в «Плазе» забронирован на завтра. Решил навестить Лондон, он меня вдохновляет примерно так же, как тебя мистер Дарси, – Ян сунул в карман золотые часы, которые сжимал в руках, внутренне расслабился и мысленно сделал пометку в рабочем дневнике: «Эксперимент удался».

ИСТОРИЯ 3

Милан, весна 2000 года.

Ян любил Италию. Казалось, в самом воздухе Апеннинского полуострова разлит экстракт неги и довольства жизнью. Всякий раз, возвращаясь сюда, он молодел душой, телом и, дальше принято упоминать сердце, но зачем лгать? Сердца у всемирно известного психолога давно не было. Просто ещё одна мышца, отвечающая за ток крови.

Он знал в лицо все страсти, управляющие людьми, их не так уж и много. Похоть, гордыня, жадность, властолюбие и любовь – дитя физического влечения и собственнического инстинкта. Яном же двигало любопытство, жажда познания и приятно щекочущая тщеславие мысль, что он безвозвратно меняет мир своей волей.

Ажурные шпили, арки и переплетения миланского собора на фоне ярко-синего майского неба завораживали. Лучший вид из окна. Чего ещё пожелать случайному гостю? Дверь деликатно скрипнула, призывая вернуться в реальность из волшебного мира абстрактных рассуждений о вреде и пользе путешествий во времени.

– Buon giorno, dottore! – высокий седой мужчина в идеально сидящем костюме легко мог пристыдить угловатых моделей на подиуме, хотя ему уже семьдесят.

– Присаживайтесь, сеньор Росси, что заставило вас выйти из мастерской и снизойти к нам смертным? – Ян задёрнул тяжёлые шторы, чтобы не отвлекаться на собор, и опустил

в кресло. Его синий бархат уместней смотрелся бы в музее, чем в апартаментах состоятельных снобов.

– Уж кому бы заикаться о смертности, но не тебе. Двадцать лет прошло с нашей последней встречи, а ты такой же мальчишка, – хмыкнул посетитель, доставая из кармана украшенную перламутром трубку.

Курение было единственным недостатком блистательного Серджио Росси – художника, скульптора, мецената, открытого гея и лидера мнений. Ученики так восхищались его талантом, что идиот, посмеявшийся упрекнуть кумира не в той ориентации, рисковал здоровьем. Ян подавил вздох и достал тяжёлую мраморную пепельницу, которая с лёгкостью могла стать орудием убийства, хотя в какой-то мере им и являлась.

– А вот меня возраст догнал, – раскурив трубку, продолжил гость, – неоперабельная опухоль мозга и проблемы с памятью на десерт, чтобы не скучно. Помогите мне, Ян, я начинаю забывать лучшие моменты юности. Без этих воспоминаний даже короткая жизнь не имеет смысла – можно заказывать заупокойную мессу. Плевать, как ты это сделаешь. Согласен на гипноз, внушение и галлюциногенные леденцы. Реальность – то, что мы ощущаем. Я просто хочу ещё раз увидеть его перед смертью.

– Серджио, давайте по порядку. Кого и зачем?

– Лучо Фонтана – первая, сбывшаяся на миг любовь. Мой наставник, гений, бунтарь, новатор – я говорю как энциклопедия, а вспомнить хочу эмоции, руки и ту единственную

скандальную ночь. Больше мы не виделись. Его невеста зашла в мастерскую хоть и не в самый пикантный, но до сих пор обнажённый момент. Они всё равно поженились, недаром она ждала двадцать два года. А крайним оказался испорченный юнец, то есть я.

– Вас не страшит близкая смерть, сеньор Росси? Никогда не думали, вот бы вовремя поставить диагноз, сделать операцию.

– А дальше? – насмешливо перебил Серджио. – Пропыхать ещё лет десять, борясь с последствиями химиотерапии? Нет уж, я доволен жизнью и ни дня бы в ней не изменил. Хотя того скандала бы избежал, ради счастья остаться подле мастера.

– Ну что ж, уважаю ваше решение. Устраивайтесь поудобней и сформулируйте запрос, – луч солнца, воровато пробившись сквозь портьеры, блеснул на потёртом золоте карманных часов в руках доктора.

– Мне девятнадцать лет, галерея Навильё, первая странственная композиция Лучо. Он потряс мир современного искусства не хуже Малевича.

– Закройте глаза, слушайте мой голос, на счёт три вам снова будет девятнадцать. Раз, два, три.

Вспышка!

Милан, весна 1949 года.

Кому-то он казался рано полысевшим пятидесятилетним

мужчиной с тонкими усиками, но Серджио видел бога. Католическая школа не смогла привить веру в Отца, Сына и Святого Духа. Хотя священники вбивали просветление в самом прямом смысле. Искусство оказалось сильнее и отлично справилось с задачей.

Лучо Фонтана – создатель спациализма, вновь вернулся из Аргентины в Италию, и юному художнику повезло попасть к нему на стажировку.

– Попробуй, мальчик мой, не бойся, – мастер протягивает нож, и Серджио дрожащими руками пытается разрезать холст.

– Да не так, – рассмеялся Лучо, – не пармезан режешь. В отверстия, которые я проделываю, просачивается бесконечность, и живопись более не нужна. Не думай о полотне, представь космос.

«Я хочу целовать эти руки, припасть к ним, как мои родители к иконам, и молить о любви. Хотя они просили избавить сына от постыдной болезни. Как будто природа – дура и не знает, что творит», – мысли кружили голову, как охлаждённое просекко.

– Давай вместе, – прикосновение шершавой ладони заставило сердце Серджио пропустить удар. Довольно мурлыча популярную мелодию, мастер принялся аккуратно подклеивать изнанку надреза чёрной марлей. – Смотри, я создаю новое бесконечное измерение, да ты слушаешь?

Запах краски, клея, голос гениального художника оказа-

лись непосильной для благоразумия смесью. И Серджио сделал то, о чём мечтал несколько месяцев – поцеловал вымазанные клеем руки, потом предплечье, потом шею, потом...

Сумерки прокрались в мастерскую, а вместе с ними и вечерняя прохлада.

Вспышка!

– Пожалуй, нам лучше одеться, – шепнул Серджио, первым потянувшись за штанами.

– Да и поесть не помешает, – согласился Лучо, включая настольную лампу.

Уже на выходе из мастерской они столкнулись с Терезией.

– Так и знала, что ты до сих пор голодаешь и парня мучаешь, вот, принесла вам лазанью, – улыбнулась невеста художника.

– Серджио, к бесу ресторан! Поужинаем здесь и за работу. У меня настроение выпить и нарисовать что-то красное. Будешь стараться – назову в твою честь картину, а может, и подарю. Ты не против, дорогая?

– Ну что ты, для гордости достаточно десятка скульптур с моим лицом. Налетайте, пока не остыло, а я открою вино.

Милан, весна 2000.

– Я создаю новое бесконечное измерение, открывающее доступ в космос, – сказал Серджио, открывая глаза. – Это слова мастера. Я помню наши уроки так ясно, будто они были вчера. Спасибо Ян, не то чтобы сомневался,

но не рассчитывал на такой потрясающий эффект. Период с 1949 по 1968 – лучшее время в моей творческой и частично личной жизни. На какую сумму выписать чек за сеанс? Он бесценен, но я должен попытаться.

– Я же в отпуске, синьор Росси, считайте это дружеской услугой.

Вечером следующего дня вернувшегося с прогулки по музеям Яна ждал курьер. «Не хочу, чтобы этим поживились мои душеприказчики», – гласила записка. Под слоями толстой плёнки пряталась ранящая глаза ярко-красным цветом картина – «Ожидание» Лучо Фонтана.

– Что-то в этом есть, – задумчиво сказал Ян, разглядывая неровные порезы, – ведь мы почти коллеги, я тоже создаю новые измерения, хотя на космос не претендую.

ИСТОРИЯ 4

Сентябрь 2000 года. Оттава.

Загадка: вторая по площади страна в мире с крошечной столицей.

Отгадка: Канада.

Ян приезжал в Оттаву, влекомый нездоровым любопытством посетителей кунсткамеры. Уже на входе ясно, что ничего хорошего ты там не увидишь, но покорно платишь за билет в надежде на чудо. Столица большой страны с населением в один миллион похожа на пригород европейского мегаполиса – тихо, мирно, скучно. Полгода он практиковал

в провинции имени кленового листа, и все случаи были под стать городу – бесцветные.

– Байтауном ты нравилась мне больше, хоть грязи по колено, но жизнь бурлила. Город, ау, ты помнишь, как это бурлить? – Ян не поленился выйти на балкон и послать вопрос в ночное небо.

Оттава молчала. Ей нравились покой и порядок, а если взбалмошные гости скучают за деревянными бараками, бандитскими войнами и разрушительными пожарами, то к их услугам архивы, документальное кино и ретроспективы исторических событий. Хотя придиру можно и наказать.

– Взорвать статую? Элейн, да как вам это в голову пришло? – злая колючая энергия обычно аморфной пациентки взбудорила психолога не хуже двойного эспresso.

Широкоплечая седая дама сердито фыркнула в ответ, пытаясь ровно держать спину, но утопала в объятиях мягкого кресла.

– Знаете, что хуже десятиметрового железного паука, доктор? Десятиметровый железный паук по имени Мама. Последнее творение Луизы Буржуа, изуродовавшее Национальную галерею. Сходите полюбуитесь, можете даже погулять между его кривых лап.

– Я тоже не всегда понимаю современное искусство, но пожимаю плечами и прохожу мимо. Вот что значит истин-

ная смотрительница музея, мне нравится ваш пыл, Элейн.

– Да какой там пыл, – пациентка поудобней устроилась в кресле, плюнув на осанку. – Просто всю неделю я водила экскурсии вокруг этого металлолома и рассказывала интерпретацию автора. Ода её матери-ткачихе, которая была мудрой, доброй, заботливой и отзывчивой как паук. Забавно, не правда ли? Кто в здравом уме ассоциирует доброту с этими тварями? – вздохнула Элейн. И шёпотом добавила: – Или с матерями?

– Она мертва, вы свободны, помните? Отпустите её и позвольте себе наконец-то счастье, – сказал Ян, подумав, кем же надо быть, чтобы сломать такую пылкую, сильную, похожую на лесоруба женщину.

– Мне уже шестьдесят, жизнь почти закончилась, так толком и не начавшись.

– Хорошо, давайте поговорим о вашей матери, но в последний раз. Мы закрыли эту тему и устроили отличный костёр, помните?

– О да, её хлам хорошо горел. Простите, Ян, но проклятый паук свёл на нет ваши усилия.

– Ещё посмотрим. Чтобы вы сказали маме, Элейн, если бы могли? Попробуйте, представьте её на моём месте, – попросил психолог, играя золотой крышкой карманных часов.

– Ненавижу, ты опутала меня липкой паутиной извращения, называемого любовью, и сломала мне жизнь. Я помню всё. Как в шесть лет ты «случайно» прижигала меня плой-

кой для волос за непослушание. Как в десять морила голодом за плохие оценки. О да, всё ради моего блага. Как часами сокрушалась о моей непривлекательности. Как отравила Колина, единственного человека, которого я осмелилась полюбить. Да, тебя никто не заподозрил, но я знала. Как заставила сделать аборт. Как на долгих тридцать лет приковала к себе ранней деменцией, пытаюсь покончить с собой в каждой больнице, где уход значительно лучше, но нет смысла твоей мерзкой жизни – дочери. Доктора просили быть терпеливой, объясняли, что болезнь меняет людей. Но ты ничуть не изменилась, потому что всегда была чудовищем. Да, наконец-то ты сдохла, и я свободна, но никакой меня давно нет. Просто тень, которая притворяется человеком. Я умерла вместе с женихом и ребёнком. Если бы смогла повернуть время вспять, я бы...

– Элейн, представьте что можете. Закройте глаза, доверьтесь мне, я хочу вам помочь.

Вспышка!

Сентябрь 1960 год. Оттава.

– Разумно ли это, доченька? Ну сама подумай, какое свидание? Кому ты нужна? Скорее всего он с друзьями поспорил, что пригласит на танцы самую неуклюжую девушку в городе. Остайся лучше со мной дома или можем сходить в кино, вышел новый фильм Хичкока.

Каждое слово матери железным штырём пронзил сердце

Элейн. Она права, зачем Колину такая уродина? Над ней уже подшучивали в школе, почему университет должен стать исключением? Девушка сморгнула слёзы и выключила утюг, оставив на столе недоглаженное платье.

– Да, мама, ты, как всегда, права, я лучше приготовлю нам ужин.

– Вот и умница, люблю тебя.

– И я тебя.

Вспышка!

Руки Элейн живут своей тайной жизнью. Её голова занята мечтами о Колине, а они ловко чистят рыбу, мельчат чеснок, режут овощи на салат, вонзают отменно наточенный нож в шею матери. «Странно, в книгах и фильмах всегда описывают предсмертные хрипы жертв, а она умерла молча. Но я наконец-то свободна, какое же это счастье», – улыбнулась Элейн, вымыла руки и сняла трубку громоздкого телефонного аппарата.

– Полиция? Добрый вечер, пришлите машину на Шарлотт стрит 19. Пять минут назад я убила свою мать.

Сентябрь 2000 года. Оттава.

В кресле напротив никого нет. Его мягкое сидение, так легко и надолго сохраняющее форму человеческого тела, глаже линии горизонта. Ян пытается встать, но не может.

«Тошнота, головокружение, высокая температура – практически тропическая лихорадка, вот что бывает при неожиданных виражах времени. Эксперимент провален. Отныне и впредь пациент должен чётко сформулировать запрос», – нетвёрдой рукой записал он в рабочий дневник. И добавил заметку на полях: «Узнать о судьбе Элейн Шенн».

Загадка Моны Лизы

Ольга Лукина (ник в инстаграм @_olga_lukina)

Леон Винник с волнением подошёл к стеклянной пирамиде перед Лувром. Гигантский переливающийся кристалл, казалось, парил в воздухе над площадью перед музеем и сверкал многочисленными гранями. Прозрачная странная глыба выглядела, как инородный объект на фоне старинных и торжественных стен некогда королевского дворца. Она будто выростала из недр земли. У входа в пирамиду в очереди толпились многочисленные желающие увидеть сокровища Лувра.

«Это – портал. Вход в другую реальность», – подумал Леон. Сейчас, сейчас он увидит и Нику, и Венеру, и, конечно, её – Мону Лизу. Именно к ней он приехал. Ею грезил ночами.

В предвкушении долгожданной встречи, выстояв очередь, Леон, волнуясь и робея, вошёл внутрь пирамиды.

Огромная толпа фанатов внесла его в огромный зал, где на большой синей стене висела единственная небольшая картина.

«Что это? Это она? Не может быть!» – Леон испытал потрясение.

Картина тёмная, мрачная и... маленькая! Какое разоча-

рование!

Прям, неожиданный удар под дых. Самый знаменитый в мире портрет, самая известная картина и такая... такая маленькая. Блёклая. Тусклая. Незначительная. Ещё и смотреть надо издалека. Подойти ближе невозможно, надёжные ограждения не подпускают толпы туристов. Фанаты, стремящиеся к ней, натываются на преграду, как морские волны на плотину, и замирают в давке.

«Как, как эта маленькая, невзрачная картина могла стать величайшим в мире произведением искусства? – думал Леон. – Как? Её почти не видно, очень далеко, под толстой стеклянной бронёй невозможно почувствовать её дыхание».

Леон, работая плечами и локтями, с трудом протиснулся сквозь плотные ряды человеческих тел поближе к перилам ограждения. Всё равно плохо видно. Ещё эти любители делать селфи со своими смартфонами. Толкаются. Загораживают обзор. Очень сложно разглядеть.

А он так ждал этой встречи! Так мечтал о ней! И вот вдали едва просвечивает через пуленепробиваемое стекло тёмный женский портрет.

«Неужели это она сводит с ума человечество уже пятьсот лет? В чём прикол? – Леон ничего не понимал. – Где восторг, потрясение? Где всё то, что я ожидал, предвкушал?»

Леон вглядывался в картину, силясь понять, что же в ней такого. Вроде ничего особенного, но почему-то на неё хотелось смотреть и смотреть. Невозможно оторвать глаз.

Внезапно что-то неуловимо изменилось. Парень ощутил сильное притяжение со стороны картины. Возник искрящийся волшебный магнетизм.

Синие стены зала надвинулись на Леона. Воздух сгустился. Звуки стихли. Разговоры, шарканье ног, толпы посетителей – всё исчезло.

Картина стала как будто больше, краски ярче. Она приближалась к Леону. Из её мрачной глубины заструился поток призрачного света, который обволок парня, как коконом. Они стали одним целым: Леон и картина.

«Вот она! Наконец-то!» – мысленно крикнул Леон и, трепеща, протянул руки к портрету, слегка коснулся потрескавшейся от времени краски. Кончики пальцев пробежали по бархату платья, которое оказалось не тёмно-коричневым, как виделось издали, а красным, по пышным рукавам, по тёмной накидке. Всё в картине так гармонично, так удивительно: пропорции, тени. При этом женщина на картине не была красавицей, в ней присутствовала едва заметная неправильность, которая придавала особое очарование и загадочность. Неотрывно следящий влажный взгляд её светло-каштановых глаз завораживал. Лёгкая прозрачная вуаль сливалась с волнистыми прядями волос.

Уходящий вдаль пейзаж со снежными причудливыми горами и извилистыми водными потоками оказался вовсе не бледным, а буйствовал яркими голубыми, синими и зелёными красками. В ландшафте угадывались головы живот-

ных. Да их тут целый зверинец! Среди причудливых скал притаился гордый лев, подстерегающий добычу, гримасничала обезьяна, буйвол косил синими глазами, и крокодил прятался за холмом. Они тоже оживали.

Дымка и туман, что окутывали лицо и фигуру женщины, развеялись. Тонкая сеточка трещин на картине расправилась. Лицо стало моложе и теплее. Оно излучало ум и волю. В нём появилось неуловимое движение. Ухмылка тонких извилистых губ задрожала, они набухли, как для поцелуя, налились соками. Лёгкие, едва заметные тени около приподнятых вверх уголков губ углубились. Ещё чуть-чуть, и улыбка затопит одухотворённое лицо. На щёки легли синие тени от ресниц.

«Кто сказал, что у неё нет ресниц? Есть! – удивился Леон, – и брови тоже есть, вот они изгибаются тонкой аркой».

Он вглядывался в каждый миллиметр картины, в каждый мазок.

«Боже, это лицо! Эти губы! Они живые! Их створки сейчас разомкнутся и она заговорит», – едва дыша, подумал Леон.

Его бросило в жар. Он, как под гипнозом, приблизил свои губы к её и ощутил тонкий аромат пачули и мандарина. Она дышала, дышала! Упругая небольшая грудь мерно приподнималась. Леон коснулся тёплой кожи над вырезом платья и почувствовал, как сквозь пальцы в месте прикосновения

по каплям из него вытекает энергия, как воздух из сдувшегося шарика. Чувственный рот Моны Лизы извивался, словно опасная змея. Картина втягивала Леона внутрь себя. Силы его покидали. Он осознал, что, если немедленно не выпутается из сжимающего кокона, то растворится в картине без остатка.

«Эта картина – вампир! Я погибаю», – промелькнуло в угасающем сознании.

Последнее, что он расслышал, это шелестящий шёпот:

«Освободи меня, освободи..., я пять веков взаперти... взаперти... одиночество среди толпы... толпы... помоги...».

Леон очнулся. Сознание встряхнуло от накатившего многоголосого шума, резких толчков и крика:

– Что застыл?! Дай другим подойти! – раздался над ухом визгливый голос, – встал как истукан. Один тут, что ли?

Картина висела далеко, в дымке и смотрела на него неотрывным следящим взглядом. Но что-то в ней изменилось. Пространство вокруг картины стало осязаемым и вибрировало.

«Что это было? – растерянно подумал Леон, – я потерял сознание? Но я был с ней! Я видел её улыбку! Я её трогал. Она была живой! Боже! Что я говорю? Я сошёл с ума?»

Леон был счастлив и одновременно испуган.

Восторг и страх смешались в опьяняющий коктейль. Голова немного кружилась. Он не мог сдвинуться с места.

Когда оцепенение прошло, Леон вышел из Лувра потря-

сѣнный и опустошѣнный. И в то же время наполненный. В нём поселилось стойкое ощущение нового знания, нового понимания красоты, жизни. Это чувство распирало его изнутри. Леон знал, что завтра опять придѣт сюда, чтобы погрузиться в испытанное волшебство.

«Я что-то упустил, недоделал, не успел и должен вернуться туда, к ней. Она ждѣт», – думал Леон.

В состоянии эйфории он и не заметил, как прошѣл, вернее, пробежал несколько кварталов. Куда? Зачем?

Впереди мелькнул девичий силуэт. Каблучки стучали по мостовой, из-под шляпки выбивались пряди тѣмных волос. Тѣмно-бордовая куртка развевалась, не скрывая стройность фигуры.

Что-то неуловимо знакомое почудилось в её осанке, повороте головы. Незнакомка обернулась, стрельнула светло-каштановыми глазами с янтарными искорками. В уголках губ легли еле заметные тени, будто девушка готовилась улыбнуться.

«Она! Это она!» – металась беспокойная мысль.

Девушка отвернулась и продолжила свой путь. Наваждение исчезло. Но Леон шѣл за ней, как привязанный. Через шагов десять незнакомка обернулась. Остановилась и вопросительно посмотрела на преследователя.

– Вы меня преследуете? – спросила она с настороженной улыбкой. Леон уловил в её дыхании аромат пачули и мандарина.

– Простите! Я... я хотел спросить, я мог вас где-то видеть?

Ваше лицо...

– Вряд ли.

Леон уловил искорку понимания в её глазах. Тут они поняли, что оба говорят на русском языке и рассмеялись.

– Я турист, из Петербурга. А вы?

– Я тоже из Петербурга. Учусь тут. В университете в Сорбонне.

– Надо же! Жить в одном городе, в Питере, а встретиться здесь в Париже.

– Давайте знакомится. Я – Леон. Леон Винник.

– Лиза, – представилась девушка и улыбнулась широко и весело. – Лиза Джокович.

– Давай на ты, – предложил Леон.

– Давай.

– Ты похожа на итальянку. Тебе говорили?

– Моя бабушка – итальянка.

– Удивительно! – воскликнул Леон, – моя тоже.

Через полчаса они сидели в кафе, ели круассаны, пили кофе и болтали, как старые знакомые.

– Лиза, – смущённо проговорил Леон, – я тут сочинил стихи, и они сами легли на музыку. Послушаешь?

Лиза кивнула. Леон тихонько запел:

Когда волнение стесняет грудь мою,

Или когда на перепутье я стою,

К тебе несу свои сомненья и мечты.
Ты воплощенье вечно юной красоты.

Что скрыто мастером под краской дорогой,
Чей тайный промысел водил его рукой?
Прервался стоном лёгкий вздох в губах твоих,
Моя Мадонна, ты живее всех живых.

Моя Джоконда, моя Мадонна,
Моя богиня, моя икона!
К тебе молитвы моей слова,
Ведь я-то знаю, что ты жива.

Какую тайну ты таишь, какую боль?
Какую странной ты отмечена судьбой,
Какую силой высшей ты наделена,
Какая истина в тебе заключена?

Внутри зрачков горит огонь в твоих глазах.
Как будто хочешь что-то важное сказать,
Как будто хочешь миру истину явить,
Завесу тайны мирозданья приоткрыть.

Моя Мадонна, о Мона Лиза,
Ты миру снова бросаешь вызов.
И люди бьются уж сотни лет,

Понять пытаюсь, в чём твой секрет.

Трепещут локоны в сияньи золотом,
И потихоньку бьётся сердце под холстом.
Едва заметно чуть дрожит твоя рука,
И тонкой ниткой бьётся жилка у виска.

И так и кажется, сойдёшь сейчас с холста,
И миру явится святая красота.
Но ты всё так же молча смотришь сквозь века,
И только губы улыбаются слегка.

На землю вечер прольётся томный.
Тебя я встречу, моя Мадонна.
Мой нежный ангел, мой сладкий сон.
С тобой навеки я обручён.

– Это так прекрасно, – выдохнула Лиза, она почти не дышала, пока он пел.

Их руки сплелись, образуя вензель: «LL» – «Лиза Леон».

Луизе Буржуа. Маман

Светлана Русакова (ник в инстаграм @rusvet)

Я рассматривала изображение в телефоне, то приближая экран, то отдаляя. Изваяние удивляло до глубины души. От тревожного волнения, подступавшего к горлу, учащённым сердцебиением и до ужаса, липкой струйкой стекавшего по позвоночнику, если представить размер паука в реальности!

Это невероятная работа Луизы Буржуа: Маман. Я увидела её в ленте инстаграма, попыталась вспомнить, где видела раньше и увлеклась. Представилась возможность узнать Маман подробнее, да и другие работы Луизы посмотреть. Я зашла под хештегом Луиза Буржуа. То, что открылось моему взору удивило, я листала и находила другие её работы. Смотрела и пыталась понять, что же хотела сказать Луиза?

Публичные высказывания, о том, что это образ трудолюбивой и горячо любимой мамы, мне не нравились, попахивало ложью. С другой стороны, скульптура напоминала мне чистую психоделику. До истины докопаться будет непросто, судя по обилию высказываний в интернете, поиск смысла, сказанного Луизой, это нелёгкий процесс. Других дел у меня, как у большинства людей много: семья, работа, учёба, занятия с ребятами в литературном кружке. Но подкожный ужас и физическая неприязнь к насекомым, разожгли желание посмотреть на всё своими глазами! Порой то что вызывает в нас ужас и изумление, непонятным образом притягивает. Да... тут познание на грани страха и любопытства, гремучая смесь.

В школе я с удовольствием учила биологию, она легко давалась мне. А позже продолжила изучение в Университете. Поэтому я знала, как устроены эти микро-монстры животного мира. Пауки удивляли умением выживать, своей всеядностью и изощрёнными способами убийства. Будь они хоть с полметра высотой, шансы спокойно жить, у человека стремились бы к нулю. А если представить, что фантазии Луизы ожили?

Знания вместе с кадрами разных «паучьих» ужастиков плюс скульптуры Луизы, захватили моё воображение и рисовали картины выросших пауков, которые захватили планету.

Мой интерес к этой скульптуре, привёл меня в интернет ещё раз, и я нашла ближайший музей и экспозицию, где скульптура представлена в полный рост! Ближайшая Маман оказалась в Лондоне, всё сложилось, нашлись недорогие билеты, и я собралась в музей Тейт Модерн.

Готовясь к поездке, я продолжала думать о скульптуре и её работе. Да грандиозно! Мне не давал покоя момент сравнения Луизой своей мамы и паучихи. Польза от этих красавцев среди мира насекомых неоспорима, один паук на садовом участке может поймать до 400 вредителей в свою паутину, за сутки. Кстати, они мне симпатичнее многих членистоногих. Хотя коварны и яд их даже в мизерных дозах может быть смертельным.

Пауки ткачи, но и тут подвох... они ведь ткут тенёта, в них заманивают жертву. Жалят и потом ждут «созревания». Да

как бы это дико ни звучало, но это так!

Так может любовь матери паучихи, коварной ткачихи, смертельна?

Я искала аналогии в искусстве. Стала собирать разные истории и мифы о пауках. К примеру, в индийской мифологии, это творец, трудолюбивый и творческий. Но вместе с тем хладнокровный убийца, спокойно высасывающий кровь. В религиях европейских стран он символ жадности, алчности, злобности и колдовства. Вот тебе и противоречия!

Опять же есть рассказы о том, как паук и его паутина спасли младенца Христа, пророка Мухаммеда и даже Давида. Паучиха первосоздатель мира, плетёт бесконечность у народов Африки и всего Востока. Хотя где-то говорят о прощении сорока грехов в обмен на жизнь паука. А вот буддисты, напротив, обещают этот грех записать в карму.

Образ паучихи становится всё более противоречивым. Но есть понимание, что это существо магическим образом связывает все миры между собой и олицетворяет некий баланс добра и зла. Или наказание за попрание добра, методами зла...

О, я запуталась со всеми возможными трактовками и наконец-то наткнулась, на одну аналогию... Она как-то сводила мои размышления воедино. Паук создатель новой жизни, путём поглощения другой.

Нашла, хорошо всем известный фильм, «Война миров» (по мотивам Герберта Уэллса) Там инопланетные ма-

шины, огромные, похожие на пауков вылавливали людей. Превращали их в биомассу и засеивали всё пространство смесью с добавлением спор или семян своих растений. Готовили, так сказать, биосферу, для заселения. Все эти вариации распалляли фантазию, и я решила, что поездка поможет понять, может ли паучиха, ассоциироваться всё-таки с материнской любовью. Я должна увидеть этого монстра!

Добравшись до музея и выяснив где находится Маман, я отправилась напрямик туда. У входа в здание со стороны набережной, стояла она! Пригинаясь и стараясь не смотреть вверх, я хотела пробраться к Маман под пузо и уже там выпрямившись ощутить себя пылью в ногах этого исполина.

Мне это удалось. Не оглядываясь, и чуть ли не на ощупь, я дошла и, прикрыв глаза на мгновение, резко подняла голову. И тут же уткнулась взглядом в импровизированный мешок с яйцами... Да если не знать, что это дело рук человеческих из металла, то можно поседеть от ужаса.

Работа великолепная, ничего не скажешь. Все огрехи и неточности не имели значения. Покорял масштаб, высота под 10 метров! Ноги широко расставленные, пугали количеством, было ощущение, что выбраться из-под них нереально. Сочленения ног, искусно выполнены, а эти яйца большие и тяжёлые из мрамора. Они как задел будущего... Вот вам ещё такие же Мамы. Которые проглотят этот мир!

Оглушённая грандиозностью, я напрочь забыла брезгливость, неприятие этих тварей. Мне стало понятно, отчего

в фильмах-ужасах, часто эксплуатируют ступор. А как иначе? Увидишь такого монстра и застынешь в изумлении и никакого гипноза не нужно! Я долго пробыла там и не пожалела о потраченном времени. В этой скульптуре разом присутствовали и притягательные элементы и омерзительно отталкивающие.

Вернувшись в гостиницу, приняв душ, я плюхнулась на кровать, желания что-то делать не было. Хотелось переварить впечатления. А к Луизе вопрос остался открытым. Материнская любовь вроде паучьей? Даровать жизнь одному, отбирая у другого? Разве нам людям, это может быть понятным? Это удушающая любовь, вроде отпускающая на все четыре стороны, но у опытной человеческой паучихи ниточка тянется к шейке своего паучонка! Так что тут сравнения не по мне!

Если только, паук Маман как мать своих паучат пожирающих человечество в метафорическом смысле, это грехи и страсти? Возможно! А может Луиза решила воплотить этакий памятник... что человек лишь часть жизни и отнюдь не главная на Земле?

...Она шла тихо, слегка раскачиваясь на своих длинных и тонких ногах. Восемь голенастых палок-ног, обеспечивали комфортное перемещение для тела и, самого главного, потомства. Вот они её маленькие паучатки. Придёт время,

мешок, с которым она ходит, увеличившись до предела, наконец лопнет... из него как крупа или теннисные мячики рассыпется волна милых малышей. Они побегут в разные стороны, и отныне их жизнь не будет принадлежать Маман. Она своё дело сделала, выносила их и выпустила в мир с многократным увеличением численности, значит, дала шанс выжить. Стечение всех благоприятных факторов, даст малышам возможность быстро расти и при несущественных потерях, увеличить ареал обитания. Вытесняя или просто пожирая все остальные виды животной жизни!

Я застыла от удивления, она шла на меня, а я не могла пошевелиться. Ещё пара десятков метров и она окажется надо мной. Видит ли она меня? Представляю ли я интерес для неё как особь разумной жизни? Или я лишь звено пищевой цепи? Страх не было, ужас давно утёк струйкой холодного пота и любопытство уже подсушило спину достаточно, чтобы я не обращала внимания на инстинкт самосохранения.

Я стояла, ждала... я хотела увидеть её во всей красе и мешок с готовыми вылупиться паучками.

«Они по полметра, пожалуй», – смехом пронеслось в голове. Маман шла, продолжая покачиваться на этих длинных и согнутых шестах. Поравнявшись со мной, она остановилась и, как мне показалось, опустила туловище ещё ниже и устремила свой взгляд прямо в душу. Глаза у этих созданий удивительные! Две пары мелких глаз, расположенные на одной линии, венчались двумя крупными глазами, влажными и чёрными. Во взгляде паучихи сквозило любопытство? Нет, это моя фантазия... Видела ли она меня, не знаю, у пауков со зрением проблемы, у них другие ориентиры опознания пищи и партнёров по брачным играм!

Но это был условный взгляд, а я впиалась глазами и краем мысли, пытаясь заглянуть вглубь. Что там инстинкты или разум? Желание соткать мир полный любви и радости, или сеть, в которую попадутся тысячи и тысячи жертв, яство из питательного белка, как не назови!

Да ирония меня сейчас спасала, ибо я понимала, что в лю-

бой момент, как в фильме ужасов, могут открыться челюсти, вытянется хелицера и...

Я открыла глаза и обрадовалась, что это был сон. Да эта экскурсия дала мне пищу для размышлений и, пожалуй, пора написать книгу о пауках. Вот только ужасы или всё-таки обойтись добром? Уже вечер, можно прогуляться ещё по городу, а завтра домой.

Всё пора собираться, или ещё сходить к Маман, впечатлений единственного посещения, возможно, не хватило для ответа моему воображению? Но нет скорей домой, за ноутбук и писать... А ещё найти рисунки, я ведь по биологии за эти рисунки пауков получала пятёрки. Особенно хорошо получался красавец Тарантул, паук-солдат, один из самых больших пауков на Земле и, как правило, довольно безобидный.

Поездка оставила неизгладимое впечатление и пора за работу. Вечером уютно устроившись с нетбуком на диване, в тёплой домашней тишине, все мои за городом, я начала работу.

Полная впечатлений, и всё ещё теребя интернет в поисках материалов по паукам, наткнулась на фото скульптуры человека, подвешенного в неестественной позе и в отражении на стене он напоминает паука, вопрос один: уже паук или ещё? Так стала рождаться фабула книги. Скорее работать. Материалов набралось, но львиная доля из них конечно, мои

впечатления.

Итак, обобщим, то что уже есть. Экскурсия в музей Тейт Модерн, оставила неизгладимое впечатление. Это невероятное творение, голенастое, огромное и сеющее скорее страх, чем трактуемую автором любовь.

Несмотря на то, что я к паукам нейтральна и какого-то ужаса или брезгливости они во мне не вызывали никогда, я всё-таки испытала шок! И это всё моя фантазия, она позволила представить живую, этого монстра. А знание их устройства не могло оставить меня равнодушной. Сколько я пережила эмоций в момент, когда стояла под ней.

Страх да! Эти ноги, оканчивающиеся лезвиями-когтями, втыкались в почву ли, камни ли, значение не имело! Они протыкали всё, что им попадалось несмотря на их ломанное строение. Голову не разглядеть, но я знаю, где у неё глаза и пыталась представить себе, как смотрю в них и пытаюсь понять! Взгляд вглубь и размышление: сколько там интеллекта? Сколько инстинкта? А любовь там есть? Сон, приснившийся в отеле, был подтверждением буйству моей фантазии.

...Эта слишком мягкая почва... ноги проваливаются глубже, чем обычно и потому тяжело идти. Тяжело и потому, что детки готовы вылупиться. Последние деньки, а может, и часы с ними.

Вот лопнет мой мешок-гнездо и вы, выбравшись из сво-

их скорлупок, высыпите жемчужными бусинами. Выкатитесь волной и побежите в этот опасный и страшный мир. Тут везде опасности на пути, то чья-то огромная лапа, а где-то вода и вам не переплыть. А там вон на холме сидят те, кто не прочь полакомиться вами. Эх, придержать бы вас, пока заматереее и подрастёте, тогда вас бояться будут...

Медленно развернувшись я собралась преодолеть препятствие, появившееся на пути. Но тут моё внимание привлекла движущаяся точка, где-то там внизу. Она странно металась на двух ногах и была немного в стороне от моей тропы. Что же это такое?

Времени мало, нужно уйти дальше в лес. За холмы и унести детей подальше от этого шумного города. Он нам не страшен, но бороться всё время, имея потомство, которое, того и гляди, вылупится, безрассудно. Нет, подвергать детей опасности не имеет смысла. Дальше и дальше, как можно дальше. Там им проще прижиться, большее количество выживет и тогда...

Впрочем, надо посмотреть на это двуногое чудо, их в том огромном гнезде под названием город, много. Они мелкие и панически боятся меня. Это хорошо. Нагибаюсь ниже и ниже, вот глаза мои поравнялись с двуножкой. Смотри-ка, я её вижу и даже чётко. А запах, это человеческая самка. Но что странно в ней нет страха... он был, но теперь его нет. Это плохо, те, кто не боится, как правило, способны на безрассудные поступки и могут причинить вред даже мне. Но эта

букашка тут одна и мне её отсутствие страха просто интересно.

Я ещё ниже просела на своих ногах ходулях, лезвия вошли глубоко и вот смотрю ей в глаза. Она тоже мать и смотрит на мой мешок с яйцами.

Э, нет подружка, это мои дети... Скоро волной пройдутся по вашим лесам. А набравшись сил, подрастая, мы сможем и с городом этим вашим разобраться. Я не зря выросла огромной, в меня много сил вложено и любви материнской. Луиза постаралась и обманывала вас, что я создана любовью и для любви. Думали сотку вам нити бессмертия... нет... я сотку саван... и отомщу за всех, кого вы раздавили и убили, отравили и сожгли... пришло время, пора платить по счетам.

Двуножка? Ты ведь слышишь мои мысли, да? Слышишь и лихорадочно думаешь, что предпринять. Бежать? Ты права, что не делаешь этого... это сразу решит твою участь. А пока ты стоишь, я просто смотрю на тебя!

Мои малыши им нужно много свежего питания... так что живи пока. Я развернулась и пошла в лес. Двуножка осталась стоять, не шевелясь. Ничего отомрёт и тогда побежит. Щёлкнув челюстью и представив этот кусок белка на хелицере, я чуть не подавилась слюной. Но на охоту нет времени, пока мы уязвимы, мы должны уйти и исчезнуть на время для этих мелких монстров, истребляющих всё и вся, на этой планете. Адьё Луиза...

...Я проснулась с полным ртом слюны и сплёвывая её, пыталась понять, что со мной было?

Приняв душ, я вышла на балкон квартиры. Там вдали на набережной, как мираж, мне почудился силуэт Маман... я вспомнила всё в мельчайших подробностях и мне стало плохо. Затошнило, будто укачало. Пара таблеток успокоительного сделала своё дело. А я обрадовалась, что дома и далеко от той ошеломляющей реальности, где существует Маман. Настолько натуральной, что вызывает эмоции страха, а вдруг фигура оживёт? Хорошо, что это всего лишь сон, скорее избавиться от его остатков.

Я всё ещё ёжилась ото сна. Поправляя рукав футболки, нащупала жёсткий волосок, как кошачий ус. Откуда он тут? А вытащив его и рассмотрев, поняла... это хитиновый волос, крупный, а вот ещё и ещё, их тут много... что это? Это был не сон?

От страшной догадки во рту пересохло и проступил холодный пот...

Итак, я собралась писать книгу о пауках...

Снежный образ

Инна Фохт (ник в инстаграм @innafocht80)

Метель закружила, завьюжила.
Сугробы растут на глазах.
Ругаем мы снег незаслуженно.
Рождает он свежесть в сердцах.

Я радуюсь, словно я маленький.
Снег липкий. Грядёт выходной.
Надену дублёнку и валенки
И термос возьму я с водой.

Перчатки, дощечки, лопаточку
И в сквер возле дома скорей.
Сугробов вокруг предостаточно.
Лепи, наслаждайся, смелей!

Колдую над шаром причудливым,
Уж час не встаю я с колен.
Себя ощущаю я скульптором:
Бартольди я или Роден!

Слеплю, ровняю и брызгаю,

Срезаю всё лишнее прочь.
Как мальчик, от радости прыгаю.
Ура! Получилось точь-в-точь!

В каштановый крашу я волосы,
Зелёным глаза, губы алым.
Идея, рождённая в Космосе,
Вдруг девушкой снежною стала.

Не просто сугроб и не просто снег,
А образ любви и мечты...
Посмотришь в окно, улыбнёшься мне
Уже настоящая ты...

Короткий век у изваяния
Из белого снега, я знаю.
Исчезнут в тепле все старания.
Но чувства мои не растают.